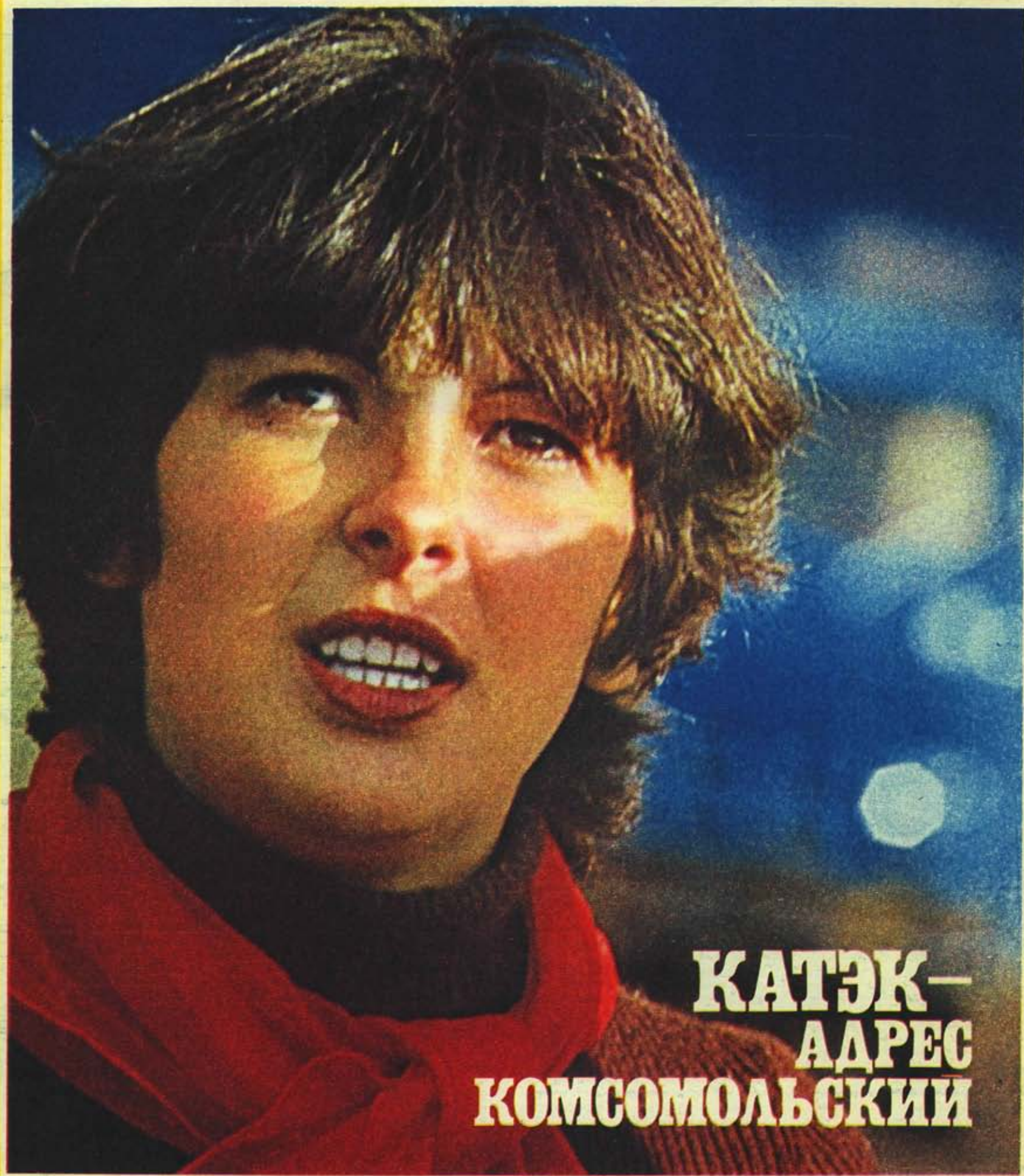

СМЕНА

№ 16 АВГУСТ 1981

**КАТЭК—
АДРЕС
КОМСОМОЛЬСКИЙ**

ДЕТСКИЙ ДОМ

1. Нельзя ли тарифицировать нежность?

Ребенок рождается на свет беззащитным и беспомощным. Встать на ноги ему помогают родители. Но есть дети, и их, к сожалению, немало, этой помощи лишены. Дети, которых никто не называет сыном или дочерью... Нет для ребенка большего несчастья, чем лишиться отца и матери, остаться сиротой. Материальную заботу о таких детях берет на себя Советское государство. Но чем восполнить невозможное — тепло отчего дома? Одеть, обути, накормить малыша мало. Он должен знать, что кому-то нужен, что есть добрые люди, с которыми он может поделиться своей болью и своей радостью. Не оставлять поплавшего в беду — это закон человечности, закон нашего общества. А если в беде оказался ребенок, закон должен действовать в тысячу раз быстрее. С этого номера «Смена» начинается разговор о детских домах. Проблем, требующих решения, здесь немало. Назовем лишь самые главные, самые неотложные. В детских домах должны работать высококвалифицированные, беспристрастно увлеченные своим делом, любящие детей педагоги и воспитатели. Педагогические же институты специалистов для детских домов не готовят. В детских домах нет своих библиотек — их предстоит создавать. Детским домам нужны загородные пионерские лагеря, свои приусадебные участки, спортивные городки — перечень этот можно продолжать и продолжать. Часть из этих проблем находится в компетенции Министерства просвещения СССР, центральных ведомств. Для решения других необходимы инициатива и средства местных органов. Самую активную позицию в шефстве над детскими домами и интернатами должны занять комсомольские организации. Комитеты ВЛКСМ могли бы взять под свою опеку создание библиотек, сооружение спортивных площадок, привлечь энтузиастов к ведению кружков и секций. Нужно сделать все возможное, чтобы детский дом стал теплым домом. Публикуя сегодня записки воспитателя Анатолия Дмитриевича Захарова, приглашаем высказать свое мнение по проблемам детского дома педагогов и воспитателей, всех, кого они волнуют. Нельзя проходить мимо чужой беды. Чужой беды не бывает.

Всякий раз, когда я, укладывая своих девочек спать, уже собираюсь гасить свет, застываю на минуту с протянутой к выключателю рукой и взглядом окидываю спальню — огромную комнату с двадцатью кроватями. И часто взгляд мой останавливается на той, что в длинном ряду таких же стоит у самой двери.

Мимо этой, крайней, вечно бегут то в туалет, то еще куда. На нее дует из коридора, ведь девочки спросонья ночью частенько забывают закрывать дверь, дует из игровой, тянет и с лестничных площадок и из форточек. На этом острове, открытом всем ветрам, спит, закутавшись в казенное одеяло, маленькая Юлька.

Мне нужно гасить свет, а девочка все еще роется в своей тумбочке, что-то там перекаладывает, разбирает. Губки сосредоточенно сжаты, на лице озабоченность. Я понимаю, что тумбочка, где лежат ее нехитрые вещицы: тряпочки, фантики, какие-то картиночки — заветный уголок, единственная тихая пристань в огромном трехэтажном человеческом улье, наполненном криком, шумом, беготней. Мне жалко тревожить девочку, торопится. Но в детском доме существует строгий режим коллективного житья, который никому не дозволено нарушать.

— Юка, спать! — говорю я. Она вздрагивает, с сожалением закрывает тумбочку, покорно ложится в постель.

Что-то шепча куколкам своим, Юля на несколько счастливых минут ушла далеко, в желанный, сказочный мир. Приказом своим я возвращаю ее в действительность, в дом, где с младенческих лет живет она, не зная, не ведая тишины, где без конца ее торопят.

Торопят воспитатели, торопит бесстрастный, пронзительный электрический звонок, что зовет строить на завтрак, на обед, на ужин. Ритм. Режим. Гулкие коридоры, широко распахнутые двери, крик, возня. Пойдет в школу — там опять звонки, шум, а летом в лагере опять построения, канитель, беготня, которой нет конца. Привыкла девочка, куда же денешься. В ее хрупком организме давно выработался своеобразный рефлекс автоматического срабатывания на звонки, приказы, поучения, запреты.

Здесь нельзя даже в выходной день утром понежиться, сколько хочется, в постели — тебя поднимут воспитатели. Здесь, заигравшись во дворе и опоздав на обед, останешься голодной. Здесь не испекут на ужин любимые твои блинчики: сегодня на ужин картошка с селедкой.

Коллективное житье, четкий распорядок. И никто никогда не будет с ним спорить, не спорю и я, сам варюсь в этом котле ежедневно. Но я здесь только в свои рабочие часы, а Юля все двадцать четыре в сутки.

В детском доме мне особенно жалко маленьких девочек. Мальчишки как-то легче переносят беспокойную жизнь.

Девочки, как правило, более сентиментальны, им нужно больше ласки, заботы. Они больше нуждаются в уюте и больнее мальчишек переносят сиротство.

В детском доме не принято расточать нежность. Здесь царят строгость и требовательность. И все-таки надо быть нежным, не надо бояться этого чувства.

Мы ежегодно проходим так называемую тарификацию. Должность, стаж работы, образование учитываются при

— Не пойдет. Разобрать. В случае возникновения очага загорания эвакуация затрудняется.

По его словам, нужно ломать стену и делать дополнительный запасный выход, железный трап с этажа во двор и еще много чего. Спорить с пожарником было бесполезно, да и всякий понимал, что на пожарного нельзя обижаться, у него инструкции, он на страже.

Воспитатели приуныли.

— Ну, а если мы в каждой микроспа-

Анатолий ЗАХАРОВ

ЧУЖОЙ БЕДЫ НЕ БЫВАЕТ

ЗАПИСКИ ВОСПИТАТЕЛЯ ДЕТСКОГО ДОМА

начислении зарплаты. Но разве можно учесть степень отдачи себя детям, нежность? Эти качества не подлежат учету и оценке, это ты сам, твоя совесть и честь. Возможно, что в будущем поступающих в педагогический вуз будут подвергать какой-нибудь электронной проверке на степень содержания в их душах этих качеств.

Но сегодня — увы! — есть педагоги, которые приходят в детский дом только потому, что не оказалось места в школе. Есть среди нашего брата черствые, грубые, бездушные.

Кто-то, возможно, скажет, что я зря говорю о жалости к детдомовским ребятишкам, что «нетарифицированная нежность», о которой я так пекусь, не может что-либо изменить в строгих нормах детского дома. Как знать. Но я все-таки верю, что долетят мои слова и до архитекторов, проектирующих такие дома, и до поваров, которые восплают заботой о воспитанниках.

В одном детском доме — не буду называть его адрес — на подсвете решено было в качестве эксперимента огромную спальню разбить на микроспальни. Идея покончить с казенщиной захватила ребят. В учебной мастерской изготовили легкие ширмочки, расписали их сказочными сюжетами и наивными цветочками, поставили в спальне. И вот состоялось «новоселье». В каждой «комнатке» поместились две кровати, столик, шкафчик, зеркало и — совсем уж комфорт — настольная лампа под зеленым абажуром.

Девочки, с пеленок привыкшие к громадным комнатам, согреты неожиданным уютом, как-то вдруг похорошели.

— Ой! Ну, как дома! — восторжались даже те, которые, в сущности, никогда его и не видели. — Девочки, ведь это, как в сказке, можно друг к другу в гости ходить!

Все были довольны, только радость была недолгой. Директор по неопытности не счел нужным посоветоваться с пожарным инспектором и с районной санэпидстанцией.

Пожарник прибыл незамедлительно. Начальственно окинул взглядом комнату с микроспальнями, недовольно сказал:

ленке повесим огнетушитель и этот самый, брандспойт, что ли? — саркастически спросил кто-то.

— Не шутите, — отрубил пожарник, — с огнем не шутят.

— Да, но девочки у нас не курят!

— Все равно нельзя, затрудняется эвакуация...

Вскоре на «новоселье» прибыли и представители СЭС. Эти сообщили, что при таком расположении спален нужно прорубить еще пять окон или снять бетонные потолочные плиты и поставить вместо них застекленные фермы, как в Третьяковской галерее, дабы лучи солнца могли в избытке проникать в каждую микроспальню и убивать там миллионы вредных бактерий.

Только две девочки девочки послали в своих «квартирках», а потом вновь на «семь ветров». Нет, самостоятельность не удалась, будем надеяться на архитекторов.

А теперь мне хочется поговорить о том, как влияет на настроение ребят мастерство повара.

Было это давно, в годы первой пятилетки. Еще не ушли в прошлое пайки, и хлеб ребятишкам не клали, как сейчас, посреди стола на тарелку, а выдавали порциями. Скучный ассортимент продуктов, строгое нормирование. И вот в такое время наша детдомовская повариха тетя Стеша решила кормить ребят по трем меню.

По вечерам в группах возникали дискуссии, кто и что хочет есть завтра в столовой. В итоге с помощью кладовщицы и медсестры — тоже сторонников раздельного меню — составлялись заявки-порционки. Тете Стеше помогали на кухне девочки, но и мальчишки с удовольствием чистили картошку, пилили и кололи дрова. И вот двадцать «персон» с аппетитом едят пшеничный суп, тридцать любителей флотского борща тоже не отстают от товарищей, а сорок за обе щеки уплетают суп с клецками.

Забота? Да, забота. Это та самая нежность, которой находилось место в пропахшей жареным луком кухне, где дым стоял коромыслом от сырых осиновых дров.

Теперь плита у нас в детдоме не

— ТЕПЛЫЙ ДОМ

дымит, мы «топим» ее электричеством, кухня сверкает белым кафелем, картошку чистит машина, хлеб режет механическая хлеборезка, продуктов всяких много, только нет в этой красивой кухне тети Стешы. Правда, с калориями все в норме. За этим педантично следит медсестра. Только оказывается, что не в одних калориях дело.

У Пети в тарелке с супом лежит большущий кусок мяса, суп наваристый — жир прямо искрится. Только Пе-

тя тайком, чтоб никто не заметил, не заругал, заталкивает жирный кусок под пленку с хлебом.

— Почему не ешь мясо? — спрашивает его воспитатель.

— Оно жирное, от жира меня тошнит.

А тонкая, как былиночка, Настенька схитрила, скорее вылила свой суп в бачок для отходов, поклевала кашки, глотнула компот и бежать. В карман платья сунула пару кусков хлеба, чтоб засушить на батарее, а вечером, укрыв-

шись в постели одеялом, полакомиться сухариками тайком от всесильной казенщины.

В заключение своих наблюдений с разрешения читателя я хочу пометить, тем более что мечты не нуждаются в санкции пожарного надзора и санэпидстанции, для них не нужно прорубать стены и ставить пожарные трапы.

...Представьте, прихожу я однажды в детский дом. Дежурный воспитатель — мой гид — ведет меня по знакомой лестнице на третий этаж. Я еще не в курсе последних новшеств и в замешательстве останавливаюсь на пороге. Передо мной красивый, чистенький коридорчик, мягкая дорожка на полу, а направо и налево по коридору двери, двери. Заметив мое недоумение, гид поясняет:

— Это новая планировка так называемого гостиничного типа. Да вот полюбуйтесь. — Гид-воспитатель кивает на дверь, где укреплена табличка с надписью: «Здесь живут Юлия Найденова и Маша Бондаренко».

Стучимся. В ответ слышим: «Войдите!» Дверь бесшумно открывается. В комнате два кресла, полированный стол с множеством ящиков, полочки для книг, настольная лампа, шкафчик для белья. Мне поясняют, что кресла на ночь раздвигаются, превращаясь в кровати, а постель хранится в стенной нише. Тишина, покой, уют. Есть даже сверкающий белизной умывальник. Здесь все у девочек свое, сюда не залетают вихри с лестничных площадок. Здесь дом.

— Ну, а как у вас с тем электрическим колоколом, что громыхал, сзывая на обед? — спрашиваю я.

— Сняли. — смеются довольные девочки, — вот замена. — И показывают в уголок, где висит маленький динамик. Я пришел как раз перед обедом. В динамике что-то зашуршало, и голос диктора сообщил:

— Внимание, ребята! Дежурная бригада приглашает вас на обед. Заказавшим кушанье номер один просим занять столики в голубом зале, обед номер два мы накрыли в розовом, номер три — в синем, а зеленый зал открыт с четырнадцати до пятнадцати часов для тех, кто еще не проголодался и придет попозже. Тетя Стеша и мы желаем вам приятного аппетита!

— Тетя Стеша! — шепчу я, не веря ушам. — Неужели и вправду? Где вы ее нашли?

— Да вот разыскали. — смеется гид-воспитатель. — Ведь свет не без добрых людей...

— А в связи с новой планировкой дух коллективизма, так сказать, не пострадал? — спрашиваю я.

— Наоборот, — улыбнулся дежурный. — От комфорта, уюта прибавилось радости, а радость — спутник коллективизма. Да мы и так все вместе: в учебе, в труде, на досуге. Прежняя же беспрепятственная сутолока большого дома до того надоедала каждому, что невольно притупляла тягу к коллективным делам.

Я не мог не согласиться с дежурным педагогом, ибо на практике знал, что наивысшее удовольствие детдомовским ребятишкам доставляет поездка домой на каникулы, на выходной к родным, к знакомым людям.

2. Васнецов и Саврасов пусть подождут

Вчера у меня был выходной, а сегодня на работу еду к шестнадцати. Как там моя коллега с нашими сорванцами? Ведь не был только день, а как соскучился по своим ребятишкам!

Пока шел со станции, с электрочки, вспомнил недавний развеселивший меня случай.

В игровую, где я, вооружившись инструментом, приколачивал к столу отломленную ножку, вбежали девочки:

— Анатолий Дмитриевич! А Сашка Ермолин в классной комнате веник ест.

По опыту знаю, что сообщение об истреблении веника путем съедания нужно понимать в буквальном смысле, поскольку метафорами детишки мои говорить еще не умеют.

Не бросая молотка, без особой тревоги за судьбу Саши Ермолина, а заодно и веника спрашиваю:

— Весь съел или частично? — Да нет, не весь. Ест и не отдаст, а нам нужно подметать.

— Черт знает что! — нарочно хмурюсь и делаю вид, будто это сильно меня возмутило. — Скажите, пусть немедленно отдаст вам веник, а если ему уж очень хочется поедать предметы, пусть жует швабру.

Почувствовав, что серьезность моя напускная, девочки звонко хохочут. Вызываю Ермолина. Он действительно ел веник. Точнее кругленькие зернышки на концах метелок, семена, видимо.

— Вкусно? — спрашиваю Ермолина, продолжая сколачивать стол.

— Не очень, — пожимает плечами. Не выдержав серьезного тона, хохочу сам. Смеется и Сашка. Инцидент исчерпан.

У меня всегда бывает хорошее настроение, когда я иду на работу. А сегодня мне радостно еще и потому, что везу ребятишкам багаж — пачку репродукций картин Васнецова и Саврасова. По плану должна состояться беседа об их творчестве. В вестибюле подбегают ко мне мои ребятишки, и в тесном кольце чубчиков, бантиков я плыву на третий этаж. Все идет хорошо. Но вот неожиданно девочки выпаливают мрачную новость: Леня Кузькин вчера в школе на уроке обозвал учительницу Анну Николаевну дурой и беременной крысой. От них же узнаю, что Леня вчера сбежал с урока, сегодня вообще не был в школе, где-то бродил и только сейчас, мокрый, грязный, голодный, пришел в детский дом.

Анна Николаевна работает последний месяц перед декретным отпуском. Сразу представляю, как тяжело ей перенести оскорбительную выходку моего Лени. Я говорю «моего», приписывая этому слову значение моей вины как воспитателя. Мой — значит я или почти я. Конечно, признавать свою вину в проступках воспитанников нелегко. Для этого нужно быть очень самокритичным, а это не всякому по силам.

Чувство ответственности педагога за деяния его воспитанников растет пропорционально времени, потраченному на воспитание, и чем длиннее временная дистанция, тем больше ответственность.

Леня Кузькин прибыл в мою группу

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

Наша обложка:
Нина Чумака приехала
на строительство
КАТЭКа
с отрядом «Молодогвар-
деец».

Фото
Альберта ЛЕХМУСА

Репортаж
с Всесоюзной ударной
комсомольской стройки
«КАТЭК — КЛАДОВАЯ УГЛЯ»
читайте на 8-й странице.

три года тому назад из семьи и учится уже в четвертом классе. «Дистанция времени» большая, я за него в ответе.

Нет следствия без причины. Почему же Леня так нагрубил? Те же девчонки поведали мне, что на уроке Леня Кузькин баловался: кого-то толкнул, у кого-то вырвал тетрадку. Анна Николаевна делала ему замечания, но безрезультатно и, не выдержав, зло бросила: мол, у мальчишки мать-пьяница валяется под забором, а ты, учитель, мучайся с такими Кузькиными, учи их уму-разуму.

У меня мурашки прошлись по спине, когда я узнал эту подробность. Оказалось, что грубость мальчика не случайна. Анна Николаевна! Да как же это вы так неосторожно? Ведь знаете, с какими детьми работаете, сколько у них душевных ранок.

Моя коллега, молодая воспитательница Раиса Петровна, встретила меня со вздохом.

— Знаете?

— Знаю.— снимая пальто, сказал я. — Мы тут уже приняли меры, однако Кузькин наотрез отказался извиниться перед учительницей и сегодня в виде протеста прошлялся где-то все четыре урока. Так и заявил: «Пусть меня гонят из школы, а извиняться не буду».

— А что за меры вы предприняли? — поинтересовался я.

— Проработали его, паршивца, на собрании группы, чтоб знал, как грубить учителю...

Увы, коллективное обсуждение Кузькина, на мой взгляд, заведомо было обречено на провал, ибо мне-то известно, как самолюбив Леня, сколько в нем упрямства, как он умеет протестовать, какой этот мальчуган, в сущности, твердый орешек. Добиваться его раскаяния перед учителем нужно другим путем.

Раечка понимает, что поступила скоропалительно, не посоветовавшись со мной, и стоит, виновато моргая своими большими серыми глазами.

— Я хотела как лучше, — говорит она.

— Не волнуйтесь, — успокаиваю я. — Никакой беды в вашем «предприятии» нет. Ведь все еще можно поправить, поставить на свои места.

— Нет, Анатолий Дмитриевич, теперь я поняла, что нужно было иначе. Просто я мало знаю Кузькина. А, по-вашему, как нужно поступить?

— Если настаиваете, скажу... С Кузькиным надо говорить один на один, поскольку дело осложняется ошибкой Анны Николаевны, упрекнувшей мальчишку пьяницей матерью. Кузькин любит свою мать. Выход у нас с вами такой: нужно убедить Кузькина в том, что при равенстве, так сказать, душевных повреждений, понесенных обеими сторонами, ученик все-таки должен уступить учителю. Уступить не под давлением извне, а по логике собственных выводов, логике здравого смысла. Впрочем, давайте поговорим с Кузькиным, не будем тянуть. Вы торопитесь домой?

— Я согласна быть здесь хоть до вечера, — с готовностью сказала Раечка. — Только удобно ли при разговоре присутствовать и мне? Я, так сказать, уже повела дело не в ту сторону.

— Наоборот, Кузькину полезно будет видеть наше воспитательское единение. Где Леня?

— Сидит в умывальной, надулся, даже с друзьями не разговаривает.

— Ну и пусть посидит. Сейчас всех отправим на полдник и начнем дипломатические переговоры.

Я уже представил кругленькую мордашку Лени. Вообразил, как его глаза второй день мечут холодные искорки.

Я любил Кузькина, как и всех других. А вот жалел, пожалуй, больше. Леня острее других переживал беду, привешивая его под крышу детского дома. Были у нас ребяташки, «рассчитавшиеся» со своими родителями. Они с хохотом рассказывали об отце-алкоголике или матери, которая «стирала на базе пять

нейлоновых курточек и засела в тюрьму». Леня хотя и знал, какова его мать, однако любил ее. Видимо, на что-то надеясь, он не хотел напрочь душевно отделиться от нее.

Я вспомнил, что неделю назад Леня получил письмо от матери, отбывшей срок в местах заключения. Кузькин показал мне письмо, мы прочли его вместе. Потом я обнял мальчика, и он прильнул ко мне. Так сидели мы, обнявшись, долго и молчали. От ребят он не скрывал, что мать у него пропащая пьяница, но откровенные разговоры вел только со мной.

— И все из-за Кольки, — сквозь слезы сказал он. — Колька — алкаш, вот и мамка с ним каждый день «бухая».

Колькой мальчик называл своего отца, который устраивал ночные дебоши в доме, приводил компании пьяниц, а Леню с матерью босиком выгонял на улицу...

Однажды Леня спросил меня, почему в народе, угрожая кому-нибудь, говорят: «Вот покажу тебе Кузькину мать!» Я обещал ему порыться в литературе и выяснить происхождение поговори.

— Наверное, была такая же прощелыга, как и моя, — вздохнув, заключил Леня.

Как-то в шутку я шепнул ему на ухо: «Зачем ботинки промочил? Вот положу тебя за провинность в постель, тогда узнаешь Кузькину мать!» Леня хорошо понимал шутки, и хохотали мы с ним вместе. Лаская, я непременно говорил ему: «Мой Кузька», — и Леня расцветал, он любил ласку...

Когда ребята, построившись, ушли на полдник, я заглянул в умывальную. Увидев меня, Леня нехотя поднялся.

— Пойдем в спальню, потолкуем, — предложил я.

Было бы наивно полагать, что, приглашая на беседу взъерошенного, колючего, как ежик, мальчугана, я, воспитатель, мысленно не составил концепт предстоящего разговора, не прикинул свои возможности, не определил свою позицию. Наступает ли, осуждая и возмущаясь, стыдить ли и сокрушаться, или просить Леню извиниться перед учителем?

Вот и чистенькая, светлая спальня мальчишек. У входа стол. Мы с Раисой Петровной сели к столу. Вошел Леня, плотно прикрыв за собой дверь. Глядя в пол, приблизился к нам, замер, ожидая. Мы молчали, молчал и Леня, а времени, как говорится, в обрез. Ребята там одни, без воспитателей, и все ждут мою беседу о художниках. Раечка глянула на меня: мол, пора начинать.

— А знаете, Раиса Петровна, — спокойно сказал я, — мы, кажется, быстро все поставим на место. Я верю в это потому, что перед нами не какой-нибудь дуралей, а Леня Кузькин. Он горяч, самолюбив, но зато умный мальчишка... Он уже понимает, что его беда — и наша тоже. Спрашивается, зачем же нам всем троим ходить с этой бедой в душе, когда общими усилиями можно вернуть мир и спокойствие?

Леня молчал и не поднимал головы. Он знал, что его воспитатель не любит хитрить, и не мог изблизить меня в какой-то уловке.

— Ну, как с бедой-то? — немного помолчав, спросил я. — Ведь знаю — ты крепкий орешек, тебя трудненько уговорить, тем более что учительница затронула твою мамашу, а мать ты любишь. Раечка с тревогой глянула на меня. Во взгляде ее прочел недоумение: почему я чуть ли не сочувствую грубияну?

— Не знаю, как быть, — наконец сказал Леня и низко опустил голову.

— Тогда придется тебе помочь, — подхватил я. — Для этого придется все разложить по полочкам, взвесить все «за» и «против». Будем взвешивать? Или предложишь нам с Раисой Петровной идти в умывальную, занять твоё место там?

— Ладно, будем взвешивать, — про бурчал Кузькин.

— Тогда достань из санитарной тумбочки крышечки от мыльниц и штук

1 ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ.
Анатолий ЗАХАРОВ. «Чужой беды не бывает». Записки воспитателя детского дома.

6 РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!
«НОВГОРОДЦЫ — ДОБРЫЕ МОЛОДЦЫ!»

8 «КАТЭК — КЛАДОВАЯ УГЛЯ».

10 РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ.
«НА ЧТО НАПРАВЛЕНА ПРЕДПРИИМЧИВОСТЬ?»

11 Юлий СМЕЛКОВ. «ГАУДЕАМУС» И ДРУГИЕ.

13 Стихи Татьяны СМЕРТИНОЙ.

14 НОВАЯ РУБРИКА «ФИЗКУЛЬТ-УРА!»
Олег ДМИТРИЕВ. «КАК И ВО ЧТО МЫ ИГРАЛИ».

16 БЕСЕДЫ О МОЛОДОЙ СЕМЬЕ.
Ада БАСКИНА. «ИСТИНЫ ДЛЯ БУДУЩИХ СУПРУГОВ».

18 НОВАЯ РУБРИКА «ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ:
ОТ МОЛОДОСТИ — К ЗРЕЛОСТИ». РУСТЕМ КУТУЙ.

26 Владимир КАЗАКОВ. «НЕИСТОВЫЙ ЯНУСОВ».

28 «ОБЪЕКТИВ ПОЭТА».

30 «АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ».
Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИ-
БАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ,
Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник А. В. Крикунов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

десять зубных щеток,—попросил я. Леня покорно принес все и молча разложил на столе.

— Взвешиваем! — торжественно объявил я.— Слева кладем крышку от красной мыльницы. Это будет чашка весов, принадлежащая Анне Николаевне. Справа, синяя, твоя... Следи внимательно, а то, чего доброго, обвешу,— пошутил я. В глазах Кузькина появилось любопытство.— Итак, она оскорбила тебя, а ты в отместку оскорбил ее. Верно?

— Ну, верно.

— Значит, кладем на красную чашку весов и на синюю одинаковый груз. Положим по пять зубных щеточек. Весы показывают равенство. Правильно?

— Ну, правильно,— согласился Кузькин. Да как не согласиться, когда сам воспитатель положил на его чашку такой же груз, как и на чашечку учительницы!

— Взвешиваем дальше,— продолжал я.— Учитель старше тебя? Старше. А младшие уступают старшим, потому одну твою щетку перенесем учительнице. Согласен?

— Ну, согласен.

— Почему все ну да ну?.. Рассуждаем дальше. Учитель дает тебе знания, которые необходимы тебе для того, чтобы жить, а ты учителю ничего не даешь. Верно?

— Верно,— уже без «ну» проговорил Кузькин.

— Хорошо. Значит, с твоей синей чашки мы снимаем еще одну щеточку. Видал, что с весами получается! Учитель настолько перевесил тебя, что заслуживает безусловного снисхождения. Но, однако, это не все...— Я приготовился перенести еще одну щетку.

— Ой, хватит, Анатолий Дмитриевич,— повеселев, блеснул глазами Леня.

— Нет, друг, подожди,— сказал я.— Кто расстраивает учителей, выматывают им нервы? Вы, ученики. Берем с твоей чашки-мыльницы еще одну щеточку. Видишь, как у нас ловко получается! — Подождите,— остановил меня Леня.— Это не совсем честно. Анатолий Дмитриевич. Выматывают нервы все, не один я. Вон Петька Колобков на днях разорвался на уроке, а Васька галку из бумаги сделал и пустил. Что, мне за всех отдуваться?

— Ладно, справедливость прежде всего,— согласился я.— Пока твою щеточку можно оставить в покое. А вспомни, милый Кузька, что ты вытворял на уроке, прежде чем Анна Николаевна вынуждена была упрекнуть тебя. Что?

Леня вздохнул и, отстранив мою руку, сам взял оставшиеся на своей мыльнице щеточки и переложил их на красную мыльницу учительницы.

На следующий день Кузькин на уроке в присутствии всех ребят извинился перед Анной Николаевной.

Описанный случай грубости ученика не является каким-то особым, из ряда вон выходящим, поскольку в нашей практике встречаются беды и более значительные. Однако, с разрешения читателя, я позволю эту историю использовать в качестве опорного пункта разговора о некоторых важных, на мой взгляд, вещах, касающихся работы любого педагога и всякого, кто воспитывает детей.

Итак, почему в разговоре с Леной я использовал манипуляцию мыльницами и зубными щеточками? Нельзя ли было обойтись без этой «бутафории»? Если учесть обстоятельство, что десятилетний мальчуган еще не так силен, чтобы быстро и безошибочно подойти к решению весьма сложной для него нравственной задачи, то демонстрация перед ним «весов правосудия» помогла логичнее обосновать мысль.

Следующее обстоятельство, которое помогло мне быстро убедить мальчика,— это откровенность. Я уже говорил, что Леня Кузькин доверял мне свои душевные тайны. У меня было открыто заветное окошечко в душу мальчугана, которым я и мог воспользоваться. Взвешивая свой проступок, мальчик чувство-

вал, что эта своеобразная игра в «за» и «против» не камуфляж, что у нас обоих все идет начистоту.

Третье, что помогло мне в беседе с Леной,— это наш с ним душевный контакт. Кстати сказать, следует ли воспитателю, работая с детьми, добиваться этого контакта? Ведь в группе минимум тридцать воспитанников, тридцать разных характеров. Попробуй-ка сблизиться духовно с каждым. Задача, конечно, сложная, но выполнимая. Нужно создать в группе такую атмосферу, чтобы детишки почувствовали в вас самого близкого человека, который и приласкает, и поругает, и защитит. Тогда они сами потянутся к вам для открытия своих сердечек, тогда и придет желанный душевный контакт, когда будет стыдно врать воспитателю, кривить душой, хитрить, таиться, замыкаться от него.

Было и четвертое, если уж начал считать, обстоятельство, которое помогло мне в беседе с Леной. Это знание неписаного закона ребяташек: считать виноватым того, кто первым начал. «Доводил» учителя Леня, он и признал свою вину. «Довел» — не обижайся, если получишь сдачу.

Еще одну деталь нужно отметить: Леня понял, что его беда—беда его воспитателей. Нужно уметь убедить ребяташек, что в их поступках, хороших и плохих, как в зеркале отражаются твой воспитательский труд и ты сам, что ты неотделим от них, где бы они ни были. Некоторые мои коллеги, я замечал, стараются поставить себя в стороне от проступка, совершенного их воспитанником. Был у меня такой знакомый воспитатель. Чуть что, он скорее за воротник своего мальчишку — и к завучу или к директору. Вот, мол, что наделал, паршивец! И сидит таким непогрешимым наблюдателем-чистюлей, пока директор отчитывает сорванца. Я никогда подобными методами не пользовался. Обычно все разбираю сам в группе. Я также считаю, что старший по должности должен отчитывать воспитателя в присутствии ребяташек, если они совершили проступок. Получу внушение перед детьми, а потом скажу: «Вот видите, как нам всем досталось, как вы меня подвели!»

Наконец, еще одна «союзница» моя в воспитании ребяташек — ласка. Ласкать — это не значит, что каждого из тридцати человек ежедневно я должен обнять, с каждым посидеть и, заглядывая ему в глаза, поговорить тепло. Дело вовсе не в этом, и я не это имею в виду. Ласку ребенок должен чувствовать не только через теплую вашу руку, что лежит на его плече, а через весь многообразный мир взаимоотношений воспитателя с детьми. Даже тогда, когда вы отчитываете своего сорванца за что-нибудь, воспитанник должен чувствовать ваше доброе сердце, которому он причинил боль.

Когда сижу я, беседуя с ребяташками, на большом нашем диване в игровой комнате или за просмотром телепередач, ребята стараются сесть ко мне поближе, а место рядом с воспитателем копируется вообще «на вес золота». Из-за этого места мои ребяташки иногда даже ссорятся между собой. Дети держатся поближе к воспитателю потому, что от него постоянно исходит неиссякаемое тепло доброты. Каждому подсознательно хочется быть поближе к этому теплу.

Заканчивая это небольшое раздумье о путях, что вели меня к сердцу Лени Кузькина, хотелось бы заметить, что я назвал только малую часть путей к душам ребяташек, перечислил только часть богатств, которыми должен владеть настоящий воспитатель.

3. «Виза»... на добродетель

Столкновение добра и нежности с казенщиной и безразличием я рассматриваю на примере детского дома. Пусть,

однако, товарищам, никогда не работавшим в детских домах, не кажется, что специфика детского дома, в общем-то не массового воспитательного учреждения, накладывает на мои выводы печать узковедомственных концепций. Нет. Ведь у нас не существует какой-то специально детдомовской, интернатской или школьной педагогики. И хотя отправным пунктом для этих выводов является бытие детского дома, они в полной мере должны волновать любого, кому дорого воспитание детей.

В связи с этим хочется добавить, что, пожалуй, вряд ли в каком другом воспитательном учреждении так зримо открывается воспитатель, как это бывает в детском доме. И немудрено. Ведь именно здесь, в детдомовской кузнице, педагог должен быть со своими детьми круглосуточно, несмотря на предусмотренные графиком часы работы. Я имею в виду его постоянную, не вписанную ни в какие графики душевную неотделимость от судьбы своих ребяташек. В школе, закончив урок, учитель передает своих питомцев в руки родителей. В детском доме воспитание не делится на части, оно целиком в руках педагога. Как одеты детишки, как умыты, накормлены, как учатся — все, до самых высших сфер их духовной жизни, находится в руках педагога, за все он в ответе. Он отвечает за это «все» сегодня, ответствен в будущем. И даже прошлое его воспитанников, давние неурядицы в семьях больно отзываются в его сердце.

Почему же, спросит меня кто-то, минувшие беды, вследствие которых ребенок попал в детский дом, могут отзываться в сердце воспитателя болью? Неужели прошлое нельзя решительно предать забвению? К сожалению, нельзя, не получается. Прошлое порой не только напоминает о себе, но и мешает здоровому настоящему. Ходит по пятам за ребенком, мешает ему нормально жить.

Чтобы не быть голословным, приведу факты.

Я знал одну очень хорошую чету: она — бухгалтер, он — врач. Люди порядочные, друг друга любят, жить бы да радоваться, но вот беда — детишек у них нет. На супружеском совете решили: взять из детского дома девочку. Мария Петровна поехала в один из детских домов области. Представилась директору, показала документы, ходатайство горно. Приняли хорошо, но... Тщательно просмотрев списки всех ребяташек в возрасте от семи до девяти лет, директор детдома, вздохнув, развел руками:

— Представьте, никого не могу вам предложить.

— Как же так? Сколько же у вас девочек возраста семи—девяти лет, если не секрет, конечно? — спросила обескураженная женщина.

— Не секрет,— подтвердил директор.— Двадцать две. Но у каждой или мать, или отец живы, бабок, дедов хватает, тетей разных. Тетки, разумеется, не в счет, но вы сами не захотите брать девочку, если у нее есть родители. Ну, вот вам пример.— Директор взял из стопки зелененькую папку личного дела. Открыл ее, полистал бумаги.— Девочке сейчас восемь лет. Когда была крохой, мать пила, оставляла ее без присмотра. Даже, как следует из этой вот бумажки, «забывала» во дворе на скамейке. За девочку вступили соседи. Устроили в дом младенца, потом в дошкольный детдом и, наконец, к нам, в школьный. Нескольким лет мать где-то гуляла, а теперь вдруг заявлялась, ездит, привозит конфетки, гладит по головке, но к себе домой не берет. Материнства эта особа не лишена, значит, удочерять девочку нельзя. В общем, что ни ребенок, то зацепка. Сами не воспитывают и другим не дают.

Я присутствовал при этом разговоре, знал, что директор говорит правду — удочерять некого.

— Анатолий Дмитриевич,— обратил-

ся он ко мне,— была одна у вас, крохотная такая ростиком, как ее?.. Ах да, Бондарева Галочка. Сколько лет мать не показывалась у нас?

— Десять лет,— ответил я.— А на одиннадцатом году как снег на голову: письмо.

В кабинете возникла гнетущая тишина.

Мария Петровна встала, вздохнув, сказала:

— Что ж, придется съездить в другой детдом. Может, улыбнется счастье.

— Съездите,— сказал директор,— только и там похожая картина. Вы ведь не первые к нам с просьбой — человек десять обращались. Сколько бы раз могло случиться счастье! А так называемые родители пишут, обнадеживают, делают вид, что перекуются у своих детишек, а брать не берут. Да вот,— кивнул в сторону окна директор,— к Смирновой пришла, к Олеське. Как выходящий, так полон двор всяких посетителей... Нет, вы посмотрите, пожалуйста, ведь шесть персон во главе с отцом. И гостинцы прут и поцелуями девочку всю обмусолят, а взять...

Когда Мария Петровна ушла, директор сунул в шкаф папки с личными делами, сказал, обращаясь ко мне:

— Так-то, друг хороший, Анатолий Дмитриевич. Нужно, наверное, пересматривать положение о детских домах, да, да, пересматривать. Пьешь — пей, ведешь легкую жизнь — веди, но бросил свое дитя — не лезь к нему, пусть другие возьмут и воспитают. Не мешай хорошим людям получить визу на добродетель.

«Виза на добродетель», — про себя повторил я. Метко сказано! Я давно был за эту праведную мысль. Сразу вспомнил, как на днях приехал к моей Леночке отец. Жена его — мать девочки — умерла. Он скорее дочку в детдом, дескать, трудно одному воспитывать, женских рук нет. От него, конечно, покачивало спиртным, но на лице такое достоинство, будто не пакетик с конфетками привез своей дочурке, разорившись на трешку, а по меньшей мере жемчужное ожерелье.

— Где же она, моя доченька? — спросил он, полупоняно оглядывая вестибюль. Вызвали Леночку. Чмокнув дочку в лоб, он уселся на стул, вздрагивающей рукой пропойцы обнял девочку за тонкую талию и умилно устался ей в лицо, наблюдая, как она осторожно, обливаясь пальчиками, ест конфетку. Посидел минут десять и начал прощаться: дела, мол, торопят.

Когда теперь зайвится вновь? Может быть, и через год. Что с такого возьмешь? Леночка проводила отца за калитку, долго стояла, с тоской глядя ему вслед, стояла до тех пор, пока белая рубашка его не скрылась за поворотом улицы. В руках она трепетно сжимала серый пакетик с конфетами...

Я помню послевоенные детские дома, когда у нас были почти одни сироты. Дети знали, что у них нет родителей, и, пережив однажды тяжкое горе, старались не возвращаться к нему снова...

Бывало, спросишь мальчонку о том, где его отец, а он гордо так, с достоинством вздернув носик, ответит: «Погиб на фронте, защищал Родину!»

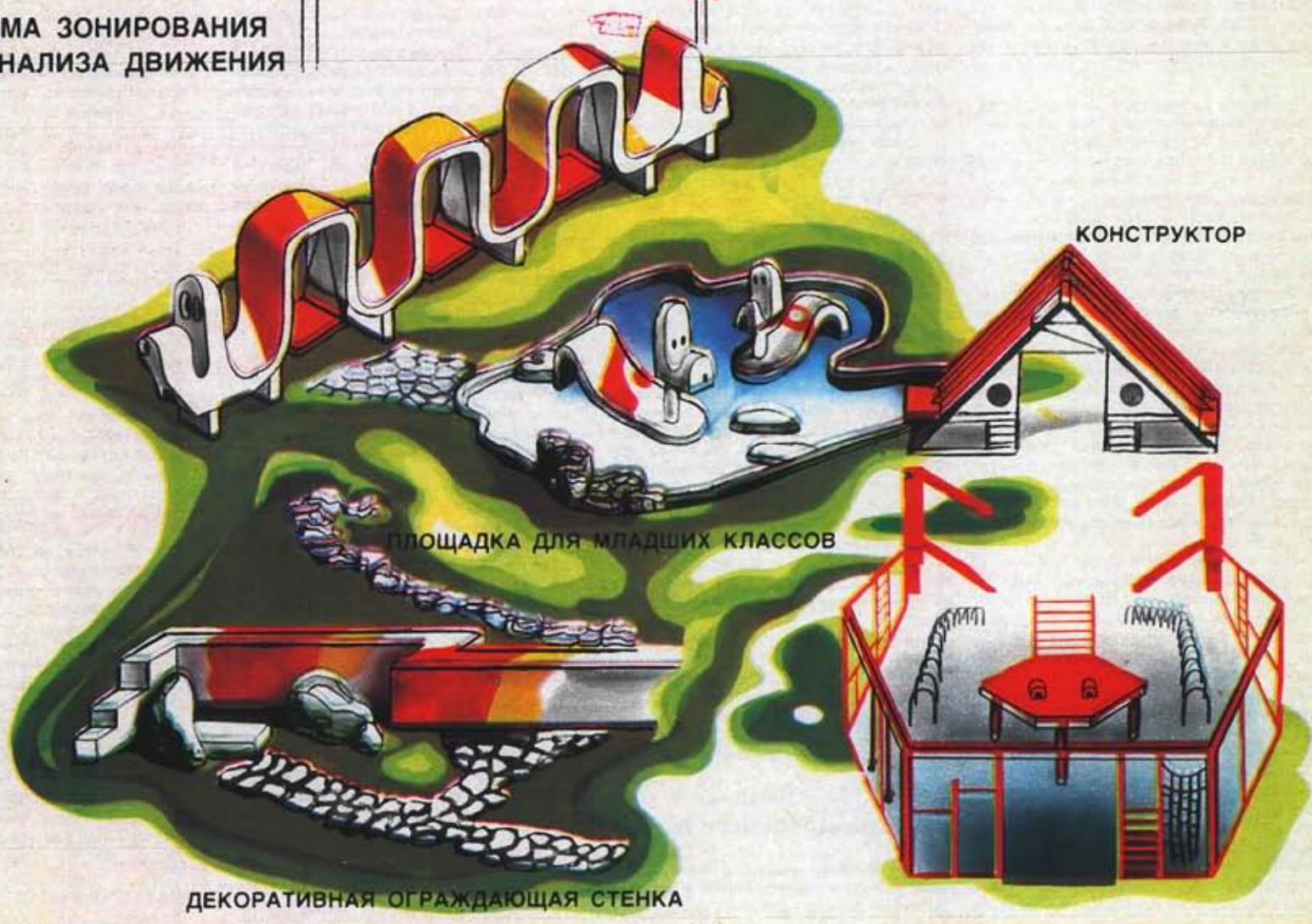
Теперь лучше не спрашивать. Спросишь — разбередишь душу. Потупив взор, мальчишка чаще всего ответит: «Пьет», — и зальется краской стыда...

Пусть дорогой мой читатель не подумает, что автор, описывая детдомовскую действительность, соперничая судьбам своих милых Леночек, оплакивает их жизнь в детском доме. Нет и еще раз нет. В здоровом и крепком организме детских домов ребята живут интересно, радостно. Мы, педагоги, оберегаем их от невзгод, гоним прочь скуку и уныние, воспитываем в юных гражданах лучшие черты. Нельзя позволить, чтобы мрачная тень родословной легла печатью на настоящее и будущее ребенка.

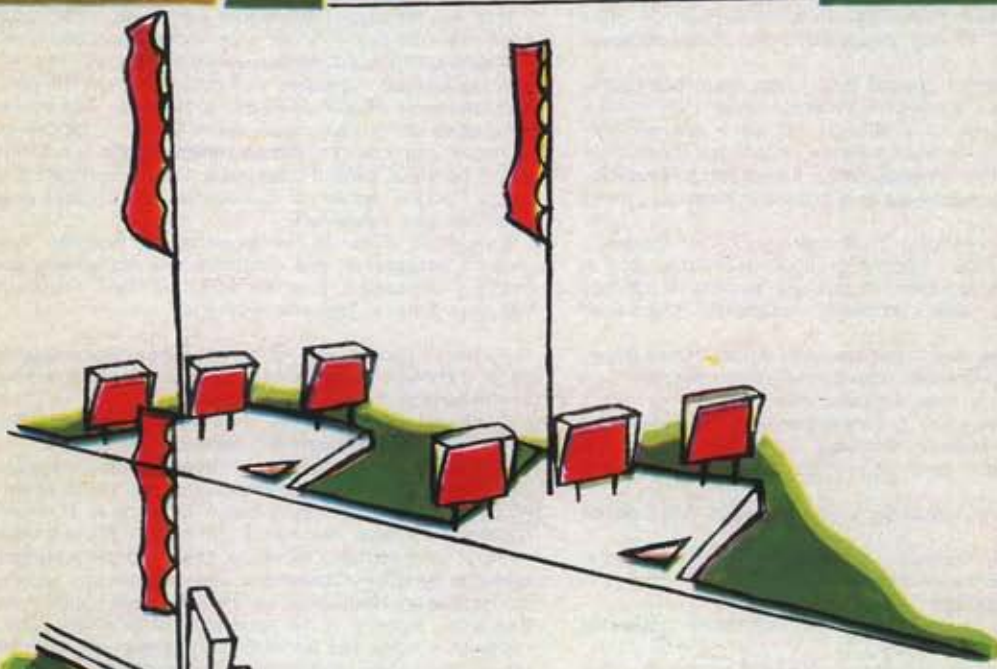
Мы верим в наших детей. Мы верим в их счастье.

1. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ДВОР
2. УЧАСТОК ОПЫТНО-СЕЛЕКЦИОННЫЙ
3. УЧАСТОК ПЛОДОВО-ЯГОДНЫЙ
4. ТЕПЛИЦЫ
5. ЦВЕТОЧНО-ДЕКОРАТИВНЫЙ УЧАСТОК
6. УЧАСТОК ОВОЩНЫХ КУЛЬТУР
7. УЧАСТОК ПИТОМНИКА
8. МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА
9. ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА
10. ПЛОЩАДКА ПРИРОДОВЕДЕНИЯ
11. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА
12. ПЛОЩАДКА ДЛЯ ЗАНЯТИЙ НА ВОЗДУХЕ
13. ПЛОЩАДКИ ДЛЯ ПОДВИЖНЫХ ИГР
14. СПОРТИВНАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ
15. ПЛОЩАДКА ДЛЯ СПОРТИВНЫХ ИГР И МЕТАНИЯ
16. СТАДИОН
17. ПЛОЩАДКА ДЛЯ ПОДВИЖНЫХ ИГР
18. КОНСТРУКТОР
19. ПЛОЩАДКА ДЛЯ ТИХОГО ОТДЫХА
20. ПЛОЩАДКА ДЛЯ СОБРАНИЙ
21. ЦВЕТНИК
22. БАСКЕТБОЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА
23. ВОЛЕЙБОЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА

ГЕНПЛАН И ДЕНДРОПЛАН УЧАСТКА

ПИОНЕРСКАЯ АЛЛЕЯ

СОЗДАТЬ РАДОСТЬ

Дети, лишенные родительской ласки, особенно нуждаются в заботе взрослых, в домашнем уюте. Обеспечить их — не только задача педагогов, воспитателей, но и... архитекторов. В здании, спроектированном без любви к детям, им будет холодно. Да, гораздо проще, чем дом со спальнями на 2—3 человека, построить здание, в гигантских комнатах которого разместятся по 10—15 человек. Но будет ли уютно в таком жилище его маленьким обитателям?

Жизненные впечатления воспитанников детского дома, полученные ими в юности, должны быть не менее богаты, чем у их благополучных сверстников. Библиотеки с широким выбором книг, самые разнообразные кружки, спортивные секции — без всего этого немыслим современный детский дом. Вот почему заслуживает всяческой поддержки позиция тех педагогов и воспитателей, которые считают, что детский дом сегодня — это не только комфортабельное здание, но целый комплекс, в котором созданы все условия для трудового, нравственного, эстетического, физического воспитания детей, то есть для гармонического их развития.

Вот посмотрите, какой детский городок спроектировали на общественных началах молодые хабаровские архитекторы, члены Совета творческой молодежи крайкома ВЛКСМ. Именно гармоническое развитие ребенка — цель, которую ставят авторы проекта.

В будущем городке к труду будут приобщаться даже самые маленькие его обитатели. Работа в теплице, на овощном, садовом, опытно-селекционном участках станет общим делом всех воспитанников. Выращивание цветов, поддержание чистоты в лесопарке, на многочисленных аллеях и дорожках городка — это тоже общая забота. Очень важно, что ребята почувствуют и отдачу от своего труда: на столе в любое время года можно будет увидеть и зеленый лук и огурцы. Проектировщики учли и познавательные интересы ребят и увлечение их спортом. Младшим — раздолье для подвижных игр, старшим — все условия для игры в баскетбол, волейбол, занятий другими видами спорта.

Вряд ли строить такой детский комплекс следует в большом, густонаселенном городе. Ведь для него требуется значительная площадь (иначе разрушится идея проекта), а именно ее остро не хватает в крупных городах. Есть и еще один аргумент против большого города: детям нужна гармония, близость к природе. Но, наверное, и отдаленная сельская местность с ее бездорожьем не лучшее место для осуществления проекта: ребята очень редко смогут бывать в крупных культурных центрах, да и проблема педагогических кадров здесь остра.

На наш взгляд, наиболее подходящее место расположения детского дома — небольшой районный город в 50—100 километрах от крупного центра, связанный с ним хорошими дорогами. Это позволит воспитывать детей без отрыва от большой культуры (театры, музеи, художественные выставки — все это необходимо ребятам), в спокойной атмосфере полусельской местности. Конечно, подобное строительство потребует дополнительных затрат, но ведь они оправданны, — речь идет о воспитании детей.

Детский городок, созданный фантазией хабаровских архитекторов, пока существует только в проекте. Надеемся, что скоро он станет реальностью.

«Помню, как они робели, как неловко держали напильники, как потели над простенькой заготовкой. Потом пришла уверенность, появились зачатки мастерства».

(Из дневника Николая Прошина.)

Часто приходится слышать о людях, чьи достижения подкреплены внушительными экономическими показателями: процентами, рублями, нормо-часами, тонно-километрами. Николай Прошин и его товарищи рекордами не гремят, достигнутым не хвастают. Трудятся ровно, без спешки. Однако эта медлительность обманчива.

— Работа у нас почти ювелирная, — говорит один из «прошинцев», Костя Базаров. — Допуски на деталь — миллиметровые. Сообща делаем до двадцати штампов в месяц. Теперь работаем самостоятельно. Да все равно бригадир с нас глаз не спускает. А еще недавно мастерства и опыта было маловато. То, что Николай делал за день, мы едва за неделю успевали. Совсем было сникли. А он как будто того и ждал. Вытащит из своего верстака наполовину готовую деталь и дает тебе — дескать, доделывай, не робей! А если видит, что не клеится работа, то подойдет, растолкует что к чему... Ошибались, конечно. Были срывы, брак. Только бригадир не сердился. Сроду от него плохого слова не слышали. Обиду не таит. А надо помочь — бросит все и спешит на выручку.

Несколько сотен телевизионных камер изготовили труженики производственного объединения «Волна» для Московской Олимпиады. Были среди них стационарные передвижные и даже такие, которыми снимали и транслировали соревнования с вертолетов. Сейчас новгородцы выполняют заказ для ГАИ столицы. Сложная аппаратура, выпускаемая производственным объединением «Волна», ни разу не подвела. С нескрываемой гордостью рассказали мне об этом парни из бригады Прошина. Ведь в этих отличных изделиях есть весомая доля труда инструментальщиков.

Гораздо охотнее, чем о себе, Николай поведал мне о лучших тружениках инструментального: кавалере ордена Трудового Красного Знамени Борисе Макаровиче Иванове, его сыновьях — Владимире, Николае и Геннадии, продолжающих династию. Увлеченно рассказывал Прошин о других передовиках — фрезеровщике Владимире Большакове, токаре Николае Максимове, бригадире комсомольско-молодежной бригады Константине Кане...

«Приближаясь к проходным, волнуясь. Как и восемнадцать лет назад, когда впервые увидел и понял завод. Волнуясь в ожидании новых встреч, дел. Каждый день неповторим и загадочен. Это — открытие мира, окружающего тебя людей. Мы шагнем плечом к плечу, обсуждаем новости. А я ловлю себя на мысли, что с этими друзьями и знакомыми я сильнее, что без них было бы одиноко, пусто на душе. Ночами снятся сны о заводе. Может, старею?»

(Из дневника Николая Прошина.)

«Человека оценят скоро, если он работает спорно». Верит Николай в правоту этой истины. Его предки — новгородские мастера. Веками, из поколения в поколение передавали они секреты ремесла потомкам, почитали труд, бережно хранили традиции.

— С малых лет меня железки притягивали, — рассказывал мне Николай. — Обо всем на свете забывал, если удавалось в каком-нибудь механизме покопаться. Помнится, отец мне верстачок раздобыл, а в придачу подарил набор напильников. Усвоил азы слесарки. Сперва принаоровился чинить игрушки, потом брал ремонтировать вещицы посложнее — зажималки, примусы, керогазы, часы, замки, велосипеды.

Случалось, Колька обжигался, натирал мозоли,

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА КПСС- В ЖИЗНЬ!

Валерий ПЛЕШАКОВ.

НОВГО ДОБРЫЙ МОЛ

прикладывал пятаки к синякам. Но никогда не ныл, не бросал дело на середине.

Мать однажды в сердцах упрекнула его:

— Чем у верстака крутиться, лучше б уроки зубрил. Может, в институт поступишь, инженером станешь.

— Ты, мать, за малого не волнуйся, — заступился отец. — Колька любит слесарить. Разве это плохо? Погоди, пройдет лет двадцать, квалифицированный рабочий будет, на вес золота...

Производственное объединение «Волна» — первенец электронной промышленности Новгорода — основано в 1952 году. С десятилетнего юбилея предприятия ведет Николай отчет своей рабочей биографии. В характеристике, которую дали Прошину перед призывом в армию, были такие строки: «В совершенстве освоил специальность инструментальщика. В коллективе уважаем. Носит звание ударника коммунистического труда».

Три года армейской школы. Тревоги, дозоры, учения. В пограничном подразделении пригодились навыки, полученные на «гражданке». Он был оружейным мастером. Уволился в запас старшим сержантом, был отмечен знаками воинской доблести, благодарностями командования. На границе нашел новых друзей, приобрел спортивные разряды по самбо, стрельбе, легкой атлетике. Недавно Николай стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

В семейном альбоме Прошина я увидел фото широкоплечего парня в ладно подогнанной гимнастерке. Лукавые, пронзительные глаза. Простое лицо. А в общем, ничего выдающегося. Обыкновенный новгородец.

Прошин считал деньги. Вид у него был сосредоточенный, брови сдвинуты к переносице. На столике разложены рубли и червонцы, трояки и двадцатипятирублевки, столбики мелочи... Записав сумму, он аккуратно убрал купюры, медь и серебро в брезентовый мешочек, протянул мне влажную ладонь, устало улынулся:

— Деньги, говорят, счет любят. Эх, и мороки с этими тысячами. Кассир-то наш заболела, вот и поручили мне зарплату отделению выдать. А вообще казначей из меня липовый, — вздохнув, заключил Николай.

...Отработав смену, ребята успели помыться в душе, а теперь поочередно подходили за получкой.

— Володь, у тебя сколько вышло?

— Сто девяносто с копейками. А у тебя, Кость?

— Двести восемь. Чистыми.

— Жениться пора, а то за бездетность много вычитают...

Они шутили, делились планами на ближайший вечер.

— Пойдем сегодня в дискотеку, — неожиданно предложил Евгений Минаев, — кто «за»?

Согласились все.

— Значит, так, встречаемся в половине восьмого возле Дворца культуры.

Парни смолкли, ожидая, что скажет бригадир, — решающее слово за ним.

— Одно упустили из виду. — Прошин обвел взглядом ребят. — Когда начали соревноваться с бригадой Владимира Васильева, о чем условились? Кто побеждает за три месяца, тому отстающие делают сюрприз. Они брали нас летом в поход на Валдай. Очередь за нами.

— Бригадир прав, — сказал Николай Караванов. — «долг платежом красен». Давай пригласим Васильева и его орлов. Вместе веселее.

На том и порешили.

В заводской дискотеке было многолюдно и уютно. Полумрак озаряли всполохи цветомузыки. Николай откинулся на спинку кресла, задумчиво сказал: «Смотрю на них, а сам вспоминаю, как собирались по субботам в заводском общеджитии. Худо-бедно, а были довольны. Пели под гармонь и гитару, спорили о смысле жизни, читали Евтушенко, Вознесенского, Ахматову. Танцевали под радиолу. Пластинки заезженные шипят, игла скачет. А нам хоть бы хны. Топили зимой плохо. Плясали, чтоб согреться. А

теперь — комфорт. Кажется, что еще надо?.. А по мне дорожке тех вечеров нет и не будет...»

Через минуту к нам подскочил Минаев — румяный и разгоряченный.

— Этак вы засохнете, старики. Айда в наш круг, разогнемся!

— Ну что, — сказал, поднимаясь, Николай, — тряхнем стариной?

«Как-то одного нашего товарища отправили в больницу с приступом аппендицита. Прямо под Новый год. Обидно, правда? А уже утром первого января в тубочке больного лежали пакеты с яблоками, апельсинами и виноградом. А полочкой ниже — портативный магнитофон с новогодними поздравлениями... Врачи говорят, швы у парня зарубцевались раньше срока».

(Из разговора с Владимиром Ханюкиным.)

Есть на «Волне» бригады и лучше, знаменитее этой. Там и производительность выше и рабочие опытнее. Но если речь заходит о самой сплоченной, то обязательно направят в комсомольско-молодежную бригаду к Прошину. Сказано это не ради красного словца.

Допустим, играет заводская хоккейная команда. Тогда всех ребят можно видеть среди болельщиков. Их товарища — вратаря заводской сборной Володю Ханюкина вдохновляет поддержка остальных членов бригады: ни одной шайбы не пропустит!

Или же проходит городская выставка собаководства. На этот раз «болеют» за Костю Базарова и его четвероногого друга породы ньюфаундленд. На цеховых шахматных турнирах в центре внимания Николай Караванов и Женя Минаев. Объявили областной молодежный конкурс художников, и опять Прошин со «свитой» тут как тут. Перво-наперво ребята отыскивают рисунки своего товарища Саши Пустового. А когда Прошин читает со сцены стихи, то громче всех хлопают ему товарищи.

Владимир Рябичев увлекается мотоделом. Как только затарахтит его самодельный мотоцикл, все будут участвовать в испытаниях. А пока помогают умельцу ставить движок, красить.

— Часто думаю, что нас объединяет? Союз наш не ради «галочки». И не погоня за деньгами подстегивает трудиться лучше, качественнее...

Обеденный перерыв. Мы с Николаем как бы сидим на скамейке под широкой, раскидистой кроной.

— Работа и творчество — понятия родственные. Некоторые удивляются, почему, мол, ты так тщательно отбираешь людей в бригаду? Объясняю. В нашей профессии важно призвание. Не скрою, были у меня ребята, для которых бригада стала вроде «перевалочного пункта». Стремился заинтересовать, увлечь их. Напрасно. Не было у них тяги к нашей профессии. Уходили... Кстати, из-за текучести кадров наш завод потерял в прошлом десятилетии сумму, на которую можно построить два пятиэтажных дома.

Не случайно именно Прошин предложил создать первый в Новгороде учебно-производственный комбинат, в котором старшеклассники смогли бы приобрести рабочую специальность. Прошина заинтересовал опыт Москвы, Ленинграда и других больших городов, где учебно-производственные комбинаты стали связующим звеном между школой и заводом, центрами профессиональной ориентации, поставщиками кадров для промышленности. Николаю было у кого позаимствовать все лучшее, ценное. Даже туристские поездки он использовал для того, чтобы перенять опыт, накопленный ленинградцами и москвичами.

Кстати, Николай работал мастером в базовом училище, знает особенности характера и психологию ребят. Оказалось, большинство из них имели о своей будущей специальности весьма смутное представление. Причем находились и такие, кто не хотел в дальнейшем трудиться по избранной профессии. Эти обстоятельства не могли оставить Прошина равнодушным. Действовал он энергично. Одних убеждал в

РОДШЫ- ОДШЫ!

правильности выбора, других, наоборот, предостерегал от ошибок, советовал выбрать иную специальность. С выпускниками школ беседовал, водил их по цехам и отделам завода, выступал в областной печати, по радио.

Результаты не замедлили сказаться. Текучесть кадров на «Волне» постепенно пошла на убыль.

Конечно, слепое копирование, механическое перенесение опыта Москвы и Ленинграда на новгородскую землю было бы ошибкой. Ведь тут свои особенности, специфика, которые Прошин изучает и анализирует. Чем быстрее будет создан в Новгороде учебно-производственный комбинат, тем выгоднее это для промышленных предприятий города, тем больше вчерашних школьников волеются в ряды рабочего класса. Так считает Прошин. И с ним нельзя не согласиться. Дело — за практическим воплощением идеи. Верится, не за горами тот день, когда для юных новгородцев распахнет двери «трудовой университет».

Прошин скор на выдумку. Экспериментирует вовсю. Так, с его «легкой руки» приобрели популярность музыкальные десятиминутки — в начале, середине и конце смены. «Почерк» бригадира и его товарищей угадывается и в цветах, украшающих цех. К услугам ребят библиотечка с художественной и специальной литературой. И здесь не обошлось без Прошина.

Характерно, что к XXVI съезду партии бригада Прошина одной из первых на заводе взяла повышенные социалистические обязательства. А после съезда в бригаде родились новые предложения — во-первых, план года завершить досрочно, во-вторых, каждому повысить свою квалификацию минимум до четвертого разряда.

У нашего бригадира есть хорошее качество — в трудные минуты он всегда оказывается рядом.
(Из разговора с Николаем Каравановым.)

Как-то к Прошину подошел один из «стариков» бригады. Стараясь не смотреть в глаза Николаю, сказал:

— Ухожу, Васильич. Вот и заявление уже написал — по собственному. Квартиру не дают, а с ребенком, сам знаешь, в общежитии не сахар. Думаю, в домостроительный комбинат податься. Там и квартиру получу.

Прошин задумался. Не хотелось терять парня. Как-никак больше двух лет бок о бок трудились, привыкли друг к другу, сдружились. Да и специалист неплохой.

— Не спеши с увольнением, — сказал Прошин.

Разговор с заместителем директора предприятия был не из легких. Что греха таить, с жильем на «Волне» пока туговато. Очередь. Однако если Прошин чего-то захотел, то обязательно добьется. Как правило, не для себя — для других. Договорились на «взаимовыгодных» условиях: квартира будет, но надо помочь заводским строителям. Сказано — сделано.

Ребят не пришлось уговаривать, убеждать: «Надо — значит, надо». Вечерами надевали брезентовые робы, приходили на объект. Кадровые строители диву давались: парни вроде неопытные, а освоились моментально и усталость им нипочем и непогода. Дело пошло на лад. Отделочные работы закончили. Дом сдали с оценкой «хорошо». Вот было радости, когда Виктор получил ордер.

Перед отъездом шли мы с Прошиным по Новгороду. Николай рассказывал историю Софийского собора и Юрьева монастыря, посвящал меня в таинства фресок Феофана Грека и секреты сокровищ Грановитой палаты. И, о чудо! Как будто донесся из глубины веков звон вечерних колоколов. Перед взором возникли идущие с поля брани, поредевшие дружины. Наверно, глядя на тех богатырей, летописец старательно вывел: «Новгородцы — добры молодцы».

С той поры много воды утекло в Волхове. «Господин Великий Новгород» перековал мечи на орала. Но и теперь на примере бригады Прошина убеждаешься в мудрости древнего изречения: «Новгородцы — добры молодцы!»

Фото Эдуарда ЖИГАЙЛОВА

**В ОТЛИЧНЫХ ИЗДЕЛИЯХ,
ВЫПУСКАЕМЫХ НОВГОРОДСКИМ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ
«ВОЛНА»,
ЕСТЬ НЕМАЛАЯ ДОЛЯ ТРУДА И
ИНСТРУМЕНТАЛЬЩИКОВ, ОДНОЙ ИЗ ЛУЧШИХ
НА ПРЕДПРИЯТИИ СЧИТАЕТСЯ
БРИГАДА НИКОЛАЯ ПРОШИНА.**

ПОСТРОЕННАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ
ПО МОЩНОСТИ БУДЕТ РАВНА
ЗНАМЕНИТОЙ САННО-ПУШЕНСКОЙ ГЭС.

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА КПСС-
ЖИЗНЬ!
В ЖИЗНЬ!

КАТЭК- кладовая угля

Николай КРИВОМАЗОВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

Дожливой осенью 1974 года в березовой роще между селами Никольское и Дубинино, что веками красовались на фоне Кузнецких гор, произошло знаменательное событие. Впрочем, самих жителей обоих сибирских сел оно отнюдь не удивило. Здесь издавна привыкли к тому, что ежели хозяин чувствовал ломоту в ногах и начинал ругаться из-за нетопленной печи, то хозяйка, скорбно поджав губы, хватала ведро, лопату и спешила за уголь дома, где была распана у нее неглубокая ямка с углем. Насыпав ведро с горой, чтобы хватило

до утра, она разжигала сухой, поджаристый уголек с одной спички, и вскоре в доме наступало спокойствие, наступал уют, какой не сработает никаким тебе кондиционером.

...В тот день шум моторов всполошил многих.

По улице везли экскаватор. Пытались лаять собаки, но впереди идущий грузовик заглушал их несносным ревом. В кузове своем он тащил экскаваторный ковш. Землеройщик держался за него, как за поводья. Пустить машину в работу — дело одной минуты. И-и — начали!

Василий Пятых — так звали экскава-

торщика, всполошившего целый мир. Он бросал ковш на землю и царапал ее все увереннее и смелее. Грунт еще не застыл и дымился, как парное молоко. В нескольких метрах под ним лежали уголи, до которых не могли добраться даже никольские бабки. Теперь они хлопотали у плиты, не зная, чем кормить нечаянных гостей. А гости вели такие разговоры, что хозяин дома, позабыв радикулит, только кряхтел от восторга и открывающихся перспектив. Вывод его был прост: «Теперь жена всегда будет довольна, угля хватит». Выводы «пришлых людей» в одну строку не укладывались. В тот изначальный год

**УГОЛЬ КАТЭКА
ДОБЫВАЕТСЯ ДЕШЕВЫМ
ОТКРЫТЫМ СПОСОБОМ.**

новостройки потребление электричества в Объединенной энергосистеме Сибири составило около 150 миллиардов киловатт-часов — цифра, конкретно труднообразимая и необходимая нам лишь для того, чтобы помнить: каждый год потребление электричества возрастает в среднем на семь процентов. Не покрыть этот ежегодный прирост потребления электричества — все равно что добровольно лечь под колеса несущейся вперед Сибири. Да и не позволит

никто тормозить ее развитие из-за дефицита электроэнергии.

От 150 миллиардов киловатт-часов семь процентов годового прироста составляет 10,5 миллиарда киловатт-часов. Значит, чтобы обеспечить всевозрастающую потребность в электрической силе, нужно каждые два года возводить такую гидроэлектростанцию, как Красноярская. В одиннадцатой пятилетке по такой машине придется возводить уже ежегодно.

Каждому понятно, что за два, а тем более за год гидроэлектростанцию построить невозможно, даже исходя из технологии укладки бетона в плотину, не говоря уже об объемах работ.

Где же выход?

И вот тут-то снова вспомнили про никольских, дубининских, шарыповских — про места, где Донбасс с Кузбассом не ставились ни в грош. Местные объясняли это свое нежелание брать привозное не только ценами:

— После нашего уголька и золу выгребать не нужно.

— А много ли уголька?

— Да почитай что от Кемерово до Иркутска.

Здесьние слова лишнего не скажут, а правду всегда знают: 40 процентов всех разведанных в стране геологических запасов бурых углей упрятано в Красноярье, и если за них не брались раньше времени, то лишь потому, что Донбасс был всегда под рукой. Пусть на километровой глубине таился горячий камень донецкий, да больно был он нужен сегодня, сейчас, нежели близко лежащий к поверхности уголь сибирский. Близок локоть...

Шли к нему быстро, как могли. Гремела на всю страну железная дорога Абакан — Тайшет. Включалась в работу Назаровская ГРЭС, и восхищала весь мир Красноярская гидроэлектростанция. Словом, к началу десятой пятилетки красноярская энергосистема заняла ведущее место в стране и только тогда позволила заявить на XXV съезде КПСС новое дело. «Развернуть строительство мощного угольного разреза в Канско-Ачинском бассейне и на этой базе — Березовской ГРЭС».

Тугое, словно пружина, слово «КАТЭК» вошло в жизнь невообразимыми цифрами: угля здесь — сколько не добывают все горняки страны. Хватит на века. Причем брать топливо можно, не строя дорогих подземных шахт-лабиринтов, дешевым открытым способом. Производительность труда в таких карьерах угольных разрезов раз в тридцать превысит среднюю по отрасли.

Когда, стоя на краю первого экспериментального разреза, я спрашивал министра угольной промышленности СССР Б. Братченко, с чем все-таки можно сравнить Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс, он только разводил руками:

— КАТЭК несравним. Далеко позади останется даже известный в США комплекс «Теннесси», в котором на гораздо большей площади действует 31 электростанция суммарной мощностью 13 миллионов киловатт. При меньшем в три раза количестве электростанций мощность КАТЭКа будет вчетверо больше.

Кстати, первый экспериментальный разрез, начатый Василием Пятым, планировали отдать ученым — пусть поко-

паются, разберутся с параметрами горения, а разгребли поболее и поняли, что угадали: черпай состав за составом и с первого дня окупай расходы. Первый островок в океане угля подменяет добрую шахту, а снимать-то, грустил фотокорреспондент, по сути, и нечего. Два экскаватора, десяток человек, но угольный конвейер крутится беспрерывно.

Слова эти несказанно веселили хозяина «КАТЭКуглестроя» Михаила Моисеева, и он одним движением руки превращал свою «Волгу» в своеобразную «машину времени», уносящую нас в недалекое будущее.

Только у западного берега «океана угля» будут построены 5—6 мощных ГРЭС, мощных настолько, что каждая будет сжигать за час по эшелону угля. Каждый год, начиная с первенца комплекса — Березовской ГРЭС, здесь будут вводиться мощности, равные трем Днепрогэсам. Березовская уже строится. Ее мощность равна знаменитой Саяно-Шушенской ГЭС. Вся энергия пойдет в дело: бурый уголь превратится в термотопливо, газ, битумы, заменяющие пчелиный воск, в удобрения, местный нефелин — на производство алюминия, енисейская сосна шелковым платьем станет.

Но КАТЭК даст столько энергии, что она буквально выплеснется за пределы Сибири и широко потечет на запад страны. И вот тут действительно начинается фантастика.

Сегодняшние промышленные линии электропередач рассчитаны максимум на 500 тысяч вольт. Для того, чтобы, скажем, перебросить сибирское электричество на Урал, в Среднюю Азию, этого явно недостаточно. Нужно двадцать рядов таких ЛЭП, как наши «пятисотки».

Конечно, электролинейщики того же Исмаила Мамаджанова смогут построить и поболее. Но при этом будет потеряно столько энергии, сколько дадут два саяно-шушенских исполина. Каковы масштабы, таковы и проблемы. Нужно принципиально новое, неизведанное. Сегодня думаешь, что проекты уникальных ЛЭП ближе к мечте, чем к реальности. «Сибирская кочегарка», какой не ведал мир, перемена климата, передача энергии на расстояние — ах, фантасты! Между тем уже есть идея строительства линии до Средней Азии мощностью 1150 киловатт переменного тока и еще одной, длиной в четыре тысячи километров, до Харькова на 2250 киловатт постоянного тока.

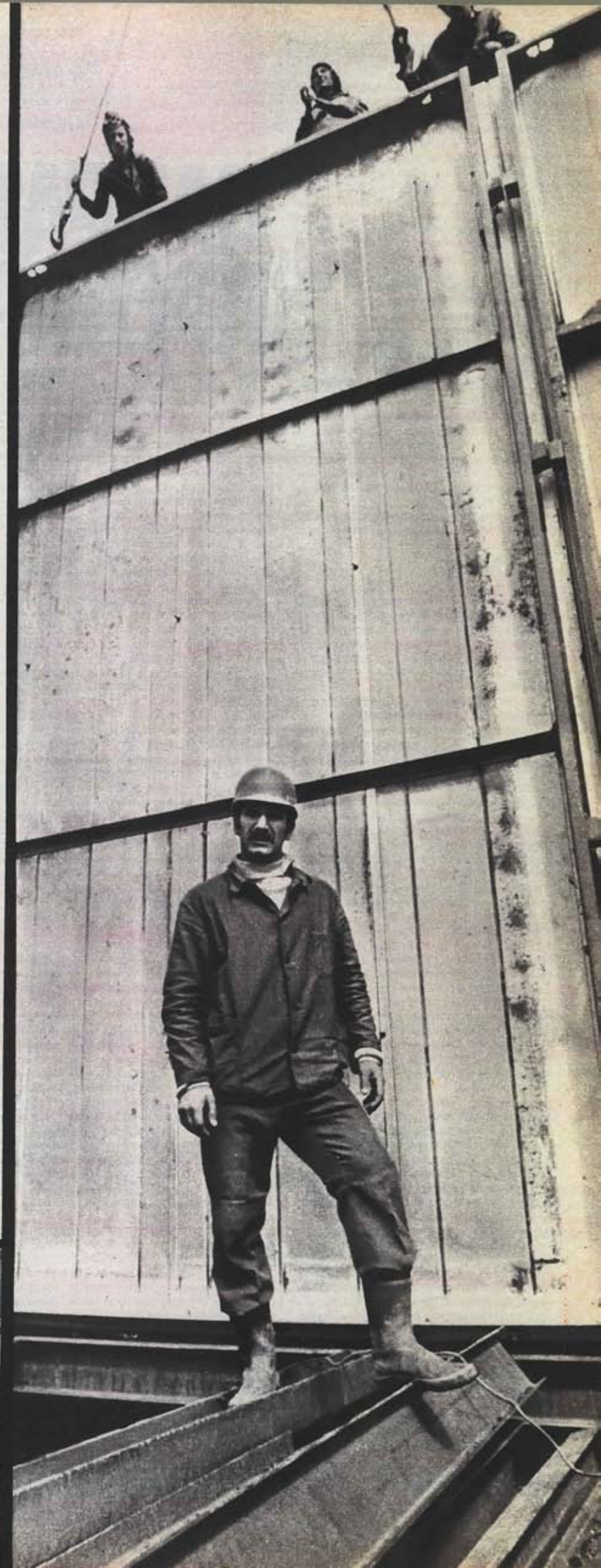
— Кабель будет с руку толщиной, — лаконично пояснил Исмаил.

Сегодня его бригада тянет простенькую линию к угольному разрезу, ставит восьмитонные опоры. На переходе через дорогу потребовалось повернуть линию всего на два градуса. Для этого пришлось вздвигать к небу вдвое больше опор. Работы невпроворот.

Разговариваешь и понимаешь, что народ собирается в Сибирь основательно. Особенно это заметно на примере комсомольского отряда «Молодогвардеец», прибывшего на КАТЭК студеной весной.

**СО ВСЕХ КОНЦОВ СТРАНЫ
ПРИЕХАЛИ КОМСОМОЛЬЦЫ
НА УДАРНУЮ СТРОЙКУ.**

**МОЛОДЫЕ СТРОИТЕЛИ КАТЭКа
МЕЧТАЮТ ВОЗВЕСТИ ЗДЕСЬ
СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД.**

НАПРАВЛЕНА ПРЕДПРИИМЧИВОСТЬ?

— Мы всю первую ночь проревели,— смеясь и перебивая друг друга, рассказывают девчата из тридцать седьмой квартиры одиннадцатого общежития Жожан Бисултанова и сестры-близняшки Шехматовы.— Наш поезд задержался на шесть часов, а нас ждали оркестры. Прибыли — батюшки светлы! Да здесь же целый городок построен! В общежитиях свет, вода горячая в душе. Но главное — главное! — постели застелены белым, а в графинах вода студеная. И обидно, что не мы первые, и радостно: ждали нас, ждали, нужны мы здесь, вот и все!

Все трое из Дагестана и поэтому каждую субботу убегают к озеру Ингуль. Купаться южанки не рискуют, а вот березкам рады. «Честное слово, раньше мы их не видели».

Василий Середин, водитель «вертолета», как зовут его грузовик с вращающейся бочкой с бетоном на плечах, сказал:

— Меня что поразило? Меня поразило отсутствие базаров. Нет такого овощного раздолбля, как у нас под Вороножем. Зато дома нет ни брусники, ни груздей, ни... заработков, каких я хочу. Нет... не думай, я не врач. Просто заработок привык считать заработанным, а не вымысленным у бригадира. А так все нормально.

18-летняя красавица из бригады отделочниц Нина Чумаков не по-девичьи лаконична:

— Жить можно!

— А работать?

— Только подавай ее, работу!

Бригадиром у Нины комиссар отряда Мила Левченко, восемь лет отделявшая квартиру в Днепрпетровске. Комиссар считает, что за первые месяцы в Сибири могла бы сделать и больше, и во всем винит начальника «Жилстроя» Нежданова:

— Не человек слова. Пообещает и не делает. Водится за ним такое...

Видимо, у Нежданова найдутся свои объяснения. И в первую очередь он будет кивать на начальника базы комплектации Гурьянова, базы, под завязку заваленной грузами для КАТЭКа. А у Гурьянова свои причины, вполне объективные... Впрочем, стартовая неразбериха, без которой не обошлось, и здесь подходит, кажется, к концу. Уже сегодня видны новые тенденции КАТЭКа, каких не встречалось на пути к таким же громким новостройкам Сибири.

Как-то, просматривая чертежи будущего города, главный инженер «КАТЭКэнергостроя» возмутился:

— Строим город двадцать первого века, а проекты... с душком шестидесятих годов. Кто рисовал?

И помчался ругаться в Ростов:

— Это что за проекты? Где нормальный социальбыт, где дома молодежи, дискотеки, если хотите?!

— Может, вам еще и филармонию подавать? — спросили человека из «медвежьего уголка».

— Точно!

Кончилось тем, что проектирование нового города передали красноярским проектировщикам. Выгода тут прямая. И жизнь сибирскую знают лучше донских казаков и... ругаться ездить поближе. Наша возьмет! Во всяком случае, лауреату премии Ленинского комсомола, бригадир монтажников Хайбуле Хабиеву начинает здесь нравиться. Он жалуется на межведомственную неразбериху, но сквозь лес забитых в землю свай уже отчетливо видит новый город. В обиду его не дает и другим ругать не позволяет. Одно беспокоит: как бы не назвали его, к примеру, Углероском. Почему бы не оставить свое, сибирское — Шарыпово?

...«Пришлые люди» в Шарыпове начали дело так уверенно и привычно, что времени на брюзжание и сомнения не остается. Каждый несет в себе соображения, как нужно строить. А кто упрекнет в лишнем разговорах, тот услышит: «Мы ведь, чудак-человек, не против КАТЭКа, мы за КАТЭК ругаемся. Понял разницу?»

Вспоминается один случай. Неожиданно заболел и надолго выбыл из строя высококвалифицированный опытный токарь ремонтно-инструментального участка штамповочного цеха. Он один на участке занимался изготовлением остродефицитных пуансонов малых диаметров. Ученика он после себя не оставил, никаких записей, технологических карт, где бы была зафиксирована отработанная им система изготовления пуансонов, тоже. Технолог участка об изготовлении этих пуансонов имел лишь поверхностное, приблизительное представление.

А оставшийся небольшой запас деталей таял на глазах — цех гнал план, нагрузка на штампы была предельной, пуансоны трещали, как солома. Вот тогда мне и предложили:

— Встань на место бывшего товарища, займись пуансонами. Прояви инициативу...

Встал я к станку. Прежде мне не приходилось изготавливать такого рода детали в подобном количестве и начинать пришлось буквально с исходных операций, с нуля, как будто и не было у меня на этом месте никакого предшественника. До всего нужно было доходить заново самому, на ходу. В общем, цех без деталей не остался, производство пуансонов я освоил и изготовлял их несколько месяцев, пока не вернулся поправившийся товарищ. Но какого напряжения, скольких сверхурочных часов мне это стоило!

А ведь всего этого можно было избежать.

Можно было бы, если бы на заводе существовала эффективная система подготовки специалистов из молодежи. Сколько говорится о том, что современные способы получения и распространения технической информации, возросший образовательный уровень молодежи позволяют значительно сократить сроки подготовки мастеров своего дела. Что самый верный путь тут — коллективное наставничество, когда один специалист передает свой опыт целой группе молодых рабочих. Что техническая информация должна поступать прямо на рабочие места. И много еще о чем говорится. Но ничего не делается. Никто не хочет взять на себя инициативу и заняться вплотную этим делом.

Другая история. Как-то слесарь-инструментальщик нашего электротехнического завода Геннадий Бурло рассказал:

— Вот у нас начальник цеха доказывает администрации завода, что в цехе не хватает малых фрезерных станков модели 675. А как же их может хватать, если относятся к ним по-варварски: делают грубую обдирку деталей, снимая по 40—50 миллиметров припуска металла фрезами завывшего диаметра. Диаметра, абсолютно недопустимого на таких станках! И вот же изобретатели! Фреза не лезет в шпиндельную головку станка,

так они ее обтачивают, подгоняют и все-таки фрезеруют, перегружая станок так, что он дрожит до самого основания. А потом наши ремонтники, проявляя чудеса мастерства, восстанавливают полуразрушенный агрегат. А ведь можно эту грубую работу, обдирку, производить на более мощных станках, для этого и созданных. Но тут же барьер расценки: на маленьких станках делать это, оказывается, выгодней. Ну и проявили смекалку, находчивость. А ведь от нее ничего, кроме вреда, не выходит.

Действительно, если все усилия и энергию, затрачиваемые на то, чтобы «драть» детали на маломощных станках, употребить на дело по-настоящему нужное, польза вышла бы огромная. Да, энергия и предприимчивость есть, но куда, на что они направлены!

И дело тут не только в погоне за высоким процентом выработки и длинным рублем, нет. Тут еще и бездушное и бездумное отношение к сути своих обязанностей у тех, кто послушно идет за подобными «выдумщиками». То есть пробелы в сознательности. По принципу: после меня — хоть потоп! — у нас еще и живут и работают. И не раз мне при переходе на новый участок работы — на одном заводе! — приходилось добиваться, чтобы отремонтировали сначала станок, до такой степени он был загнан предшественником.

Еще один случай из личной практики.

Приехал в командировку на электромеханический завод в Александрию. Пришел в инструментальный цех — там станки последних моделей, модернизированные, с большим диапазоном рабочих режимов. Просто глаза разбежались — вот это парк!

Но представлять себе мое изумление, когда выяснилось, что добрая половина этих новейших станков... уже выведена из строя и бездействует. Объясняют: перед нашим приездом — а нас была целая группа опытных рабочих — к этим станкам поставили только что выпущенных из училища молодых ребят. Доверили. И вот что из этого получилось.

Стал я за один из уцелевших, начал работать. И знаете, что обнаружилось? Впрочем, по порядку.

Только начал работать — станок встал. Доложил мастеру, высказал свои соображения. Позвали механика. Тот повозился-повозился, что-то подладил, вроде пошло. Опять я начал работать. Как будто нормально. Но только дал станку полный разгон оборотов — станок заклинился намертво. Такого у меня на прежних «старых» станках никогда не бывало даже в пору моего ученичества.

Когда разобрали станок, оказалось, что преждевременно сработалась одна из деталей новой фрикционной системы.

Новой системы!

Вот и задумаешься, а так ли она

была нужна, эта новая система, если была проверенная, надежная и безотказная старая? А если нужна, то кому именно? Ради чего?

Но это были еще не все злоключения с новым станком. Когда исправили дефект и попытались пустить станок, в коробке скоростей разошлись склеенные эпоксидным клеем шестеренки. Конечно, я понимаю, что эпоксидный клей — это новшество. Но уместно ли стараться только по этому поводу заменять его и там, где не надо. Принцип: лишь бы ново, лишь бы модно — может, при изготовлении одежды срабатывает безотказно, да и то не всегда. А в станкостроении последствия бывают и плачевными. И все равно клеят. Мастер Н. Колесник сказал об этом так:

— Расклейка шестеренок у этих станков — обычное явление. Це у них уже як болезнь, у всіх таких станков.

Вот тебе и новшество! Более всего похожее на болезнь. А ведь кто-то за него хлопотал, пробивал его, боролся. А за что боролся? Неужели не понимал, что клей может и не потянуть?

Молодежь, как видите, оказалась тут ни при чем. А сколько ребят пережили, когда их в станколомы зачисляли? Сколько времени тратуется, чтобы эти душевные травмы залечить?

Только не надо думать, что я против конструктивных новшеств в технике. Я — «за». Но за такие, которые бы существенно меняли ее к лучшему, делали бы и надежнее и производительнее, а с другой стороны, безопаснее в работе, проще в освоении. Потому что я уверен: работать по-новому — всегда значит работать лучше. Иначе из-за чего огород городить?

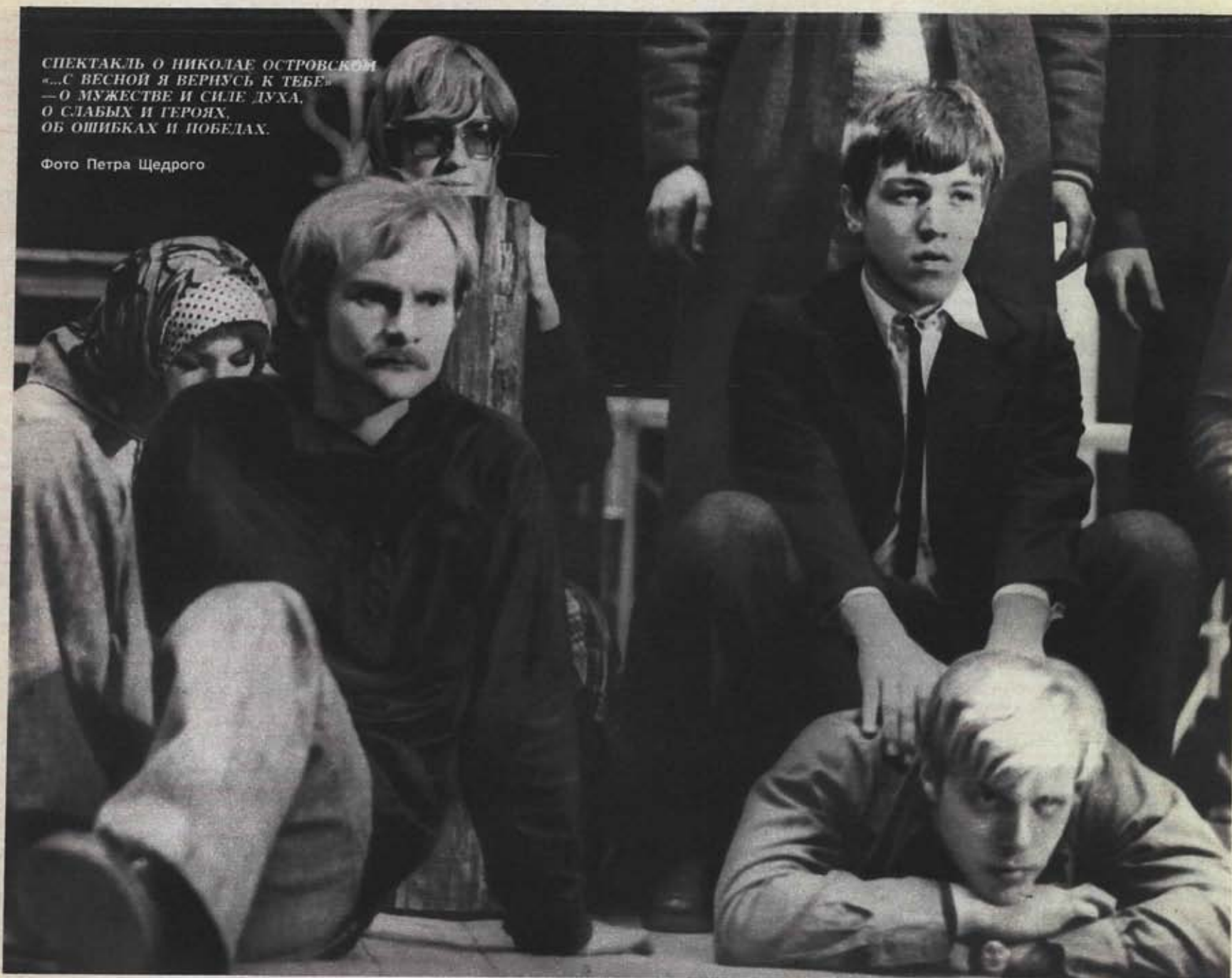
Так что активность и предприимчивость, желание перемен должны быть точно осмыслены. И точно направлены — на пользу дела. Плохо, когда люди работают безынициативно. Но не лучше, если под их предприимчивостью нет прочной и твердой нравственной основы.

Владимир ПОЗДНЯКОВ,
бывший токарь Кемеровского электротехнического завода, сотрудник Восточного НИИ по безопасности работ в горной промышленности

ОТ РЕДАКЦИИ. Нравственная основа инициативы... Вопрос серьезный! Он повседневно возникает в многообразной жизни производственных коллективов. О нем говорилось в решениях партийного съезда. Давайте, дорогие читатели, вместе подумаем, что это значит — быть предприимчивым, активным, руководствуясь нормами нашей морали? Приглашаем к расширению и углублению разговора.

СПЕКТАКЛЬ О НИКОЛАЕ ОСТРОВСКОМ
«...С ВЕСНОЙ Я ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ»
— О МУЖЕСТВЕ И СИЛЕ ДУХА,
О СЛАБЫХ И ГЕРОЯХ,
ОБ ОШИБКАХ И ПОБЕДАХ.

Фото Петра Щедрого

«ГАУДЕАМУС» И ДРУГИЕ

Юлий СМЕЛКОВ

Львовский молодежный любительский театр «Гаудеамус» год назад сам придумал себе юбилей — восемнадцатилетие. Так сказать, в жизни раз бывает восемнадцать лет. Понять театр можно — не так уж часты праздники в его жизни, хотя и есть они, конечно, есть: гастроли в Москве — праздник, участие в Ташкентском фестивале молодежных любительских театров — праздник. Но одновременно и работа — нелегкая, требующая нервов и сил: как встретит московский зритель «Утиную охоту» А. Вампилова и «Чинзано» Л. Петрушевской, особенно если учесть, что первая пьеса идет во МХАТе, а вторая и вовсе не идет в столице? К тому же выступает театр в Доме актера, а публика там в большинстве весьма искушенная.

Несколько лет я знаком с «Гаудеамусом», несколько лет хочу написать о нем статью, и все не получается. Не получается потому, что, собираясь писать об этом театре, я все время сбиваюсь на рассуждения о театральном процессе вообще, о роли, которую в последние годы стали играть в нем самостоятельные коллективы. И коллективы-то разные — отнюдь не только «Гаудеамус». В последнее время прибавилось аргументов: в Ленинграде открылся новый театр — Молодежный, причем от-

крылся он на базе самодеятельного театра ЛИИЖТ «Studio», в Ташкенте появилась интереснейшая студия театральной молодежи — ЭСТМ при ЦК ЛКСМ Узбекистана. Что-то меняется в нашем театре, что-то назревает в нем...

А перемены в искусстве, особенно таком живом, построенном на контакте художника и зрителя, как театр, наступают тогда, когда в них есть потребность, когда они становятся необходимыми.

Сегодня эта потребность есть, ощущается, носится в воздухе. То, что вчера еще удовлетворяло, более того — казалось прекрасным, нынче оставляет смутное чувство тревоги: вроде бы все правильно и хорошо, но чего-то не хватает.

Удивляться тут нечему. Любое искусство знает такие периоды временной остановки, периоды исчерпанности того, чем жило оно последние десять (или пять, или пятьдесят) лет, — движение искусства непрерывно, но совершается оно отнюдь не равномерно, не по ровной восходящей линии. И в такие вот периоды остановок все громче начинает звучать старый афоризм: театр спасут дилетанты.

Такое уже было в истории мирового театра, когда театром вдруг занялись купеческий сын Алексеев (тогда он еще не был Станиславским), недоучившийся юрист Мейерхольд, несостоявшийся адвокат Таиров, а, скажем, во Франции — аптекарь Антуан.

Есть примеры и сегодня — режиссером и автором инсценировки в одном из лучших спектаклей современного советского театра, «История лошади» в БДТ, был Марк Розовский, один из основателей и руководителей известной в 60-х годах эстрадной студии МГУ «Наш дом».

...А теперь, мне кажется, нужно рассказать о «Гаудеамусе», точнее — о людях, из которых он состоит. Старший инженер одного из львовских НИИ Борис Озеров — бессменный руководитель театра. Инженер-наладчик Юрий Прядкин, преподаватель политехнического института Михаил Евшин, младший научный сотрудник Сергей Соколов, выпускница консерватории Ольга Макагонова, офицер Александр Ванцлав, восьмиклассник Максим Василенко... Я назвал не всех ведущих актеров, слишком длинным получился бы перечень.

Зачинатели театра окончили один институт — Львовский политехнический, родился «Гаудеамус» еще там, отсюда и студенческое название. Вот я назвал их профессии, должности и замечу, что такие анкетные данные нередко служат поводом для дежурных восторгов: ах, как прекрасно, когда взрослые, серьезные, занятые люди собираются по вечерам и что-то такое играют вместе! Я таких восторгов никогда не разделял. Как профессионального театрального критика, меня интересует

результат — что играют, как играют и какая от этой игры польза советскому театру? Вот в этом-то все и дело...

Борис Озеров учился режиссуре «вприглядку» — смотрел спектакли у себя во Львове, часто ездил в Москву, видел все, что стоит видеть в столице. Что-то принимал, что-то отвергал, во всяком случае, прямых влияний, подражания кому-либо из ведущих режиссеров нашего театра усмотреть в его спектаклях нельзя. Свой стиль, свой почерк — притом, что до поры до времени «Гаудеамус» шел в общем русле студенческой эстрады 60-х годов, озорной, веселой и яростно сатирической. Окончив институт, ребята не захотели расставаться, и их принял к себе Дворец культуры железнодорожников.

В нежелании расставаться и заключалось зерно нынешнего «Гаудеамуса». Ребята работали, взрослели, набирались опыта. И одновременно трудилась на своих заводах, в НИИ и институтах. И одновременно читали книги, смотрели фильмы и спектакли, можно сказать, жили в процессе развития современного искусства, примеряли его на себя. Вот это сочетание реальной, обычной жизни, жизни в искусстве и режиссерского таланта Озерова (говорю пока о нем одном) и породило интереснейший художественный организм. Выросли из «коротких штанишек» студенческой эстрады, миниатюры, из стилистики эстрадного обозрения, «Гаудеамус» стал заново искать себя. Чего только он не перепробовал! Заново возникший в конце 60-х годов интерес к советской классике отозвался в нем «Оптимистической трагедией». Могучая творческая личность Шукшина — «Точкой зрения». «Вторая волна» военной прозы — спектаклем «В списках не значился» по повести Бориса Васильева. И тут же — первокурсный детектив Агаты Кристи «Мышеловка», и тут же «Инцидент» по сценарию Н. Баэра, американского кинодраматурга, спектакль, в буквальном смысле слова потрясающий зрителей: я видел фильм «Случай в метро», снятый по этому сценарию — отличный фильм, но спектакль «Гаудеамуса», право же, не хуже. Это только осуществленные спектакли, а сколько замыслов так и осталось замыслами: то Озеров увлекся пьесой, а потом охладил к ней, то актеры забраковали, то еще что-нибудь...

Пробы и поиски, о которых я упоминал, отнюдь не были самоцелью — рождались спектакли, порой замечательные. Были и неудачи, но я уже сказал, что не задаюсь целью написать историю «Гаудеамуса» (между прочим, поучительная была бы история). В дни своего восемнадцатилетия театр показал три спектакля: «...С весной я вернусь к тебе» Алексея Казанцева, «Утиную охоту» Александра Вампилова и «Чинцано» Людмилы Петрушевской — они и характеризуют его сегодняшний уровень.

Начать с того, что все три поставлены по современным советским пьесам. Постранствовал по эпохам, странам и жанрам, набравшись ума и опыта, театр пришел, можно сказать, домой — в наши дни, к окружающей его жизни, сложной, порой драматичной. И ее проблемы вынес на сцену, рассказал о них бесстрашно и серьезно. Эти спектакли современны не только по году постановки или написания пьесы, но по самому существу своему. И ярче всего это видно по спектаклю «...С весной я вернусь к тебе», спектаклю о Николае Островском.

На сцене — несколько рядов стульев, на них сидят люди, смотря на нас. Потом встает девушка, совсем юная, и звонким, «школьным» голосом объявляет: «А сейчас ученик восьмого класса Максим Василенко прочтет отрывок из романа Николая Островского «Как закалялась сталь». Максим встает и читает то, что мы знаем наизусть: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается один раз...». Читает бодро, не вдумываясь в смысл, — так сказать, парадно, как еще нередко читаются и воспринимаются и эти строки и другие подобные. И улыбка на лице мальчишки говорит о том, что он счастлив выступить (надо полагать, на школьном концерте), счастлив тем, что выучил текст, тем, что на него все смотрят, — и за этой радостью просто не удосужился понять, кем и почему написаны эти строки, чего они стоили автору.

А потом начинается спектакль, в котором рассказывается именно о том, чего эти строки стоили Островскому. Спектакль, яростно опровергающий вот эту бодряческую, парадную трактовку Островского. Спектакль о крови и мужестве, о слабых и сильных, о победах и ошибках. Островский сыгран Михаилом Евшиным искренне и страстно — человек, всего себя подчинивший идее, за которую он в любую минуту может отдать жизнь, хотя и знает, что это самое дорогое, что есть у человека. Людей, не подчиненных идее, Корчагин просто не понимает, не может понять — ни Тою, трогательно сыгранную Машей Алтуховой, ни комсомольского бюрократа Туфту (Алексей Макеев).

А в финале Евшин снова читает «Самое дорогое у человека — это жизнь...». Слова звучат сурово и драматично — за полтора часа спектакля показан их подлинный смысл, подлинное значение.

Михаил Евшин, как считает Озеров, может сыграть все. Я видел его в роли бандита, патологического садиста в «Инциденте» — это было до жути правдиво. Да, собственно, не один Евшин, все могут сыграть: и Соколов, и Либет, и Прыдкин — они действительно стали профессионалами.

Но, хотя они и стали, по сути, профессионалами, все же они из жизни, а не только из искусства, из театра. И это сегодня дает им... боюсь выговорить слово «преимущество», но, пожалуй, без него не обойтись. Преимущество по сравнению с профессиональными актерами. Да, конечно, у последних — талант, то есть интуитивное проникновение в суть вещей, явлений и характеров, в суть жизни. Но кризисная ситуация в современном театре — накопившиеся за последние двадцать лет штампы, общее снижение актерского тонуса, недостаток талантливых режиссеров, особенно молодых, тех, которые как раз и должны воплощать сегодняшнюю действительность, — мешают художественной интуиции.

Самодельный театром не всегда удается достигнуть определенного уровня мастерства, не всегда удается просуществовать длительное время. Но если уж удалось, то он либо становится профессиональным не только по существу, но и формально — как ленинградский Молодежный, либо занимает в современном театре то место, которое сейчас занял «Гаудеамус».

А место это вот какое: вампиловская «Утиная охота», одна из лучших и сложнейших пьес современной советской драматургии, была поставлена в «Гаудеамусе» более точно, понята более глубоко, нежели в любом профессиональном театре, в котором мне пришлось видеть эту пьесу.

«Утиная охота», поставленная Борисом Озеровым, — спектакль о том, как умный, симпатичный и, в общем, неплохой человек Зилов бездарно распорядился своей жизнью. Как в ежедневных компромиссах с самим собой, таких, кажется, несущественных, таких незначительных, растрчивает он свою душу. Как незаметно для себя самого сползает с той грани, за которой — духовная смерть. А когда замечает — уже поздно, и он решает погнубить и физически, кончить жизнь самоубийством, но даже это ему не удается. В игре Леонида Либета — Зилова смешаны сарказм, ирония, лиризм, жалость к своему герою — сложный спектр противоречивых чувств. Озеров сказал мне как-то о Либете: «Он сам стал бы Зиловым, если бы не театр» — именно это личное отношение к герою есть в данном случае у актера, он играет, тратя на своего Зилова собственную душу, свой душевный опыт, играет человека, который чем-то близок и понятен ему да и всем нам после этого спектакля.

Борис Озеров поставил спектакль трагический, но не мрачный, не гнетущий. Вообще в его характере есть огромное жизнелюбие, надо полагать, оно и помогает ему ставить спектакли, в которых происходит то самое потрясение и очищение души зрителя трагедией, тот самый катарсис. «Гаудеамус» — театр такого высокого уровня, что это уже само по себе исключает возможность воспринимать его мрачно, потому что мы видим прекрасных актеров, сквозь роли которых всегда просвечивают их собственные индивидуальности умных, тонких, добрых людей.

Репертуар «Гаудеамуса» уникален для нашего сегодняшнего театра по сочетанию патетики и психологического исследования современной действительности. И опять-таки нельзя не вспомнить, что это репертуар самодельного театра, который не только не боится искать новое, идти вперед, но видит в этом смысл и предназначение своей работы.

Центральное телевидение посвятило «Гаудеамусу» одну из передач цикла «Адреса молодых». В ней первый секретарь Львовского горкома комсомола Борис Акимов говорил о том, как много значит этот театр для молодежи города. Борис Озеров как режиссер участвует в различных комсомольских мероприятиях. Эти факты говорят о том, что львовский комсомол принял театр, знает цену ему, любит его, что театр не замыкается в кругу узкоэстетических проблем, что его художественный уровень стал общественным.

Впрочем, отношения комсомола и театральной молодежи могут быть еще более близкими и, так сказать, взаимовыгодными. Пример тому — ЭСТМ в Ташкенте. Экспериментальная студия театральной молодежи, о которой я уже упоминал. Работает она в Доме творческой молодежи ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ильхом», объединяет актеров ташкентских театров, русских и узбекских, — своего рода «актерская самодельность». «Ильхом» был создан после постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» — в Узбекистане правильно решили,

что для такой работы нужно прежде всего рабочее место: театральный зал был оборудован совместными усилиями ЦК ЛКСМ республики, Узбекского театрального общества и Министерства культуры; кроме него, в «Ильхоме» (что означает — вдохновение) есть выставочный зал и помещения для работы музыкантов, кинематографистов, фотографов. А театральный зал... Я вспоминаю его с восхищением. Небольшой, оборудованный первоклассной сценической аппаратурой — в Москве я такого зала не знаю.

В ЦК ЛКСМ мне сказали, что порой приходится улаживать конфликты — молодые актеры буквально рвутся в студию в количестве, превышающем потребности выпускающихся там спектаклей. И не только молодые — в одном из спектаклей играет Светлана Норбаева, «звезда» узбекской сцены, народная артистка республики. А молодые... Ну что ж, посмотрев спектакли ЭСТМ, я понял, почему они с удовольствием работают здесь: в студийных спектаклях они играют с той внутренней наполненностью, какой им, право же, далеко не всегда удается достичь в своих театрах. Это, в сущности, и есть студийность...

На Ташкентский фестиваль молодежных любительских театров весной 1972 года съехалось большинство лучших самодельных коллективов страны. Но не только лучшие — приехали и начинающие. Примечательно было вот что: одни пробовали свои силы в формах и темах, привычных для студенческой эстрады, другие, дольше существующие, шли дальше, вторгались во «владения» профессионального театра. Но почти во всех спектаклях билась современная мысль — разноликая, разномысленная, разнообразная. И там же, в Ташкенте, мне удалось познакомиться с, так сказать, актерской самодельностью — с коллективом, в котором собрались актеры разных профессиональных театров города (особо отмечу то обстоятельство, что многие из них не испытывают творческого голода, загружены работой в своих театрах), чтобы искать, пробовать, работать. Возглавил эту экспериментальную студию молодой режиссер М. Вайль, и вот уже несколько лет она с успехом показывает свои спектакли. Студии всегда были своего рода передовым отрядом театра вообще — так вот сегодня самодельные коллективы страны, и их примеру начинают следовать профессионалы.

Тут есть смысл обратиться к прошлому нашего театра. В день тридцатилетия МХАТа (который тоже, между прочим, образовался из любительского кружка) Станиславский говорил: «С самого начала Художественного театра мы помнили о том, что мы стареем, а молодое растет. Это заставляло нас расплодить массу студий. Пускай эти студии поднимаются и растут при нашей жизни... Пускай эта молодежь торопится нас воспринять, нас оживить». Гений мирового театра, до последних дней своих оставшийся в творчестве молодым, говорил о необходимости «нас оживить». Но и «нас воспринять» — одно без другого немислимо. И сегодня мы видим, как воспринимает и оживляет заветы Станиславского самодельные актеры.

...Время от времени Борис Озеров появляется в Москве — приезжает отнюдь не по делам театра, а в очередную служебную командировку. Естественно, смотрит все, что стоит посмотреть в столице, — учеба «вприглядку» продолжается. Но, как мне кажется, основное его занятие — искать и читать пьесы. Чаще всего новые, нигде не поставленные — читает он их везде, даже иногда прямо на спектаклях. Одни оставляет в Москве, другие увозит во Львов показывать своим актерам. Большая часть потом возвращается обратно в столицу, меньшая остается для дальнейшего чтения. Сейчас он мечтает поставить Чехова, хотя и опасается немного: все-таки Чехов — это для любого театра и для любого режиссера своего рода экзамен на художественную зрелость. Русская классика — необходимая ступень роста каждого театра, особенно такого, который воспитан на современной драматургии, поэтому прекрасно, что «Гаудеамус» осознает эту необходимость. Впрочем, несколько лет назад была уже одна попытка — «Горе от ума»; спектакль получился интересным, но не во всем удачным; от этого спектакля осталось желание попробовать еще раз, а за прошедшие годы прибавилось сил — сегодня и Озеров и актеры умеют, пожалуй, больше, чем тогда. Научила драматургия, которую они в последние годы играют. Научила современность.

Вот в этом и есть смысл существования лучших самодельных театров сегодня (я бы прибавил к «Гаудеамусу» еще и челябинский «Манекен», и театр-клуб «Суббота» из Ленинграда, и... впрочем, список может получиться слишком длинным). В творческих силах, позволяющих рисковать, и в желании идти на риск в бесстрашии поиска. В жизни, которой они живут и которую переносят на сцену. В бескорыстном служении искусству.

Ночное село

В бочку месяц упал,
Воду иньем свело,
Отменив мраком даль,
Спит родное село.

Только ели сверкают
Да ручьи по логам,
Да приступки вздыхают
По литым сапогам.

Мужики спят устало,
Запрокинувшись в темь,
Было дела немало
Переделано в день.

Синеглазые жены,
Одеянем легки,
Сном устало сморены
В скобе мужьей руки.

Спят красивые девки,
Распустив волосы,
И белеют коленки,
Бус мерцает роса.

Спят могучие парни,
Вскинув темень бровей,
Как им жарок прохладный
Полусумрак клетей.

Спят подростки и детки,
Разметавшись легко,
Спят их бабки и дедки,
Но не так глубоко.

Их-то жизнь прожитая,
Есть им что вспоминать.
А часы прибавляют
По минуте опять.

Лишь бы завтра-то ведро,
Лишь бы завтра пришло.
Месяц стукнулся твердо
И сквозь наледь прошел.

Изогнулся в истоме,
За хлевами потух,
И на лунной соломе
Взвился криком петух.

Завздыхали поля,
Чья-то мать поднялась...
Ах, какая заря
Полыхать собралась!

Путь от деревни Хомут до села Сорвижи

Уж сметаны вокруг стога,
И веют холодом луга,
И переходы через омут
Под сапогом так жутко тонут.
Здесь ряска оплетью густой,
Резучих трав тягуч поклон,
Вдруг утка, вспугнутая мной,
Хлестнула по воде крылом...
И я качнулась, но без крика.
Успела зыбь перешагнуть.
Просыпалась моя брусника
И стала медленно тонуть.
Все поглотил зеленый ил
И где-то жадно затаил.
А рядом, рядом возле пят,
В оконце топи, где батог,
Пытался затонуть закат,
Пытался и не мог...
Он лишь качал слепую стынь,
Он лишь краснел на кольях вех,
Знать, не у всех конец один,
Знать, не у всех...

Рябина

Стоит, остролистая,
Ветром томьясь,
И красные ягоды
Брызгает в грязь.

И тропка под ней
С монетой волнушки,
И старческий пень
Ее бывшей подружки.

Кишкиль — речка

В белом сумраке черемух
Речка выгнулась, звеня,
И затягивает омут
Платье светленькое дня.
Вот поэтому темнеет
Рано-рано над рекой,
И на воду облетает
Лист зеленый, молодой.
Там, на яровом изгибе,
Старой мельницы пятно.
Бревна черные, как рыбы,
Бьются в раненое дно.
Здесь давно уж не молотят,
Только ветры в дверь колотят.
Никого — на много верст!
Бор сырой да скользящий мост...
И выходит лунной ночью
Из-под бревен водяной,
И выплакивает очи
Над зеленою водой.
Цвет черемуховый рвет,
Ждет,
Вдруг девка ненароком
В это место забредет?
Ждет
И песней тихо манит,
А дождет —
К себе утянет.
Все уж померли русалки,
Как же, как же без хозяйки?
Холодит волна луну,
Одиноко одному...
Мы-то, девки,
Всякий год
Эту мельницу —
В обход.

Крещенский вечер

Обступили избу ели,
Вертят юбками метели,
Ветер плетью бьет наотмашь...
Ты прийти ко мне не можешь!
Свечка льет слезины в блюдце,
Через гребень косы льютя,
Ленты белые дрожат,
Перстенок завязан в плат...
Вот упала возле бани
Полумертвая луна...
Кто-то дикими глазами
В избу смотрит из окна.

Девки

Девки деревенские!
Девки темнобровые.
На смех быстрые,
До слез скорые.
Ваши-то рученьки
Смуглы от работ,
Некогда накручивать
Кудри на лоб.
Ваши-то ноженьки
Быстры до ходьбы,
Модные сапоженьки
Рвутся до поры.
Поле батькино!
Поле маткино!
Девкам приданое
Невиданное —
Не поднимет и рука,
Не износчиво, на века.
Жатки-то хватки,
Полосы знатки,
Нежит девка руль
По-девичьи,
Зерно спелок
Вниз упадчиво,
Да не успеет утечь,
Как ножи начнут сечь.
Ложись в кузова,
Бело зернышко!
Красны вздуло рукава
Солнышко.
И печет и калит
В жатке все железинки.
Ну, давай, кали!
Мы не неженки.
Чернота с ресниц
Не объедет,
Губ малиновость
Не расплавится.
Распылалась рожь
Ленной медью,
Жемчуг белый со лба
Виснет-катится.
Упаду в полога
Иль ромашковы стога.
Будет ночь студить,
Не остудит.
Будет месяц голубить.
Не наголубит,
Отвяжись-ко, голубой!
Катись вдоль неба сизова!
Где невстреченный мой?
Ягодка малинова...

Уже меж бровей
Резец тайный проник.
Ваять собираясь
Неведомый лик.

Ладонь ли подставить?
Ее иссечет.
Локтем закрыться?
Локоть сомнет.

Для статуй старух
Выбирает он смело
Чистого мрамора
Белое тело.

Темноцветы

До зарёвого света
Сенокосные звени,
Расплылись темноцветы
В скошенном сене.
Дождываются гребли,
Среди трав они точно
Мотыльками на стебли
Мрак полуночный.
Полдень жаркий поник,
Сели все отдыхать,
Лишь кудрявый Филипп
Их пошел собирать.
Темноцвет —
Цветок редкий,
Он негод для коров.
И на вкус больно едкий,
И на стебель суров.
Их Филипп, самых лучших,
Собирает не к свадьбе —
Вновь подарит Надюше,
Своей тихонькой бабе.
Солнце тает медово,
Под кустами смеются,
И тепло и толково
Разговоры ведутся.
Разыгрались девчата,
Даль от зноя светла.
А Надюша, жена-то,
Год назад померла...
До зарёвого света
Сенокосные звени,
Расплылись темноцветы
В скошенном сене.
Стихли звуки,
Луна оловом,
Ты мне в руки —
Буйну голову:
«Нынче солнце
Так алило!
А ушло по льду...»
«Спи, мой милый,
Я не уйду».
«А береза утром темным
Звон подарит дню...»
«Спи, мой родный,
Не изменю».
«На морозец
В ельи ветви
Волк завыл в бору!»
«Спи, мой светлый,
Я не умру».
Лбом пречистым —
Мне в запястья...
Замело дороги счастьем!
Полог лунный над избой...
Не катися, ночь, постой,
Зацепилась за звезду.
Неупадчивую, ту...
Эта буйна голова
Мне не будет тяжела.
Вечным пухом
В мрак несмелый
Для тебя
Мой локоть белый.

Волчьи ягоды

Волчьи ягоды не тронь!
Тронешь — с мылом мой ладонь.
Уж как я-то не боялась,
К ним низенько наклонялась,
Соком руки красила
И траву кропила,
Ягодку красною
Комаров морила.
И сосед, завязкий дядька,
Оглядев меня до пятки,
Процедил вдруг

между прочим:

«Ведьмина ты дочерь».
Уж я знаю, примечаю —
Он меня бы на костер!
От меня не пьет он чаю,
И на все вопросы зол.
Все лежит и загорает,
Пузо выставив на свет.
Дядьку очень уважают,
Говорят, что он поэт...
Меня бабка утешает:
«Не реви-ко, ешь конфетки!
Этот ходит нагишом,
Да и лыс,
и нос шишом!»

Баннный день

На полке в жарницу
Бабы-молодухи
Вениками свищут,
Охают старухи:
«Нам бы ваши-то года!
Мы б не так еще тогда!
Слезь-ко ниже, Варька,
Разичек ошпарь-ко...»
Бабка Агрипина
Вытянула спину:
«Баско-то, баско!
Не бей эдак хлестко.
Ну, хватит! Ну, хват...
Кому говорят?
Тебя б так огреть!
Больно ведь...»
На полке туман
Девоч прячет,
По крутым бокам
Веник скачет.
«Ой, пару-то, пару!
Поддай, бабы, жару!»
По плечам сырым
Косы волоком.
Девки, мойтесь молодым
Щелоком.
Девки, парьтесь добела,
Девки, парьтесь дола
Веником березовым.
Где хлестнул —
Там розово,
Где хвостнул —
Там гладко,
На душе сладко.
Бабки ставят шайки
В предбаннике,
Надевают фуфайки
Да валенки.
А нам, молодым,
Мало вроде!
Мы и квасом крутым
Пар наводим.
После жару да в снега
Сивые,
Потому-то мы всегда
И красивые.
Из снегов на полках
Без оглядки,
Ключевый ледок
Ломит кадки.
Уж оконница вклучь
Вся от инея,
Над Сорвижами ночь
Темно-синяя.
Пора одеваться,
Домой собираться.
Дома чай с вареньем,
Пирог-затей,
Белым метельем
Дыбятся постели.
На избу из тьмы
Звезда свалится,
Неужели и мы
Будем стариться?
В печке ветер гудит
Байкой нежно,
Все село уже спит
Безмятежно.
Тишина и мороз.
Лишь стареющий пес
Там, где снежный большак,
Там, где сломанный дом,
Воет в иньевый мрак
Неизвестно о ком.

Осенний стог

Осенний стог крупен.
Тяет сенины звон,
До обморока сон.
Умётано, упластано
Со всех боков,
Дождь иглами напрасными
Из облаков.
Чернь серебра
по веткам,
И чернь травины точит.
С утра морозец крепкий
Все белым оторочит.
Окружевит коров,
Осеребрит навоз,
И месяц выгнет бровь
Меж иневых берез.

КАК И ВО ЧТО МЫ ИГРАЛИ

СПОРТ ВО ДВОРЕ

Фото Анатолия БОЧИННА

Здоровье, крепость мышц, ловкость, бодрость, хорошее настроение — всего этого в наши дни, по-видимому, нельзя достичь без помощи физкультуры. Спорт высших достижений, мировые рекорды, олимпийские медали — и это тоже, как известно, немыслимо без спорта массового, охватывающего миллионы людей всех возрастов, но в особенности молодежь. Наконец, физическая культура сегодня — это одна из важных составляющих культуры общечеловеческой.

В этом номере «Смены» мы открываем публикацией воспоминаний и размыш-

лений поэта Олега ДМИТРИЕВА новую рубрику «ФИЗКУЛЬТУРА!». Под этой рубрикой будут печататься статьи, очерки, репортажи, писательские эссе, которые расскажут о том, как развивается физическая культура во дворе и в школе, на заводе и в деревне, в молодом городе и в рабочем общежитии.

Обращаемся с просьбой к вам, наши читатели. Напишите в редакцию, как обстоит дело с физкультурой и спортом у вас, подскажите адреса журналистских командировок, поделитесь своими мыслями по этому поводу. Ждем ваших писем.

Столько солнца в безоблачном небе!
Беспечальные души ребят
Дружно тянутся к свету.

как стебель.

Что не сломан, а только прижат,
В переулках июльской столицы,
В многочисленных гулких дворах
Мы кричим, как счастливые птицы
На свободных весенних ветрах!
Крик ликующий, не затихая,
Над Москвою царит дотемна,
И все меньше
Година летая
Настрадавшимся людям слышна.

Из стихотворения
«Послевоенное настроение».

Для взрослых людей той, послевоенной поры, несмотря на радость Великой Победы, продолжались трудные годы. Надо было восстанавливать разрушенное общее хозяйство, налаживать личный быт, думать ежедневно о хлебе насущном.

Но я вспоминаю о послевоенном времени, как о самом светлом в жизни, — ведь это было мое детство...

Тогда мало кто из нас был домоседом. Дома ели, спали, слушали радио, делали уроки. Все остальное время безраздельно занимал двор — замкнутое пространство, включавшее в себя подъез-

ды, чердаки и крыши. Там мальчишки сороковых годов дружили, ссорились, играли.

Можно назвать десятки игр, развивавших в тогдашней детворе ловкость, силу, смелость. Мы были на редкость изобретательны: игрушек и приспособлений для игр практически не было. Мы все делали сами, обходились малым — неумная детская фантазия выводила нас из многих затруднений.

Кто бы сейчас из нынешних школьников сразу поверил в то, что для нас обыкновенный резиновый мячик был пределом мечтаний, а о настоящем волейбольном мяче и думать было как-то неловко: все равно, что рассчитывать найти на чердаке клад.

И вот наши матери, бабушки, старшие сестры, качая головой, набивали старые чулки ненужным тряпьем, придавая поделке шарообразную форму. Мы получали «мяч» для футбола, который выдерживал совсем недолго: лопались сыровые нитки, из боков лезли куски материи или грязной ваты. А если мяч попадал в лужу, все кончалось гораздо раньше — набухший тряпичный ком еле отскакивал от носков ботинок и делался совершенно непригодным для игры. К тому же его прямое попадание в игрока было весьма болезненно.

И все же консервная банка была вещь более неприятной. Как сейчас

помню солнечную аллею тогдашнего Никитского бульвара. Поперек нее, за лавочками, на уровне газонов портфели и холщовые сумки обозначают ворота, на которые накатываются волны потных, взъерошенных мальчишек, следуя за скачущей, как большая лягушка, пустой жестяной.

Идет игра азартная и опасная, ибо полет банки трудно предскажем: от удара по дну она летит прямо, как снаряд, боковой же удар придает ей вращение с последующим неким планированием. Она разбивала нам носы и лбы, секла на руках кожу, и все равно юные поклонники знаменитых столичных команд старались с безмерным рвением загнать банку в ворота противника.

Когда появились у нас мячики и мячи, футбол уже безраздельно завоевал сердца московских сорванцов. Если мальчишка находился во дворе один, он подолгу мог забавляться с мячом, обводя существующего лишь в его воображении противника, бомбардируя нарисованные на стене ворота или просто двери гаража. Двое уже играли один на один в маленькие воротца или били друг друга по очереди в большие. Шесть — десять человек разбивались на команды и принимались за дело всерьез.

Уму непостижимо — как удавалось

нам часами сражаться друг с другом в старом московском заасфальтированном дворе между зданий, состоявших, как кажется теперь, из одних окон! Но гораздо чаще матч заканчивался быстро: выбегал из конторы рассерженный домоуправ, или из распахнутых окон кричали жильцы, чаще всего бездетные люди, или после неловкого удара раздался мелодичный звон, за которым наступала мертвая тишина, сменяющаяся топотом множества ног. У городских ребят быстро решилась проблема «чем играть». А вот вопрос «где играть» у большинства так и не был разрешен до их прощания с дворовым футболом.

В огромном доме, где я рос, бывшей гостинице, одной из главных в дореволюционной Москве, в последние годы жизни работал всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин (одно крыло жилого строения было государственным учреждением). Совсем маленьким я запомнил его сидящим на солнечном припеке на каменной тумбе у стены во время перерыва в работе. У нас в доме из уст в уста передавалась легенда о том, что однажды ребята постарше, осмелев, пожаловались Михаилу Ивановичу на то, что не дают им играть в футбол во дворе. Калинин написал записку, и целое лето ездили наши парни играть на малое поле стадиона «Динамо».

**ЛЕТО НАШЕГО ДЕТСТВА. И МЯЧ
УЖЕ КОЖАНЫЙ. И ТРАВА
ЗЕЛЕНАЯ. И СОВСЕМ НЕ ВАЖНО,
ЧТО МЫ НЕ В БУТСАХ, ЧТО
ВОРОТАМИ СЛУЖАТ ПОРТФЕЛИ.
ЧТО ИГРАЕМ ТРОЕ НА ТРОЕ...
ЭТО ФУТБОЛ.**

Этим случаем у нас очень гордились, но все же надо было искать площадки поближе да и поменьше. И мы находили их в соседних дворах, на территории старого здания МГУ, где уже были огороженные железными сетками пространства. Кстати, мы пытались играть и в маленьком дворике бывшей школы на теперешнем Калининском проспекте — там, где сейчас убрали забор и установили памятник Михаилу Ивановичу...

Мы пытались играть с мячом всюду, а получалось — где повезет. Ибо всегда состязание было под угрозой срыва — нет-нет да и появлялось лицо, ответственное за порядок на данной территории, и приходилось спешно ретироваться, оставляя в руках противника мяч в качестве трофея.

Вот идет сражение на каменных плитах Ленинской библиотеки. Место не совсем удобное: прохождение идет по диагонали через «поле», сокращая дорогу к метро, да и мяч после сильного удара скачет по ступенькам на улицу с сильным движением, и кто-то из нас стремительно бежит через улицу, лавируя среди автомобилей, спасать драгоценный мяч!

Раздается трель свистка, и мы с замиранием сердца видим, как от дверей научного зала смеются семенит, размахивая руками, сторож-старичок с ярко-алыми щечками по прозвищу «Помидор». И как на грех мяч отлетает прямо ему навстречу. Он, довольный, несет его под мышкой, а сзади на почтительном расстоянии следуем мы, подвывая: «Дяденька, отдайте, больше не будем...» И вдруг кто-то выбивает мяч кулаком из-под согнутого локтя победно шествующего Помидора, кто-то подхватывает мяч, и все бросается враспылку, и лишь уже издали доносится до нас сердитая переливающая трель.

Это были годы соперничества двух великих команд — ЦДКА и «Динамо». В школе наш класс был резко поделен на два лагеря: динамовское большинство и армейское меньшинство. Иногда динамовцы, пользуясь численным преимуществом, подсыпали нам порошу перед началом уроков, но чаще мы решали свои споры встречами «Динамо» — ЦДКА во дворах, затерянных в Кисловских переулках. Играли яростно, подолгу — сразу после школы или чуть погодя. Откуда бралось тогда столько сил?

А во дворе постепенно старшие начали принимать нас в свою игру. Если раньше они милостиво разрешали присутствовать на игре, подавая мячи, то теперь ты сам мог бросаться наперерез своему кумиру, пытаясь помешать его неудержимому рыку к воротам. Получалось интересное сочетание: одиннадцати-двенадцатилетние мальчишки играли наравне с пятнадцатилетними парнями и даже женатыми мужчинами.

Настали замечательные годы, когда по предварительному уговору человек пятнадцать — двадцать из нашего двора отправлялись воскресными утрами на метро в Измайлово. Были там у нас свои уголки: заброшенный перед войной — в самой ранней стадии постройки — огромный стадион с довольно приличным полем и намеченными трибунами или обыкновенная лесная полянка. Ни с чем не сравнимы ощущения гордости и счастья оттого, что ты, как равный, принят в круг взрослых ребят! С каким старанием, с каким бесстрашием играли самые младшие, и надо сказать, что редко кто из старших демонстрировал преимущество в росте и силе при отборе мяча или старался мячом угодить в того, кто меньше и слабее. Иногда, к большому нашему удовольствию, старшие соглашались на такой вариант: «большие» на

«маленьких» — это уже не был самоотверженный поединок, а скорее полувозня, веселье.

Мальчишки всегда подражают старшим. Мы подражали нашим лучшим игрокам — вратарю Брызгалову, бомбардиру по прозвищу Шумбек, уже тогда обладавшему незаурядной техникой Вале Егорову: их похвала или неудовольствие очень много значили для нас. Но, конечно же, главное влияние на нас оказывал послевоенный столичный и всесоюзный футбол, летописцем, а вернее, поэтом которого был Вадим Синяевский. Блистательная, бескомпромиссная игра футболистов тех лет и заставляла дворовых мальчишек бросаться на серый асфальт, не замечая синяков и царапин, не зная усталости, не боясь ни зноя, ни мороза.

Да, футбол продолжался и зимой, на расчищенных от снега ровных скользких площадках — игралось даже веселей, легче было дышать на московском некрепком морозце, мяч было падать, и мяч как-то по-особому позванивал. Да и гонители наши были зимой настроены более миролюбиво.

Упавший, как с неба, неожиданный хоккей с шайбой, завоевав любовь болельщиков, спортом для масс и для нас в те годы не стал. Тому было много причин, и они понятны. Отсутствие площадок и инвентаря не дало ему сделаться для многих не только захватывающим зрелищем, но и полем приложения своих сил. Однако никак нельзя сказать, что школьники пятидесятых годов не сделали все, что могли, для освоения захватывающей игры в дворовом варианте.

Играли без коньков на ледяных пятках, которые сами же заливали, с ботинками из прессованного снега. Ворота ограничивались вмерзшими в лед кирпичами. Сначала играли теннисным мячом, а клюшки делались из толстой проволоки. Но они были хоть и похожими, но принципиально иными, чем клюшки для русского хоккея: совсем другой угол изгиба.

А потом в продаже появились шайбы, и все, кто увлекался этим видом спорта, стали мастерить деревянные клюшки, основой которых были палки от поло-вых щеток и метелок. Но они, к нашему великому огорчению, очень быстро ломались, особенно если кто-то в пылу борьбы наступал валенком на прибитый гвоздями к палке крючок. О цельных, клееных клюшках тогда и речи не было! И все равно мы учились обводке, и пасу, и броскам по воротам. Вероятно, со стороны это выглядело однообразным топтанием на месте кучки ребят с палками в руках — мы тогда не умели глядеть на себя со стороны.

Конечно, такой доморощенный хоккей мало в чем сопоставим с настоящим, но остальное мы домысливали, все вплоть до коньков и доспехов. Это было важнее всего!

А перед моим окончанием школы у нас во дворе началось повальное увлечение волейболом. У гаража, не помню уже каким образом, натянули сетку, расчертили мелом на асфальте площадку и по вечерам опять же юные и великовозрастные вместе до темноты давали пасы, гасили, парировали пушечные удары. Наш дом в центре Москвы, пока не перестал быть жилым, не расставался со спортом, точнее, с мячом, несмотря на обилие окон самых разных видов.

Хочу, чтобы меня поняли правильно. Конечно же, мы все занимались спортом в школе и, как уже говорилось, мерились силами в футбольных баталиях с одноклассниками. Конечно же, в Москве работали разные спортивные секции, куда нас звали, и кое-кто, правда, немногие, ходил туда заниматься в надлежащих условиях по вечерам.

Я говорю о том, что в послевоенные годы мой московский двор был своего рода спортивной базой для детей, юношей, молодежи. Старшие своим примером воспитывали нас. Казалось бы, зачем им, отправляющимся в купальню к

Крымскому мосту или в Серебряный бор, надо было брать с собой ватагу школьников среднего возраста? Здесь и обуза и ответственность немалая! А ведь брали. Любимый, имеющий деньги на билет, мог ехать со всеми — это было здорово!

Именно во дворе, а не в школе, где ты проводишь лишь несколько часов, и не в спортклубе, где рядом с тобой случайные, быстро порой исчезающие навсегда ровесники, занятые спортом, — именно во дворе было сфокусировано отношение народа к спорту в те трудные годы. Отношение, как к отдыху, как к наслаждению, как к награде за долгую войну и текущие нехватки. Тогда не было телевизоров, и люди, собравшиеся вместе, во дворах слушали голос Вадима Синяевского, доносившийся из распахнутого окна. А среди играющих в футбол на полянах Измайлова мы, мальчишки, видели людей с заткнутым за пояс пустым рукавом гимнастерки, видели даже, как в импровизированных воротах стоял одноногий человек...

Бывает, одна строка выражает время. На мой взгляд, очень точно сказал о нашем поколении поэт Андрей Дементьев: «Мы шли по улицам родным и бедным...» Действительно, в моем «родном и бедном» дворе, как я уже говорил, «спортивный инвентарь» был до смешного примитивен. Добавлю еще, что мы пробовали играть в теннис таким образом: сетку заменяла черта на асфальте, а вместо ракеток в руках были прямоугольные доски, но ведь играли-то мы всерьез!

В детстве на все хватает времени. Наши ежедневные состязания не мешали нам ни учиться, ни читать, ни ходить в кино, ни просто бездельничать. А дали очень многое — все, что дарит людям настоящей большой спорт. Пусть даже теперь наши игрища кажутся пародией на него.

Смешно сейчас пенять на современных архитекторов, которые иначе увидели Москву, практически отменили понятие «двор», ибо пространства между зданиями выполняют совсем иную функцию. Все же лучшие проекты предусмотрели огражденные спортивные площадки и уголки для игр малышей. А в основном дворы и подсобия их превратились в островки зелени, где отдыхают пенсионеры и трудятся доминошники, или в стоянки легковых автомашин. Сейчас родители и недорого и свободно могут купить великолепную форму своим детям, подарить им мячи и ракетки лучшего качества. Но все реже под нашими окнами раздается звон мячей...

И не так уж мало стало теперь мальчишек и девочек, которых не тянет на улицу из уютной квартиры. Взрослые на работе, а перед тобой телевизор, магнитофон, библиотека, телефон, полное ощущение независимости и своей значимости на небольшой, но все же территории. Я не ворчу и не сетую, но в том, что наши дворы заполняет только малышняя, это тоже играет немалую роль.

Я уже говорил, что понятие «двор», особенно в районах новостроек, сейчас стало совершенно иным — многие из так называемых «дворов» не переделаешь и для спортивных игр не приспособишь: слишком густо посажены деревья и кустарники, под прохладной сенью которых проводит свой досуг малоподвижная часть населения. Более тревожит другое: не осваивают ребята территории лесопарков, нередко пустуют «дикие» спортивные площадки. Об этом говорит в одном из своих интервью наш замечательный футболист Олег Блохин: «Иногда я хожу сыграть в футбол — для отдыха — в Гидропарк. Так вот, в стихийно организованных командах обычно играют те, кому за тридцать, а юноши предпочитают на песочке лежать».

Печальное наблюдение. А ведь сейчас в наших высококорослых мальчишках, казалось бы, наоборот, бурлят, переливаясь через край, спортивные страсти! На стенах домов углем и масляной краской нарисованы эмблемы футбольных и хоккейных клубов, по улицам до и

после матчей маршируют организованные отряды: сторонники той или другой команды тем самым дают понять о своей великой любви к спорту.

Любовь ли это? Может быть, но очень уж уродливо она выглядит. С трибун стадионов ребята возбужденно скандируют нелепые стишки, в которых явно завышены достоинства их любимых клубов или игроков и, главное, напрочь отсутствует юмор, а без юмора может ли существовать частушка или припевка? В старые годы мальчишки тоже повторяли всякую ерунду вроде: «Динамо» варило картошку, «Спартак» победил за вином, «Динамо» подставило ножку, «Спартак» полетел кувырком! Но это была обыкновенная дразнилка, веселая и озорная, нисколько не претендующая на глобальные сегодняшние обобщения: «На целом свете нет пока команды лучше...» Беда сего «шедевра» скорее не в том, что со словом «лока» рифмуются названия по меньшей мере двух команд, а в том, что — при всем моем уважении к этим двум легко угадываемым коллективам — на сегодня и у нас и за рубежом есть команды получше...

Прямо скажем, появление юных «тиффози» на наших трибунах — явление недавнее и не очень приятное для слуха и глаза. С тревогой пишу о нем истинные любители футбола и размышляют обозреватели газет. Я тоже думал об этом. Но ближе всех к истине, на мой взгляд, оказался уже упоминавшийся здесь Олег Блохин: «...молодые чаще всего приходят на стадион не на других посмотреть, а себя показать. Лучше бы показывали оригинальность свою на спортплощадке».

Точнее не скажешь. Да и что это за мальчишки! Не помню случая, чтобы раньше приветствовали плохую, неудачную игру родной команды — люди покидали трибуны расстроеными, а мы, мальчишки, — что скрывать! — нередко украдкой вытирали слезы. А тут команда топчется в центре поля, игроки вяло перекидывают друг другу мяч на предмет скорейшего извлечения от него, а с верхних рядов слышатся безудержные восклицания в их адрес!

Нет, ребята, надо играть самим. Пусть это будет любительский, доморощенный футбол или хоккей. Надо сражаться за свою, пусть на день созданную путем простейшей считалочки команду, сражаться, не боясь синяков и ушибов, — это гораздо полезнее для физического и духовного роста, чем шатания по улицам с воплями хвалы в честь любимой команды. А на стадионе лучше всего появляться не только с целью наслаждения игрой или занимательного провождения времени, а для того еще, чтобы на настоящих мастеров посмотреть, поучиться у них, чтобы потом на практике применять полученные знания.

Вот собирательный образ детства сороковых — пятидесятых годов: раскрасневшийся, взъерошенный паренек в валенках, в шапке, у которой одно ухо дерзко поднято кверху. Он только что забивал голы или забрасывал шайбы. Этот мальчишка мил и дорог моему сердцу...

Бессспорно, спорт у нас находится на высокой ступени развития. Но спортсменами становятся далеко не все. Например, из нашего двора вышли только два настоящих спортсмена — Вале Егоров и Рудик Жуковский, мой ровесник. Поэтому и речь идет в моих заметках не о тех, кто занимается спортом профессионально, получает разряды, становится мастером, а о большинстве, просто любящем движение и азарт.

...Вот в аллее Александровского сада Шумбек, который едва ли не в два раза старше и выше меня, посылает мяч в мою сторону, явно в «офсайд» — но мы играем без офсайда! — я бегу вперед, вратарь Брызгалов бросается в угол и чуть касается мяча потертой перчаткой: гол!

Может быть, это одно из лучших воспоминаний в жизни.

Ада БАСКИНА

ЧТО АССОЦИИРУЕТСЯ СО СЛОВОМ «СЕМЬЯ»

Несколько лет назад социологи Одесского педагогического института провели большое исследование среди молодежи, чтобы выявить ее подготовленность к семейной жизни. «Какие ассоциации вызывает у вас слово «семья»?» — такой вопрос был задан молодым людям — и холостым и состоящим в браке.

Несемейные юноши и девушки назвали: любовь, совместный отдых, верность, ребенок. А их ровесники, имеющие некоторый опыт брачной жизни, понятие «семья» связали с несколькими иными представлениями: дом, любовь, дети, заботы, домашнее хозяйство, притирка характеров, трудности, обиды...

Не в этом ли несоответствии идеала и действительности, не в этой ли ошибке грез и реальной жизни кроется причина разладов и даже распадов молодых семей?

Сейчас много говорится о мерах помощи семье — экономических, бытовых, педагогических, психологических.

Заботой о благосостоянии семьи продиктовано, в частности, недавнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о государственной помощи семьям, имеющим детей. Когда речь идет об уже состоявшемся союзе двоих, прежде всего ответственность ложится именно на них. Поэтому крепость, здоровье, счастье будущей семьи в значительной степени зависят от того, насколько эти двое были готовы к семейной жизни задолго до того, когда они приняли решение вступить в брак. Были ли они достаточно нравственно зрелы, чтобы принять на себя всю нелегкую ответственность за семью? Были ли они готовы в свои молодые годы преодолеть будущие трудности — и психологические и бытовые, — которые почти неизбежно встают перед молодоженами? Обрели ли навыки и умения, необходимые для ведения домашнего хозяйства?

Постоянный разговор о семейном воспитании детей, подростков, молодых людей может в какой-то степени подготовить их к предстоящему браку.

ТЫ МЕНЯ ПОНИМАЕШЬ?

Когда супруги спорятся, чаще всего они произносят слова: «Ты меня не понимаешь!» А помните, как мальчуган из фильма «Доживем до понедельника» утверждал с отчаянием: «Счастье — это когда тебя понимают»? О необходимости взаимопонимания юноши и девушки говорят часто. Но ведь как говорят?

Однажды мне в одной из школ Краснодара пришлось проводить диспут на тему «Ты и твое место в жизни». Из всех сфер будущей своей жизни, о которой девушки говорили очень горячо, меня больше всего интересовала семья. Шла речь и о психологической стороне брака. Но разговоры эти были, на удивление, наивны, инфантильны: «Мой муж должен хорошо понимать меня», «Муж должен быть мне верным другом — разделять со мной мои

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

ИСТИНЫ ДЛЯ БУДУЩЕГО

мысли и чувства». «Если мой внутренний мир ему неинтересен — зачем мне выходить за него замуж?» И только одна из пятидесяти сказала робко: «Я бы хотела встретить такого человека, которому была бы нужна именно я, чтобы я могла понимать его во всем и могла бы всегда прийти ему на помощь и словом и делом».

...Другая аудитория, другой разговор. Под Костромой, в молодежном лагере «Волгарь», 15—17-летние ребята, старшеклассники, учащиеся ПТУ, молодые рабочие, завели интересную беседу о работе, о досуге, о друзьях. И, конечно, о любви. Хорошо говорили, умно, по-доброму. Но вот разговор перекинулся на проблему брака. И тут в голосе будущих женихов зазвучали металлические интонации. И хотя речь шла о той же — в сущности, психологической — стороне жизни, о взаимопонимании, чаще всего звучало слово «должна». «Моя жена должна во всем разделять мои планы и вкусы», «Жена

должна быть ко мне ласковой и нежной», «Она должна утешать меня в беде, быть мне верным другом». И еще слабее, чем у девочек, мотив «я должен». А ведь, если уж на то пошло, женщина с ее ранимостью и обостренной эмоциональностью больше нуждается в поддержке, участии, сочувствии и, конечно, в понимании.

Хорошо, если это свойство — умение сопереживать другому, откликаться на движения его души — дано человеку от природы. А если нет — можно ли этому научить? Очевидно, можно, если с самого раннего детства развить у мальчиков и девочек чувство истинного дружелюбия, внимания и доброжелательства друг к другу.

...Мальчики и девочки. Два лагеря, два полюса. Иногда безразличных, иногда настороженных.

В одной из своих педагогических новелл, «Любовь», Януш Корчак говорит, обращаясь к девочке: «Напрасно ты презираешь мальчишек, напрасно

считаешь, что все они грубые, черствые, резкие. Они ведь тоже думают, что все девочки — сплетницы, болтушки, кривляки». Мудрый педагог заканчивает таким назиданием-шуткой: «Они не плохие, они просто другие».

Можно, конечно, посмеяться над этой взаимной настороженностью, можно не обратить внимание на безразличие «лагерей». Но не заложит ли это в дальнейшем некий стереотип отчужденности, раздельности, который так трудно будет преодолеть?

Социологи и преподаватели Одесского пединститута попытались в одной из школ с начальных классов наладить добрые отношения между учениками и ученицами.

Речь шла, казалось бы, о мелочах. Мальчики помогали девочкам носить тяжелые вещи. Мальчиков учили подавать девочкам пальто, пропускать их вперед первыми. Рассаживая ребят за парты, учителя принимали во внимание их симпатии и жела-

ния. И вот из 200 учеников младших классов 182 написали, что хотели бы сидеть вместе — мальчик с девочкой. Через год обнаружилось, что такая дружба не только не мешает учебе, но, напротив, создает спокойную, доброжелательную атмосферу в классе и тем самым повышает успеваемость.

Как жаль, что этого не понимают многие другие педагоги! Часто говорят: «Вот еще, в классе амуры разводите». Но ведь в едином коллективе как раз и снимается пошловатый налет «амурности» в отношениях мальчиков и девочек, создается нормальный психологический климат в классе, где легко работает и самому учителю.

В течение многих лет в школе № 303 Ленинграда ученые педагогического института имени Герцена совместно с учителями вырабатывали наилучшие способы взаимоотношений ребят: их сотрудничество в учебе, общественной работе. Наибольший эффект, по мнению учителей, достигался в туристическом походе, где-нибудь по Карельскому побережью, вдоль побережья Ладожского озера. Научным языком в отчетах и докладах это формулировалось так: «В туристических походах, а затем в летних трудовых лагерях устанавливалась наибольшая интенсивность деловых контактов». А за этими скучноватыми словами: купание, голубизна вод, запах трав. И, конечно, костры, немудреное варено, песни под гитару, игры с мячом. Острота впечатлений от новых мест, памятники культуры, живописнейшие пейзажи. Шутки, смех, веселье. Это и создает дружбу, симпатию. И тут, наверное, раз возникнув, отношения эти будут сохраняться долго. Именно в походах выясняется, кто тебе интереснее и ближе по вкусам, склонностям, по движению души. И это будет вовсе не обязательно самый высокий и сильный мальчик, не самая красивая, изящная девочка. В этой дружбе снимается влюбчивость по признакам чисто внешним, вырабатывается умение ценить истинное, которое потом так пригодится в их взрослой личной жизни.

Совместные походы в театр, экскурсии в музеи, обсуждение книг, танцы в школе — все это помогает взаимопониманию, различению мужской и женской психологии, уважению этой разницы.

А между тем знание психофизиологического различия полов обязательно для юношей и девушек: это залог будущего взаимопонимания супругов. Мальчики, например, с раннего детства более независимы, активны, даже агрессивны, чем девочки. У них раньше дифференцируются интересы. У мужчины и женщины существенно различаются эмоциональные реакции, направленность деятельности. Мужчины сильнее тяготеют к физическому труду и абстрактно-теоретическим занятиям. Женщины больше, чем мужчины, обладают чувством прекрасного, они более эмоциональны и сердечны. Их больше интересует человеческий мир, межличностные отношения, то есть собственно отношения между людьми — на производстве, в семье, с друзьями. Как правило, женщины больше значения придают семейным отношениям в отличие от мужчин, для которых обычно на первом плане стоит внесемейная, общественно-производственная деятельность.

Мужчинам важнее всего логический анализ, точный расчет, сопоставление фактов, здравый смысл. Для женщины — интуиция, чувства. Поэтому именно она в большинстве случаев составляет — или, во всяком случае, должна составлять — эмоциональное ядро семьи. Девушки должны знать об этом своем назначении. Вильнюсские психологи из Ка-

Молодые мужья весьма смутно представляли себе все это. Один юноша убеждал меня, что хозяйство для него дело не новое, что он может, если нужно, и печку растопить, и воды принести, и дров нарубить. Однако жить они с женой будут в Москве, в современном доме с центральным отоплением, газом, водопроводом. Другой юный муж объяснил, что он привык помогать матери по дому во всем. В чем именно, поинтересовалась я. Он долго вспоминал, потом ответил: «Скажет, например, мать: «Сбегай за хлебом». Я сбегаю». Девушки лучше представляли себе хозяйственные дела. Когда же я пробовала выяснить, часто ли им приходилось готовить, убирать, стирать, то оказывалось: нет, не часто. Обычно это делали матери, бабушки. Известно, что хозяйство, был сейчас уже не могут надежно скрепить семью. Но разрушить ее могут и непосредственно и косвенно.

Из всего времени, которое работающие супруги уделяют домашнему труду и занятиям с детьми, более трех четвертей приходится на долю женщины. В самом этом неравенстве содержится большая угроза семейному благополучию. Социологи с тревогой говорят о психологической ущемленности молодых женщин, на которых падает большая часть хозяйственных забот. Ведь в образе жизни холостых юношей и девушек мало различий. И те и другие учатся (причем девушки часто имеют более высокий образовательный уровень). И те и другие приобретают профессию. В равной степени они читают, ходят в кино и театры, выезжают за город, участвуют в туристических походах. И вот после такого юридического, фактического, а главное, психологического равноправия молодая женщина попадает в обстановку бытового неравенства. Именно на этой почве разгораются многие ссоры, возникают семейные конфликты. Жены, как правило, раздражаются не столько тем, что мужья мало помогают им практически, сколько вообще их невниманием к домашним делам, к воспитанию детей. В то время как супруга занимается домашними делами, ее супруг часто проводит время в пассивном отдыхе. Это положение чревато несколькими неприятными следствиями. Во-первых, женщину больно задает такая несправедливость: почему после общего рабочего дня она должна приниматься за работу, а он — отдыхать? Во-вторых, чувство неудовлетворенности, хотя и не всегда осознанной, ощущает муж: после активного отдыха холостой жизни, связанного с искусством, литературой, спортом, общением с друзьями, наступает отдых, ограниченный домом, газетой, телевизором. Это чувство неудовлетворенности также создает почву для семейных коллизий. В-третьих, отцы семейств порой ищут выход из обыденной монотонности, и таким выходом порой становится пьянство.

«Традиция» идет с того времени, когда мужчина был кормильцем, а жена — хозяйкой. Мужчине предназначалась работа, женщине — домашний очаг. Давно уже порушено это представление, давно уж у нас жены работают наравне с мужьями, но ведение домашней жизни кое-кто по-прежнему считает делом женщины.

«Стирай чище, убирай лучше, а то выйдешь замуж — плохой хозяйкой будешь», — говорит мать дочери. Но редко какой сын услышит: «Учись стирать свои вещи сам, учись готовить, а то женишься...» Вот и получается, что юноши не умеют приготовить простого завтрака, не приучены убирать за собой вещи, мыть посуду. Молодого мужа часто не уговоришь постирать дома в стиральной

машине, а ведь это не корыто с доской, а машина, мотор, механизм — то, что ему психологически близко, понятно. Это, наверное, отношение к домашнему хозяйству невольно укрепляется и в школе. Уроки домоводства предназначены только для девочек. Почему? Разве мальчикам не было бы полезно научиться покупать мясо, готовить борщи, жарить картофель, пришивать пуговицы, пользоваться полотером — словом, уметь делать все то, что предписывает школьная программа по домоводству?

Хорошо бы на уроках домоводства учить также составлять желаемое меню на всю семью, исходя из бюджета. Затем научить готовить все эти блюда: супы, мясные и рыбные кушанья, блины, салаты, компоты. Проверить всех на уроке, конечно, трудно. Поэтому учитель мог бы держать тесную связь с родителями, просить разрешить девочкам готовить то, что им показали в школе. Девочек хорошо бы научить заготавливать продукты впрок: варить варенье, квасить капусту, консервировать фрукты. Очень важно еще в школе обрести умение правильно рассчитать бюджет. По исследованию социологов Уфы, оказалось, что половина восьмиклассников — ребят 14—15 лет — не знают стоимости своего костюма, пальто, размеров квартирной платы. Больше же всего ученых поразило и огорчило другое явление: большинство родителей предубеждены против физического труда, не приучают детей к помощи по дому.

Включать ребенка в сферу бытового труда необходимо с самого раннего детства. И тогда к детям, а потом подросткам, юношам и девушкам придет главный помощник в быту — навык. Если научить детей быстро, механически, не затрачивая лишних усилий, выполнять хотя бы часть домашних дел, насколько же легче будет их бытовая жизнь в дальнейшей семейной жизни.

Иначе самые сильные чувства, самые благие пожелания загасит, притушит быт. Вот как это бывает.

Молодые муж и жена. Им хочется вместе пойти в гости и в театр, а на субботу, воскресенье — в турпоход. Дома же все накапливаются дела: давно уже надо натереть пол, пропылесосить мебель, сделать постирушку. Сначала кажется: да это все чепуховая работа, это и после можно. А потом вдруг изумление: да откуда же ее столько накопилось? И вот вместо прогулки предполагается генеральная уборка. «Посмотрим телевизор?» «Да что ты — у меня тут стирки на целый вечер». И вот уже вместо смеха, шуток, отдыха — озабоченность и усталость. Все это удесятерится с появлением ребенка. Тут и самих дел больше, и отложить их невозможно: ребенок должен быть в чистоте, в сухости, в сытости. Если не научились молодые родители еще до свадьбы быстро управлять с домашними делами, каждое из них превращается в проблему. Постирать пеленки — проблема, погладить — еще одна, прибрать в комнате — третья и так далее. У скольких матерей, не приученных к хозяйству, радость материнства омрачается тягостной, утомительной работой. А сколько юных отцов раздражаются этой неумелостью, медлительностью своих жен, вместо того чтобы вместе с ними сделать самую скучную и неприятную работу.

И насколько лучше чувствуют себя женщины, для которых все это — пеленки постирать, кашку

ДУШКИХ СУПРУГОВ

бинета семейных отношений говорят, что чаще всего неудачливы, несчастны в семейной жизни именно те молодые жены, которые словно нарочно стремятся скрыть признаки женственности, не умеют быть приветливыми и нежными...

НЕ ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ

Однако умение понимать чувства, вообще духовная сфера жизни еще не вся семейная жизнь. Значительную ее часть составляет быт, и к этому, очевидно, тоже нужно готовить заранее будущих супругов.

Однажды мне пришлось интервьюировать молодых людей во Дворце бракосочетаний; этим юным мужьям и женам уже сегодня предстояло начать самостоятельную семейную жизнь. Я спрашивала, как представляют они себе хозяйственные заботы, как собираются распределять обязанности по дому,

машине, а ведь это не корыто с доской, а машина, мотор, механизм — то, что ему психологически близко, понятно. Это, наверное, отношение к домашнему хозяйству невольно укрепляется и в школе. Уроки домоводства предназначены только для девочек. Почему? Разве мальчикам не было бы полезно научиться покупать мясо, готовить борщи, жарить картофель, пришивать пуговицы, пользоваться полотером — словом, уметь делать все то, что предписывает школьная программа по домоводству?

Кстати, о программе. Она недавно пересматривалась, в нее внесены существенные изменения, она стала ближе к тому, что требует практика жизни. И все-таки... Девочки тратят массу времени, например, на вышивание, на приготовление замесловых тортов. Разве для будущих жен это самые необходимые умения? Очевидно, важнее научить их быстро, из доступных продуктов, готовить, состав-

сварить, обед готовить — пустячное дело. Чаще всего это происходит вовсе не из-за различий характера, а из-за разницы в воспитании. Если мать приучила девочку к домашнему труду, если у нее все дела по дому вошли в обиход, стали привычкой, то и потом, когда их прибавится, они не составят большой проблемы. Если еще и мальчик, который стал мужем «умелой» женщины, рос в семье не иждивенцем, а полноправным участником домашней жизни, то можно уверенно сказать: быт не заглушит всего прекрасного, что начиналось в их совместной жизни.

ОНИ БУДУТ РОДИТЕЛЯМИ

Сейчас на каждую 1000 жителей страны появляется в год 18 новорожденных. На Украине, в Белоруссии, в РСФСР, в прибалтийских республиках — еще меньше. А для того, чтобы происходило

воспроизводство населения, на 100 супружеских пар нужно примерно 230—240 детей.

Объясняя падение деторождения, демографы указывают в числе прочих и такую причину, как низкий престиж родительства.

Социологи провели среди студентов, молодых музыкантов, учащихся ПТУ Новгорода и Минска исследование ценностных ориентаций. Опрошенные юноши сочли главным в семейной жизни: верность супруги, потом — квартиру, затем — удобства, комфорт. Наличие детей оказалось лишь на четвертом месте. Когда же их попросили отметить качества человека как личности, то около половины молодых людей вообще не нашли места в ряду нравственных достоинств таким качествам, как «хороший отец», «хорошая мать». Мы так привыкли, что работа, производственные успехи — главное для определения общественного лица человека, что порой не замечаем важнейший, благороднейший труд родителей по воспитанию детей.

Думается, что последнее правительственное постановление о помощи семьям, имеющим детей, выполнит свою главную задачу — повысит в глазах общественного мнения авторитет родительства. Этим постановлением, в частности, предусматривается продлить оплачиваемый отпуск матери до года после родов; увеличить ежегодный отпуск женщинам с двумя и более детьми; предоставить большую возможность отпуска без сохранения содержания; ввести государственные пособия при рождении первого, второго, третьего ребенка; установить льготы при назначении пенсии многодетным работникам. В 11-й пятилетке предусмотрены и другие меры помощи родителям и детям. Им в первую очередь будет предоставляться жилье; для них строятся семейные пансионаты, им даются льготы для оплаты путевок в детские сады и пионерские лагеря...

Все это, несомненно, должно поднять престиж семьи с двумя-тремя детьми, создать ореол уважения вокруг понятий «мать», «отец».

Все эти постановления поднимают ответственность семьи за воспитание детей как будущих родителей — и мальчиков и девочек.

На первый взгляд кажется, что воспитание девочки, будущей матери, не так уж и сложно. Инстинкт материнства проявляется у нее еще с детства, когда она играет с куклами — баюкает их, кормит, «воспитывает», да и с подружкой она любит играть в «дочки-матери». Но все это до поры. Потом куклы перестают занимать, да мы и сами этому способствуем, говорим с усмешкой: «Что ты все с куклами возишься, не маленькая уже!» И подросток-девочка забывает об этой своей естественной потребности — ухаживать, заботиться, ласкать, нянчить. Но вот через год-другой после школы, пусть даже через три-четыре года она становится матерью, и... как часто прекрасное это состояние омрачается растерянностью. Я видела, как одна молодая мама не расставалась с чешской книжкой «Ваш ребенок» ни ночью, ни днем. Прежде чем запеленать ребенка, покормить его, выкупать, она глядела в соответствующие странички и скрупулезно, точно выполняла рекомендации. В этом нет большой беды, просто немного смешно. И немного грустно: можно ведь было приобрести навыки ухода за новорожденным и раньше.

Разве нельзя уже в школе научить девушек-старшеклассниц тому, что потом им наскоро покажут в женских консультациях и родильных домах? Почему бы не ввести в курс домоводства правила ухода за маленьким ребенком? Жизнь торопит: возраст вступающих в брак снизился на 2—3 года, в ближайшие годы он, возможно, снизится еще. Поэтому для большинства девушек эти знания и навыки очень скоро окажутся весьма актуальными.

Однако главная часть воспитания будущих матерей, пожалуй, не в знаниях. Велико влияние матери на эмоциональный мир ребенка, на его чувства, на строй его души. Значит, формируя личность будущей матери, нужно развивать у нее душевность, доброту, приветливость. Мало ли мы видим молодых матерей, которые разговаривают с ребятами как с недобрым, резким голосом, а то и вообще не разговаривают, лишь понукают: «Скорей одевайся!», «Быстро спать!», «Давай ешь!». Почему эта резкость вместо располагающей любви? Потому, что мы не научили девочек, будущих матерей, быть ласковыми.

Еще сложнее с отцами. В их отношении к ребенку меньше безотчетной эмоциональности, больше разумной привязанности. Вряд ли нужно говорить, как огромно влияние отца: сын видит в нем образец для подражания, девочка — надежную опору, верную защиту и чаще всего неосознанно — идеал мужа.

О роли отца в воспитании детей стали говорить теперь чаще и больше. Опять-таки нужны знания: знания не пропадают. Скажем, если мальчики будут знакомиться с основами семейной педагогики еще в школе, у них возникнет интерес к детям.

Значительно больше, чем теперь, следует привлекать учеников старших классов к работе с малышами. Это может увеличить в будущем число мужчин-педагогов, к тому же работа пионервожатых в младших классах — отличная школа отцовства, особенно сейчас, когда у наших детей так мало младших сестер и братьев.

В последнее время в педагогической литературе появился термин «скрытая безотцовщина». Он означает отсутствие влияния отца на воспитание ребенка. Любопытно, что степень занятости работой не связана с этим явлением никак. Скорее, наоборот. Исследования социологов в научном городе Дубне под Москвой показали, что чем выше образование и общественный статус мужчины, тем больше времени отец уделяет ребенку. Ученые объясняют этот кажущийся парадокс тем, что профессиональная и общественно-политическая активность человека порождает его активность и в других сферах жизнедеятельности, в том числе и в семье. История дает тому много прекрасных примеров.

Карл Маркс при всей его непомерной занятости, при всей углубленности в мысли и дела всегда оставался заботливым мужем и отцом. Вот как вспоминал об этом Поль Лафарг: «Надо было видеть Маркса дома, когда он откладывал в сторону книги и тетради, или по воскресеньям, вечером в компании друзей, чтобы разглядеть за обликом старого ученого сердце этого человека и полюбить его... Маркс был нежным, кротким, снисходительным отцом. «Дети должны воспитывать своих родителей», — бывало, говорил он. Не было и тени отцовской власти в его отношении к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны. Он никогда ничего им не приказывал: если же хотел чего-нибудь от них, он их просил, как об одолжении, или уговаривал отказаться от того, что ему было нежелательно. И тем не менее редкому отцу удавалось добиться большего послушания. В глазах дочерей он был другом... Маркс проводил иногда долгие часы в играх со своими детьми... По воскресеньям дочери не позволяли ему работать: он на весь день был в их распоряжении».

Сколько сил, стараний Маркс вместе со своей женой Жени прикладывал для того, чтобы развивать духовный мир дочерей. А ведь семья большую часть жизни прожила в бедности.

Можно привести множество примеров и наших современников — вдумчивых и умелых воспитателей своих детей. Важнее другое — понять, что сегодня от мужчины в семье требуется куда больше отдачи времени и душевных сил, чем раньше.

Если в старой, патриархальной семье авторитет отца предполагался как нечто естественное, богом данное, то теперь положение изменилось. Уважение домочадцев нужно завоевать. А это вовсе не просто. Если глава семьи не может ответить на вопросы сына по технике, спорту, текущей политике... Если вместо спокойного, разумного тона от него слышат дома грубость... Если жена, дети страдают от его хамства, эгоизма... Такой отец не может иметь авторитета и, главное, не может претендовать на роль ведущего в семье, потому что культурные интересы семьи, стремление к образованию, любовь к чтению, понимание искусства — все это в значительной степени зависит от уровня этих качеств у мужа, отца.

И чем раньше узнает мальчик об этом своем будущем высоком назначении отца семейства, тем лучше. Я говорю здесь больше об отцах, потому что мать — естественная воспитательница. Для нее родительство не будет такой неожиданностью, как для ее мужа. Но, разумеется, и мальчики и девочки обязаны быть в равной степени подготовлены к этому великому и прекрасному призванию человека — отцовству, материнству.

Подготовить человека к семейной жизни — это, конечно, не просто дать ему запас определенных знаний. Задача куда сложнее: юношей и девушек необходимо воспитать в убеждении, что брак, семья требуют самого серьезного отношения. Задолго до свадьбы женихи и невесты должны воспитать в себе сознательную ответственность перед собой, перед мужем или женой, перед детьми — это верный залог того, что молодые семьи станут крепкими, а значит, счастливыми.

Дорогие читатели, мы обращаемся к вам с просьбой ответить: какие вопросы подготовки к семейной жизни вы хотели бы обсудить на страницах нашего журнала?

Как складывается идеал будущего супруга? Можно ли воспитать чувства? Кто может помочь семье в ее проблемах — психологических, педагогических? Пишите нам.

НОВАЯ РУБРИКА

Путь в литературе: от молодости — к зрелости

НА ОД

Рустем КУТУЙ отвечает на вопросы корреспондента «Смены»

Непросто складывается для писателя путь в литературе: даже успешно пройдя начало — завоевав право на дебют, — много еще сил душевных и творческих, твердости и гражданской духовности требуется, чтобы пройти многие и многие верстные столбы.

Каждая тропа в литературе — при всей, казалось бы, исхоженности сложного этого пути — каждая тропа неповторима и необходима. Иначе не было бы литературы. В новой рубрике нашего журнала мы хотим познакомить читателей с поэтами и прозаиками, которые, пройдя тропинкой творческой молодости, идут каждый своим путем, сквозь тернии самосовершенствования — к мастерству.

Их имена известны, они признаны критикой. Представляя их творчество разнообразно: проза, поэзия, публицистика, — мы будем стремиться, чтобы новая рубрика журнала стала открытым уроком для молодых литераторов. Ибо очень важно увидеть и понять, как подходит писатель к порогу зрелости. И с чем.

Наша новая рубрика станет галереей портретов писателей, идущих к первому мастерству, но портретов не застывших... Ведь каждое следующее произведение — новый штрих в портрете, новая строка в биографии. Новый шаг по творческому пути.

АВТРА И «ВЧЕРА» НОЙ ЖЕРДОЧКЕ

— Рустем Адельшевич, в одном рассказе вы писали: «Я думаю, все начиналось там, на том далеком и близком островке, который носит красивое шемящее имя — детство». Наверное, там определилась ваша писательская судьба? Может быть, там вы впервые почувствовали непреодолимое желание писать и, повинувшись творческому порыву, сочинили свою первую строчку?

— Разумеется, все выкристаллизовывалось там: мое духовное начало, мои главные приобретения. Там душа не ведала повторов. Это теперь я на других кругах, светлых и как бы повторяющихся, не говорю — однозначных, нет, соки жизни продолжают движение. Но в поисках ответа я непременно возвращаюсь туда, «сверяю» часы по тем ходикам. Там — мои кладовые под свечой времени. Мерцают, перебиваются россыпи драгоценного наследия.

Я не совсем воспринимаю выражение: «Нельзя дважды заступить в ручей». Почему же нельзя? Память — прекрасное зеркало, и я в нем разный. Я снова и снова заступаю на старые следы, здороваюсь и переживаю заново встречи и потери в ином качестве, но с той же безоглядностью. Да и жив этим. В философском смысле — движение происходит во все стороны, не только вперед. Я одновременно могу быть и мальчиком и стариком, то есть нести три поклажи: прошлого, настоящего и будущего. Надо же осмыслить себя. Сверкающий на солнце стакан воды стоял передо мной и тогда и теперь. Это — жизнь. В природе есть такое явление — «поророка»: река начинает по непонятным причинам движение вспять. Я как узнал, ахнул. Вот возьмем слово «хлеб», так в нем же бездна смысла. Оно как многослойная метафора: «хлеб военный», который «едят» всеми чувствами сразу, «булочка» меньше детской ладошкой — роскошь школьного завтрака той поры, она живая, дышащая, как плетень, «столовский хлеб» — его нынче берут не глядя, не чужая рукой, не слыша позыва, и обращаются с ним небрежно, обедняя себя, и т. д. Так во мне отслаивается время, я прослышываю пространство.

Вероятно, творческая мысль возникает, как дыхание, неосознанно. От удивления к переживанию. Надо себя ощутить, как горьковатую корочку хлеба. Я давно написал первую строку, там, в детском далеке, она подобна была вспрыжку, а теперь я умею молчать, но во мне звучит колоколами время земли, и деревья живут несрубленными, и травы нематыми, и собак я могу оживить в единый миг, моих добрых спутников. Я соучаствую и сочувствую всему — так я понимаю духовность бытия, бессмертие, если хотите, в том смысле, что можно жить, во времени не убывая.

Сейчас в Казани ушла в печать моя целиком новая книга стихов «Осенняя воля» — она и есть подтверждение этой мысли: я иду вдоль ручья и вижу плывущие слитки прежних следов, могу нагнуться, подхватить рукой след и задуматься над ним, потом отпустить в поток. Я возвращаю время, разве я беден, если в моей власти волшебные превращения, счастливые метаморфозы в сиюминутном? У меня нет жалобы на бренность существования, потому что дух мой подвижен и никак не подчиняется песочным часам.

У каждого есть определяющая часть жизни. «Кому удается начало, кому, как награда, конец». У меня детство стало судьбой. Я оттуда вынес все ценности, золотой запас, и, как скупой рыцарь, охватываю это богатство пламенем сердца, но не дрожу над ним, а вкладываю в слово. От книги к книге — такова, пожалуй, вся моя осмысленная жизнь, которую я воспринимаю, как подарок. Как будто живу на крыле по соседству с облаком. Поэтому годы мелькают, суета сует проходит мимо сердца. Потери оставляют рубцы. Время уплотняется образами. Мне кажется, поэзия — это образ времени. Так в подлутье дома — окна завалены снегом — светит большое зеркало, оно будто клубится мглой, где тускло взблескивает фольга; зеркало словно не отражает, а вспоминает предметы. Воспоминание — воздух поэзии и прозы, отдаленность здесь ни при чем. «Завтра» и «вчера» стоят на одной жердочке. Я вижу время в одновременности

пластов бытия. Можно вспомнить и «завтра», подглядеть. «Мальчик и старик — один стою...» Вероятно, поэтому поэзия не настроение, а состояние. Постоянное приближение к истине через дымку: идешь долиной и за ветвями, за шумом листьев угадываешь озеро...

На память приходит разговор с Михаилом Луконым, кажется, в году 56-м. «Ты пришел на свидание. Все тебя будоражит: каждый предмет, каждый звук. Шутка ли, для тебя решается жизнь, не каша подгорает. А избранницы нет. Да еще дождь пошел, башмаки размокли. Свидание срезано на корню. И вдруг ты видишь красивую женщину. Таковую... которой не цветы дарить, а кленовые листья. Небрежная идет под дождем. Красота всегда спасает. Волосы набегают на лицо, платье стекает с округлых плеч. Она струится... Так вот: не надо писать трех стихотворений — о свидании, о дожде, о женщине под дождем. Лучше уместить все в одном. Уплотнить, так сказать, пространство. Поэзия — это плотность дыхания...» С этими словами я никогда не расставался. Михаил Луконый, сам того не ожидая, преподнес мне маленькую оживленную притчу, которая стала моим талисманом. Ведь надо было устоять на ногах, увидеть свой материк времени и доплыть до него с острова «Поэзия»...

Я люблю поздней осенью посетить поле и принять на себя высокую даль простора. Не лес, не просека, не горловина оврага — а именно холодное поле поздней осени. Здесь живет осенняя воля крыла и корня, точно прикасаешься к блестящей стали клинка. Так я вижу на сегодняшний день жизнь — сияние Истины-березы у края обнаженного поля. Я долго шел к ней, чтобы вдохнуть сладостно-горящий запах осенней воли.

— Вы много писали и пишете о военном детстве, о подростках, на долю которых выпали суровые испытания военной и послевоенной поры. Почему именно эта тема стала заглавной в вашем творчестве?

— Нет достоверной документа, чем свидетельство внутренней жизни отдельного человека в момент перелома, в момент роковых испытаний. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Мне думается, чувства тоже могут быть документом. Иначе не понять нравственной силы поколения, не испытать родников познания. Я размышлял об этом, о сути писательства. Мирощущение неподдельно. Лишних корней у дерева нет. О блокадном детстве напишет другой, о мрачном взрослении в тисках оккупации кто-то еще — напишут иными красками, своей болью отверженности и причастности. Я же невольно гляжу «оттуда» — из в общем-то тихого тыла, где были обнажены большие трагедии обычных жизней, где и теперь сходятся все нервные окончания. Из меня не получилось пока сочинителя, просто не пришло еще время. Слишком свежи ожоги, скажу так, не обросли они корочкой заживления. Потому я вроде и не сочиняю, а вспоминаю, воссоздаю. Конечно, не в буквальном смысле копии. Ибо творчество и есть воспоминание — тень облака, скользкая над полем ржи, пошевеливающая колосья дыханием неба.

*Случаются часы такие,
когда рукою даль откинуть
и там, за далью, разглядеть
то, перед чем бессильна смерть,
не холодеет, не уязвимость,
а будто с легкостью прозреть,
что можно с вечностью брататься,
на языке небесном неть.*

В детстве я задержался, не изжил себя. Оно тянулось долго в захлебывающихся мгновениях. Захватило и отрочество, подхватила и юность. Угол зрения не менялся, но воды набирали силу. Глубинным же течением было и есть детство, как свежесть восприятия, холодок и свет, сияющие грани естества. Глаза, наконец: мне трудно поглядеть на себя как на взрослого, даже слишком пожившего чело-

века. Значит, я вижу непостаревшими глазами, хотя и достаточно умудрен, бит в самое солнечное сплетение. Этот взгляд и определяет взаимоотношения с миром. Не роптать на ускользающее время, а работать, созидать добро, где бы волю дышалось, где естество простора не ранило слуха. Я как бы заново перерождаюсь, обрастаю обновами, «путешествуя» во времени, но почти всегда так или иначе с пристани «Детство».

Я не пишу детских рассказов, я пишу человека из детства. Его продолжение. Это очень разные понятия. Природа мудро сохраняет в нас иллюзии, богатую крону, где прилежно свиты гнезда. Мы провожаем птиц и встречаем. И не скудеем, пока живы гнезда. А истины не открывают, их попросту прозревают, ушибаются о них и сживаются с ними. Так вот: большая часть истин из детства. Их приход был предопределен. Да, все оттуда: понятия чести, достоинства, гордость, протяженность любви и надежды, мечтательность, восклицательные и вопросительные знаки.

Для меня писательство началось с тоски по собеседнику. Вот он и является передо мной, тот вечный мальчик, потерпевший бедствие, большеглазый, как сова, поговорить о взрослом мире: он исповедуется — я слушаю, я открываюсь — он внимает. Так мы и ладим. Получаются книги, негромкие, неторопливые, как разговор при свече.

*Какое имя дивное — Свеча!
Во всякий час продление луча
не образ, нет, а света слепок...
Как озянусь — там детский лепет
над ней, за ней — большие тени
и шороги, и шелестенье,
и вздохи зябкие, и рук восколытанья,
и колкий смех от ликованья,
и в сердце острый коготок,
и под лапами топоток...*

*Она стоит настороже,
давно забытая уже,
в пустом доме посередине,
как девочка на черной льдине,
и ждет меня, как ждут спасенья...*

*Вот я вбегаю, шумный, в сени
со снетом вместе... Я вбегаю
туда, где комната углами...
И подношу с ладошки пламя!*

*Свеча горит! Свеча прекрасна
на этой легкой мгле атласной!
На пальцах замирает воск,
и тень моя уходит вкось.*

*Полжизни дышит за спиной,
а зеркало следит за мной.*

— Вначале проза или поэзия? Как вам удается одновременно быть и поэтом и прозаиком? Не мешает ли одно другому?

— Вначале было слово, метафора, допустим такой компромисс. Поэзия и проза не две противоположности, не два соперника. У прозы мягкий баритон, а у поэзии мальчиковский дискант с внезапным баском плюс танец. А если серьезно, конечно, все началось с поэзии. Стихосложение само по себе несложно, однако с поэзией не имеет ничего общего. Это механический процесс. Ведь поэзия не поиск

рифмы, а смятение. Поэзия вершинна и глубинна. Она любит парить над безднами, но ей чуждо высокомерие ледника. Из ее икринок прорастают дикинские рыбы. По сравнению с прозой она более экстравагантна и в плохонькой одежде, ей словно лень высказать себя полностью. Но мне нравится ее капризный нрав, чудесные фигуры ритмов, искусность магии. Поэзия для меня — роскошь исповеди.

Есть два взгляда, приемлемых для обозрения: с вершины горы и от подножия к выси. Для меня — последний, более земной. Наше время утяжелило сознание, без социального взгляда мы уже никуда. Мы ощутили себя детьми земли глобально. Пространство расширилось вокруг и точно сузилось под ногами. Виднее стали слезы природы. Мне не хотелось бы разделять поэзию и прозу по принципу литературных критиков. Можно петь и смеяться в поле, но лес не всегда наводит на размышление и молчание. Птица, мне думается, забывает, что она летит, как человек, что он дышит. Естественность прежде всего, об остальном позаботилась природа. Одной прозаической вольностью Гоголя можно, как хлыстом, раздрать поле стихоплетства: «природа спит с открытыми глазами». Или лермонтовской прозой просить на бледном поэтическом вечере: «воздух был чист и свеж, как поцелуй ребенка».

Жаль: проза отбегает от поэзии, становясь все более и более событийной. С этим мы свыклись. Стиль — редкость. Будто есть только стилевые особенности речи, а не стиль писателя. Но главное — личность художника, философия души, лад. Если взять классика, там проплывают целые айсберги, огащенные миры света и тени. Именно миры! Они так для нас и существуют, во всем отдельном, выстраданном плотью. А вместе образуют могучий океан литературы.

И никакой вражды между поэзией и прозой. Как оглянешься назад, даже страшно и благоговейно становится — такой храм воздвигли! И ты подле него маешься с ученической тетрадкой.

— **Творчество каких писателей (опять-таки прозаиков или поэтов) повлияло на вас сильнее всего? Менялось ли с годами отношение к тем или иным литературным авторитетам?**

— Куприна и Багрицкого. Но толчок на прозу я тайно принял от Бабеля. От «Истории моей голубятни». Меня окружали хорошие писатели своими книгами: Паустовский, Олеша, Платонов, Сергеев-Ценский. Окружали немногословными уроками. Я сидел прилежно за партой без тетрадок и перьев. Куприн всегда присутствовал, как всезнающий Будда. От него пахло цирком, пристанью и полевой дорогой. Он поощрял меня татарским прищуром. К нему подсаживался Иван Бунин, строгий, как восклицательный знак, аристократ духа. Мне нравилось быть их учеником. Они умели донести запахи и краски земли. То, что принято называть школой, составили они, организовали мою любовь к Отечеству. Так с помощью классического слова я занялся своими рассказами.

Рассказу я остался верен навсегда, как озерам, заливам, но не морю. Большое пространство угнетает меня. По далекому предкам я вроде степняк или, скажем, равнинный дичок, но так получилось, что душа потянулась к уединенным зарослям. Но кони до сих пор странно смущают мое сердце, точно приподнимают его и бросают вниз. На их ржание я готов бежать неизвестно куда и ловить уздечку. Необъяснимо это, как обморок, — гул идет по телу...

Поэзия была, сколько себя помню. Но яростный прилив ее, как пловец, я почувствовал вместе с Багрицким. Меня поразила свежесть: «По рыбам, по звездам пронесит шаланду...» — и царпнуло, как соринка по глазу. «Лягушечья лапка смородиных». Я вдруг увидел искусство, восторг, праздник слова. Подхватила меня волна, накрыла валом и понесла — где земля, где небо?.. Я не скажу, что авторитеты менялись, но с годами, возможно, круг стилистов сузился до Куприна, Бунина, Платонова. Ведь слова дорогих тебе писателей можно гладить и ощущать, как золотистые гривы коней, проливающиеся под ладонь. Это какой-то болезненный ожог при взгляде на садящееся красное солнце где-нибудь в открытом поле.

— **Вы написали немало книг стихов и прозы. Какие из них самые дорогие для вас и почему? Профессиональный опыт позволяет ли надеяться на то, что следующая книга будет написана с легкостью?**

— С легкостью я пишу только письма. Вообще-то сам процесс написания рассказа для меня близок, как обращение к адресату, то бишь к конкретной беседе. Я волен и доверителен. Но перед чистым листом сначала трушу. Этот страх сродни испугу школьника у классной доски. Там я молил бога,

чтобы доска свалилась и избавила меня от позора. Перед чистым листом же обступают сомнения. Ни о каком профессиональном опыте нет понятия. Здесь все сначала — словесная вязь, ворожба. По нерву интуиции. Я, как правило, скорее догадываюсь, о чем пишу. Изнутри какой-то человек подсказывает, ведет руку. Получается, рука моя не просто рычаг для какого-то действия, а думающий соучастник. Я даю ей волю, и она точно восхищается удалю. Ребенок так кувырывается среди цветов и травы, не помышляя ни о каком злодействе со стороны. А поглядеть сторонним взглядом — я, наверное, пребываю в угрюмости, страдаю...

О выпущенных книгах не помнится. Они будто и не мои дети: покинули дом — и ладно, наступило отчуждение. Правда, время от времени кто-то или что-то напоминает о них, но я не испытываю тщеславия, а, наоборот, скорее стеснение. Об удачах и неудачах я привык думать тихо, в себе, разочарования не выносите на люди. Это же моя кровь, а кровь течет невидимо даже в гневе. Я стараюсь писать жизнь не такой, какая она есть, а такой, какую я выболел с надеждой на выздоровление. О дорогих для себя книгах, своих, говорить я не буду. Но могу обмолвиться так: я буду считать жизнь удавшейся, если после меня останется одна большая добротная книга рассказов, выверенная временем, цельная по близости к человеческой мечте, и — плотный томик стихов. Я пишу только эти две будущие книги.

Пока же я занят продолжением начала. Впереди уже стоят вешки: «Осенняя воля», «Корни», «Такая жизнь»... В какой-то момент я бежал стайерскую дистанцию, как спринтер, на середине чуть не упал, обвололся туманом, но потом пришли легкость и ясность, но не самого бега, скольжения или полета, а восприятия окружающего пространства, когда энергия проливается по мускулам здоровьем силы. Пеньков для раздумья еще хватит.

Перед Новым годом я наводил порядок — освободился от старых залежей стихов. Мне было горько и беспомощно — столько наворочено зря. Но зря ли? Опыт собирается и из сорных кристаллов. Усердие пчелы вознаграждается медовым светом. Вот объявился в моих пределах Арсений Тарковский, и я словно открыл в глубине леса чистую поляну, где в диком разноцветье прижилась пасака. Нет одиночества в природе.

— **Писатели пишут по-разному. А как вы пишете? Быстро или медленно, утром или вечером? Ведете ли записные книжки, даете ли рукописям отлежаться в столе или торопитесь отнести их в издательство?**

— Удивительны прихоти человека, ритуальные фигуры, священнодейство в обычном. Здесь все играет роль, пустяков нет. Творчество прихотливо и капризно, своеобразно. «Я люблю писать в тетрадках от плеча и до плеча...» В клетку. Мелко. Поправок мало. Как-то с одного листа сошло на машинку двенадцать страниц. Прозу сам не печатаю. Рука не суетится, как ягоды собирает с куста. Время суток не играет роли. Сухая, тихая осень — как раз то, что коротко, но обильно. Наверное, я тоже меняю листу. Осень — высвечивание истин до мозга костей. И дышится, и слышится, и дух праздничен, во всех тупичках светло, опрятно. О тайнах и хитростях умолчим. Может, есть они, может, нет. Есть чудодейственная слитность с естественной землей... До сих пор я полагаюсь на память, записи теряются и пахнут конторой.

Скоро мне исполнится сорок пять лет. Самоуверенности нет, я еще не все додумал, не распознал сладости тягот. Я не спешу, такое обнаружилось состояние. Обнаружилось на подходе к сорока. Предчувствие золотого среза. Бежать со стихами или рассказами некуда. Журналы от меня далеко, я боюсь их равнодушия, собственной необязательности, что ли. Единственный раз меня окатило радостью — «Смена» телеграммой попросила рассказ. Такое надо почувствовать. Я не спешу — значит, суета исключена. Копится книга исподволь. Мое хозяйство состоит как бы из звеньев: стихотворение, рассказ. Я имею дело с множеством, а не монолитом. В хаосе свой порядок.

— **Если бы вы начали жить сначала, что бы вы изменили в своей жизни, в творчестве?**

— Орех очищают, когда он спел. Высвобождают крепенькое ядро. Сейчас я вижу свою жизнь, как ядро ореха. Созревание давалось трудно, чего не случалось в молочном возрасте. Я жив своей жизнью, только моя птица заостенела во мне, мой янтарь обуглился. Судьбой бы я не поменялся, местом тоже. Жизнь ругать — последнее дело. Содружество людей моего детства я бы, кажется, перенес в настоящее. Там ближе стоял человек к человеку.

Зимнее гнездовье

В легкой упряжке проходит, играя, по кругу, будто награда мне легкий ее переплос. Пусто в квартире. Щекочущей змейкой на руку день наползает. Звенит под копытами грязь.

Ай да возница, с шикарно раскиданной челкой! Свищет заправски, колечко губой загкусив. Возжи, как струны, туги над дорожкой черной, глаз золотистый от удали дерзко косит.

Сердце за нею, за нею, смеясь, прижимается к бровке. О, эти молнии ветра к простору привязанных рук! О, эта лошадь какой-то неждешней сноровки, вязью глухой распрямившая замкнутый круг.

Ах, как идет, как идет со своею веселою кладью — бестии рыжей лукавить досталось вздох. Я б за такую с балкона шагнул бы не глядя, что же я плавлю о стекла расплющенный лоб.

Дикая песня таится, томится покуда в заначке, стоном исходит, не вырвется прочь на уста. Мне бы той смелой свиданье хмельное назначить, я же слова отрываю, как ржавые гвозди с листа.

Ей ли вожжаться со мной? — отшумели нагие березы, а по откосам бурлит, остывая на солнце, вода. Я давно отсвистал. Да, я занят серьезнейшей прозой. Мне ль углядеть, как за даль утекают года?

Гость я в домах. Да и в жизни, должно, загостился. Вещи увязаны. В доме я собственном гость. Точно я в поле широком до рези в глазах накопился, сел на порог, чуя в сердце разгульную злость.

Что ж, повезло — три окна все на луг ипподромный. Стол вот могучий — на десять достанет локтей... Как она бисером мечет и звонами гложет у кромки, чудная лошадь, — кобылы той нету лютей.

С ветра вчерашнего, что ли, ей гриву клубами раздуло, ухо стоит, словно села на взлобье крылатая мышь, воздух, как яблоки, выгладил гулами скулы, масть надышал шепотком на озерах камыш...

Рыжая, рыжая пляшет дикарка в качалке, два колеса ее гладких роскошно ведут колею. Я ей не виден. Вздыхаются хлопьями галки — эти со мной остаются, негоже с кладбища на юг.

Должен же кто-то лелеять и зимние гнезда. Сам я на ворона строгою тенью похож... Я погляжу, погляжу. Мне гнездовье раскрылить не поздно.

Все узлы разрублю. Да и в зеркале стану пригож.

Буду слушать коней, буду слушать и зимнюю ранью. Буду каждую поступь, как стих дорогой, отличать. Эй, рыжуха, лети по светящейся каплями грани, опоздал я тебя у ворот, как награду, встречать.

Это осень моя накрутила повсюду воронок, наколдобила так, хоть снимай паутину с луны. Будто корни взрезая, завертятся диск ипподрома, кобылицы бока от натуги уже солонь.

Как по сердцу иглой, все на том же, на том же все месте до оскомины темной заласканный слухом мотив. Я не шел на манок. Я не крался заспинною мезью. Помети ветерком, помети, помети, помети!

Хороша твоя лошадь рыжуха, и упряжь, и бег, и отрада, и листва под колеса, и дождь бесконечный с небес. Я гнездо сторожу — скоро снег — утеплять по углам его надо.

А бега отошли. Остается мне солнца в обреш.

Белеет парус одинокий...

По старым улицам иду,
когда-то мальчиком здесь к морю шел,
и галька влажно сливами блестела —
мне было сладостно и хорошо,
ведь я был морем окружен —
и смуглой скрипкой пело тело.

Все разом навалилось на меня,
горами понадвинулась округа —
жаровня, полная веселого огня,
и ветер клочкотал в рубахе туго.

«Так вот оно какое!» — я сказал,
и море глухо в ноги подкатилось,
а даль качнулась сеном на возах —
там опускалось на валы светило.

И вечер был, как будто деготь тек,
и в этом дегте камень фосфорился,
и месяца блескучий коготок
за край горы из бездны зацепился.

Потом я виноград с ограда ел
и девочка смеялась на крыльчке,
дыша прохладой, — были рады ей
собака, и кувшин, и золотая свечка.

Я помню, как из горлышка ее
хрустальный звук бежал и странно
будоражил.
Под войлок ночи пряталось жилье —
там пела женщина, склонясь над пряжей.

Нет, не зазря прожил я столько лет.
Есть у души высокие пределы,
где замирает голос на скале
и дух парит, покинув тело.

...О камни бьется море головой.
Цветет миндаль. Вершинам одиноко.
Давным-давно под узкою луной
смеялась девочка и парус шел далеко.

Я в чудный миг был тем и этим —
шел в гору и катился вниз.
Как поседел — и не заметил.
Сияет лед! Блестит жизнь!
Мала?
Но в сладостном мгновенье
в одну картину ветер свил
и детства легонькие тени
и золотую тяжесть крыл.

Какая бездна за плечами
воркует темною водой?
Что за летения ночами
над фиолетовой грядой?

Старик с улыбкою младенца,
дитя с усмешкой старика, —

как уместила в одно сердце,
слила и вспенила река
весь гнет и свет воспоминаний,
и возраст низвела на нет?
Что там вдали туманом манит?
Чья тень замерзла на окне?

Так чем же бег ее измерить —
огонь и лед в одной горсти!
А позади, как крылья, двери
лишь эхо может развести.

Лишь эхо — снега дуновенье
иль паутины белый шелк.
Жизнь не мелькнувшее мгновенье,
а соловьиный перещелк.

В осенних полях глубоко и зябко,
Не потревожена тень, не надкушено
яблоко.

Голо, пустынно. Ни паутинки.
Дни поздней осени странны и дики,
брошены будто и позабыты,
точно бы в храме все двери забыты.

Купол сияет, но скупое и блудно —
свет без отрады, даль без привета.

Дышит в просторах осенняя воля,
травы пустые колышет.

Крикни, засмейся в большое раздолье —
все будет тихо. Никто не услышит.

О снах не надо горевать,
там мы моложе и воздушней.
И правит лодочкой кровать
куда надежней и послушней.
У края бездны погостить,
грозою упившись, не убиться,
и даже ласточкою взвиться,
и крылья разом погасить...
Но этой лестницы старинной
мне ничем не одолеть,
горячих капель стварина
с ладоней хладом не стереть.
Я поднимаюсь по ступеням
один, и тень передо мной
цепляет мрамора колени,
а сумрак жмет за спиной...
Зачем? Куда?.. На самом главном
сон прерывается, и я.

пушинка, опускаюсь плавно,
как снег небытия...
Мечта накрутит вензелей,
стократ воздаст и приукрасит.
Но все же краше — на земле,
хотя и сон над ней прекрасен,
слегка застенчив на свету
за ослепительность гордыни.
Как будто ты побыв в саду
и вот уж — дерево отныне...
Но руки девочки моей
лесным орехом пахнут горько.
Но губы женщины моей
порой ломает скорбью горе.
И ангел, в сговоре со мной,
тогда во сне к ним прилетает,
и сладкой ягодой лесной
куст среди снега расцветает.

РЫЖИКИ В ИЮЛЕ

РАССКАЗ

В июле на сене только и дышать. Удивляться будто чему-то. Еще — слушать поезда, как гром дальний при ясном небе.

Звезда к звезде встает бочком. Ночи невестятся, так утверждает хозяйка Люба. Ей бы в подоле яблоки носить, детей бы из корыта доставать, а она бобылхой живет в двух километрах от депо, с углем да маслом трудится на паровозах.

Я думаю, хорошая она женщина. Тело ее выкрутило работой, в узлы тяжелые завязало. Волосы сеном легким распадутся.

Сядет у дома на скамеечку — тут и праздник для нее, покой — на людей глядеть без напряжения.

Деревня у озера на продутом бугре. Были на озере и лилии и кувшинки желтые, но все вышли. Озеро прямо за бугром. Если споткнешься, как раз к нему и скатишься. Я каждый день и спотыкаюсь.

А дальше, дальше — луга заливные. Как вздох широкий до Волги, свету простор безоглядный...

— Это что же я за красавиц насбирала. Гляжу, они в травке купаются.

— Так то рыжики.

— А чего они как бы вроде беленькие?

— Под березами, поди, росли.

— То-очно. Ах ты, господи, как детишки.

Без усилия дошло до меня сквозь сон — хозяйка с кем-то разговаривала. Я и представить не успел.

— Куда мне их девать? Ей-богу, уж и были когда-то, да забыла.

— Посоли. Все угощение.

— А и то дело, музыканта угощать буду. Он малец пока — ему и забава и лакомство. Пусть поглядит хоть сначала, на веранде оставлю. Ай, рыжики. Не ошень, а появились.

И тут я опять заснул. На сене отзывчивый сон, звуки слышишь, а спишь. Петух кричит, собака лает — не вздрогнешь. К поездам, и тем привык. А дождик совсем как ровная песня.

Сено отряхнул от волос, к веранде спустился — рыжики на столе. Вспомнил, хозяйка Люба собрала и мне подложила глянуть. Роскошные рыжики смеялись передо мной, ласковые и мохнатенькие, с белизной робкой, как воронки, снятые с земли.

Музыкант я для хозяйки Любы из-за гитары. Ну, а что гитара? Для одиночества она, для уединения. Душа, если она есть, как рыжики из травы, на свет показывается через гитару. А как же — души нет, сказать? Есть она у всякого, в целостности или потраченная, но есть. Вот и окликает музыкой. Но я не так часто играю, как хотелось бы Любе.

Мать уезжает ранним поездом. Я не успеваю и зевнуть спросонья — ее уже нет. Она экономист на заводе, мыслит цифрами.

Кинусь на зады, оттуда как раз дорожку видно к станции — мать как на ладони. Если в цветастом платье, сразу мелькает, искать не надо. Теперь я — гуляй-ветер, дыхание замирает от большой свободы. Меня никто не одернет, не станет надоедать.

На столе алюминиевая кружка молока, хлеб, яйца. На плите макароны, посыпанные сыром. Ждать, когда вскинется после сна Люба и тут же грохнет самоваром, меня не устраивает. Время бежит, увертывается, обрывается и сердце за ним, за ним — толчками. Подумать некогда как следует. Шархнет поезд подле сосен, проходящий, безостановочный, и звук за собой утащит. Так время стремится от меня: скорее, скорее, скорее. Ем, не чую пищи. В голове зябко, зябко, от сна еще не отошел, от мурашек, движения не набрал. От кого-то удираю-то, понять невозможно.

Но за бугром я другой, и время не так летит.

Я ухожу в луга, как пропадаю. Там пасется всегда на одном месте белая лошадь, в низине за лозняком. Мне кажется, она слабо видит, и оттого ее оставляют на отшибе без присмотра. Куда уйдет, постаревшая? И ноги ей не путают. Кружит, кружит по низине, а то голову вскиннет и глядит прямо на солнце. Хлеб с руки не жадно берет, робеет, не суетится дыханием. В глазах ее синий дым плавает. Мослы выпирают, ребра обручами. Она почти брошена за ненадобностью, не убивать же ее. Тут же копейка сена — пахучая, мягкая.

Я поглаживаю крупную голову лошади, она не двигается. И никак у меня не получается узнать, кто ее приводит на озеро, кто уводит к вечеру. Не из ночи же в ночь она по лугу беспризорная гуляет. А молодая бегала, видно, ржала. Теперь ромашка зацепилась в зубах, не чует. Запахи, видно, ушли.

Низинка между двух озер выглаженная словно. Пока я купаюсь, по соседству лошади ушами прыдет, сама не шелохнется, звуки собирает. Шум всплесков долетает до нее. Голова за кустами, как белый приподнятый камень. Если бы жеребчик танцевал около, стригунок, кобыла не была бы забытой да грустной. И у меня всякий раз сжимается сердце, когда я представляю ее с жеребенком.

Но я не помню долго об одинокой лошади. Словно тонет она в травах за спиной.

Скоро постоянная вода придет на травы, лугов попросту не станет. Ни озер, ни ромашек большеголовых, ни белой лошади. Как и не было. Зальет с головкой. И никогда больше не будет. Приснилось точно. Через сто лет луга всплывут, может, но я-то исчезну с земли. Это меня беспокоит немножко — никогда не повториться жизнью, но не настолько, чтобы загоревать. Не повторюсь, и ладно. Скучны повторения. В другом виде, пожалуйста, хоть белой лошадию. Кто знает, чего у нее там в голове, какая дума, какое воспоминание? Может, она уже была на земле, а кем — не помнит. Ведь и лошадь за мной следит, слышит меня, забываем мы как-то об этом, и что же вспыхивает в ее мозгу, за лобной костью укрывается? Печаль?

Я взял и выписал в тетрадь слова о бессмертье. Ничьи слова, с чужого

Рисунок Владимира Делбы

ученического листа, а спросить чьи, постеснялся. Но они не могут быть ничьи, кто-то же сложил их:

*И ты когда-то будешь снова,
и я в деньгах повторюсь —
коня глазами, несурово
взгляну на прежний наш союз,
Ничто души моей не ранит,
трава копыто обовьет...
Когда в сегодня знать заране,
что отразит лицо твое?*

Я так ни за что не скажу. У меня еще жизнь не собралась для высоких слов. А если попробовать...

*Белая лошадь, белая лошадь,
тени ты гривой полощешь...*

Нет, не скопилась еще моя жизнь, не скопилась. Вот как надо:

*...Когда в сегодня знать заране,
что отразит лицо твое?*

С ума сойти, как мыслит человек через века.

Трава проливается под ногами. У Большого озера я сажусь на пенек — чем не старик? — и гляжу, как на воде собираются тени от старых деревьев. Это мне нравится — глубокая вода и не исчезающая, не переменчивая, а затанцовывая тень. Мне мерещится, что так лежит на озере душа деревьев. Зайдет солнце с другой стороны — тень улетучится, опять в сердце дерева уйдет. В полдень — а он уже набежал прямыми лучами — никого в лучах. Я один. Как раз то, что надо. Раньше сюда врываются с шумом — строили шалаши, устраивали бучу. А теперь я стал сторониться. Наверное, так хочет мое сердце. И я подчиняюсь его желанию. И даже странно, как было раньше. Когда меня окликают: «Юноша, вы сойдете на остановку?» — я от удовольствия могу и на ходу спрыгнуть. Ведь так хорошо звучит — юноша!

Как-то встретил у озера девушек, ягодниц деревенских, они задела меня, обрадовались — посмеяться можно без причины.

— Чегой-то он, птиц, никак, ловит?

— Загорает.

— Эй, драгоценный, ты не цыган случаем? А то укради.

И хохочут, смеются в стати своей, а то поодиночке каждая не знала б, куда руки деть, обратиться к ней.

— Свиданку назначил бы.

— Ему мамка не велит, к кровати привязывает.

Завлекали, а я не отозвался. У меня, может, дело какое.

Обогнув озеро, выхожу к Волге. Не сразу. Кустарник плотными зелеными валами скрывает ее и вдруг размыкается, точно отбрасывает от земли ветви, разбрасывает в стороны — Волга несет белый пароход.

Так течет мое время: луга, одинокая лошадь, веранда, укрытая шипящей сырнью, рыжик на столе в одно утро из рук хозяйки Любы.

— А ты куда хо-одил-то, а? Или в лугах сажа есть, глянть, перемазался. Да без зеркала видно с другого конца деревни.

Она вышла из-за деревьев, скособочилась. Какую-то игру ведет, и очень ей интересно наблюдать за мной.

— Хо-одил, — протягиваю я. Нарочно нажимаю на это слово, подражая ей. — Где хочу, там хо-ожу. У меня дорог много.

— Цельный день. Не емши. Мать придет, скажу: хо-одишь, куда задумаешь. Она мне приглядывать велит, а как же я за таким скорым поспею. И-ить был, слышала — и сокрылся. Хо-одишь, хо-одишь, хожалый какой нашелся.

Она долго поет, ей поется. Не выговаривает, не укоряет, а выпевает свою и для самой неясную думу. Со мной ей говорить удовольствие, я почти помалкиваю, не бегу прочь, а усаживаюсь на скамейку в саду под яблонями, кладу голову на руки и слушаю.

— Чего же ты там ищешь? Мне с бугра видать. Однако сколь же я могу глазом доставать? Малость вижу, и все — пропал. В траву, что ли, ложиться? Хотя бы взял кого с собой, веселее вдвоем-то. Да-ак нет, один хо-одишь. Рыжик как понравился? Они в травке прямо росой умылись. Выбегли мне навстречу. Я их послало.

— Там еще, наверно, есть.

— Ка-ак же, дожидается... Тебя!

— Люб, а Люб, в лугах лошадь белая ходит. Чья она?

— Бесхозная кляча.

— А ночует где?

— В конюшне, ясно. Сама придет, сама уйдет. За ней ухаода нет. В телеге падать стала, во-от и ослобонили. Помрет к осени.

— Это как же так?

— Видно, — просто отвечает Люба. — Она деревню кругами обходит. Человека не чует. Одна конюшня не позабылась пока. Да-ак и то, зашла в станцию, к стене притерлась. Еще по огородам блудит. Где у бани приткнется, где к забору. Никудышная совсем, а прежде брыкалась. Ох, как огонь, помчится — стекла запоят. Так-то, мил-козырь, божья теперь скотина, ничья другая.

Люба к дереву прислонилась, передыхает. Или голова закружилась. День жаркий, с ленцой. Искупаться не успеешь — сухой. В зелени, где земля не отпустила влагу, еще прохладно. Ветви яблонь толстые, шершавые, яблочками круглеют. Люба усмехается чему-то.

— Молока попьешь?

— Можно и попить.

— Ишь, «можно и по-опить». Как будто я не знаю, хо-очешь. Сиди, сиди, умаялся бегучи. Голова-то все качалась, все качалась. Когда хо-одишь, она качается. Ко сну ее начинает клонить.

Приносит банку молока в холодной испарине. Каплями течет банка. В руки-то принять ее — свежая радость.

— Не торопись пи-ить, горло застудишь. Оно и хлопот меньше, когда сырое, а мать твоя как узнает? Да-ак ты же кипяченое не будешь. А мне на работу скоро. Картошку я тебе сварила с морковью, с луком, как любишь. Мясца для вкуса только положила. Мало ли об чем твоя мать думает? Одинокая, видишь ли. А я чего, в хороводах хо-ожу? Мне бы такого сыночка, так я бы землю поела, как сахар. О-одинокая она... Нешто знать ей? Ты мать жалей, жалей. У ей, может, задумка есть. Отца-то видишь? Или паутину пока с луны снимаешь?

— Он ездит.

— Выпил, господи, одним разом. Дых у тебя большой. Теперь ступай картошку есть. А-аа, не тяжелись, на воздухе лучше. Я тебе ее сюда прилопачу. У меня ноги не каменные, не в службу, а в дружбу. Я поспала, мне двигаться надо. Вон тебя ухайдакало — что жеребчика. Трава запутала. Никак спишь, а? На-аходился.

Рука по волосам бежит, над огнем словно согревается. Я не сплю, я слышу, как она дышит. У нее дыхание через усилие, всей грудью.

— Погоди, напишись еще. Мо-олодой.

Я смаргиваю дрему, сморило меня. Когда она успела картошку принести, ведь речь-то ее не останавливалась, вздохи не обрывались, текли?

Уселась напротив, разглядывает.

— Спалил спину. Страшно подумать, какой черный. Подчисту съешь, для матери я без лука сделала. Скажешь, на плите, поглубже. Я не дождусь, паровозы меня кличут. Глянть, глянть, да ты не жуешь, что ли? Об дно уже стучишь. Ну, скорый! Жизни в тебе хоть отбавляй. Она жадная, жизнь-то. Наслаждение глядеть на тебя, как ешь. В десятом классе учиться будешь, уски пустишь по губе, а? Красавиц, поди, наготовлено. Так и ходють. Так и ходють, ручками шуршат...

Я пожмуриваюсь, взглядываю на нее кротко. От ее распева по душе волна катит, не задерживается. Ничего во мне нет — пустота одна гулкая, успокоение. Хорошее дело точно закончил, как коня под уздцы привел к дому.

— Жи-ить-то тебе сколько! Такому и две жизни не жалко. Хо-одил ведь цельный день с утра, другой не сможет. Другому скучно станет, а ты — ничего. Завтра опять пойдешь?

— Пойду, — отвечаю я.

— Радость, стало быть, в тебе. От жизни жадной. Чистая кровь ведет. Где же ей устать, кровинушке. По сердцу, по сердцу проливается, а тебе и сладость... Кастрюлю выскоблил, хлеб весь убрал, ну, голодина в тебе живучая, кость растет. Теперь куда? А-аа, знаю, знаю, лестницу не убрала. На сеновал, благостью дышать. У тебя хоть мечта есть, а?

— Нету вроде.

— Не скрывайся.

— Ей-богу, нет.

— А-аа, то-то и выха-аживаешь, не отряхаешься. Золото копишь. Погляжу к осени, погляжу. Поверху-то черный, а снизу весь из золота станешь? А? Бога-атый, завидно даже. Тоска, может, какая поспеваешь. Ломит душу, не больно, а так — слегка подламывает для пробы, а?

— Не чую я, — говорю, прислушиваясь. Один гул слышу.

— А она не показывается сразу, жаром или холодом свет подает. Ты его, свет-то, чуешь, небось.

— Не чую. Вокруг вон сколько.

— Не-е, вокруг для всех. Задумывайся маленько. Иди, иди к сему. Та-ам тихо, себя слушай, а завтра расскажешь, когда тебя опять отыщу. Скоро мне к паровозам надо, а приду чуть свет. И рыжик погляжу. Два дня потом отдыхать буду, с тобой вдосталь наговорюсь.

Но я сижу немного, не поторапливаюсь. Ясный звон нарастает в голове, истаивает — по-другому не скажешь. Кожа на груди и плечах стянута, как в широких жгутах я крепенько зажат. И вот этот звон, он откуда-то изнутри набегаёт, точно вытягивает его кто, — в глубине тела гул стоит, а ближе к горлу тончает, подходя к голове светящейся неопасной иглой. А на звуки улицы и сада я не оборачиваюсь. Сейчас отправлюсь на сеновал, сон уже обволакивает, как дурман. Я гляжу сквозь дымку сна, плаваю полегоны глазами.

Хозяйка Люба ушла от меня в пристрой. Там ее «постеля» — топчан, заброшенный поверху истлевшей шубейкой. Вязанки сухого лука над головой, прошлогоднего. Лук оставила для ласковой сухости, так сама говорит: «Томит он меня, и я, как кожурка золотистая, делаюсь». Посидит, посидит на топчане и к паровозам пойдет через рожь. В депушку свою. Перемазанную куртку потрясет на задах, коноплей прикрытая. Точно так же сделает, когда вернется. Грязный кулек под мышкой не покажет. Это она от стеснительности, от крестьянской обособленности. А поспав маленько, к людям выйдет чистая, промытая. Как солнце на нее упадет, кожа на лице и загорится, точно кожа пересушенного лука... Рыжик, должно, засолила. Сейчас на постели сидит, глаза прикрыла, суета не беспокоит. Не старая еще: «Или мне за пятьдесят годков охать? В поселке таких, как я, и замуж еще берут, документ не спрашивают». Не старая, а уж больно некрасивая. В такую с превеликим трудом не влюбишься, думаю я. Не разбежишься. Одна нежность — голос приглушенный. Но я ссылся с хозяйкой Любой, и она не тяготит меня, я перестаю замечать ее некрасоту. Лучше меня слушателя ей не найти, вот и разговаривает, как просо рассыпает. У меня времени много. Как старуха, выпевает подле. Есть что обсказать. А я молчу, потому что малая у меня еще память, чем же поделиться, когда сам соскребаешь сверху лишь, а на дне не видно что. Нейнтересный я человек пока для пятидесятилетней Любы, одна зависть, что молодой и хо-ожу дни напролет. Еще вот гитара — как не позавидовать, Люба прямо расцветает мне навстречу, когда я с гитарой на веранду выхожу, и руки ее у груди плавают, играют сами по себе.

— А ты все сидишь? Сеновал без тебя заскучал. Дневной сон вечер долгий коптит. У тебя гитара для вечера есть, не соскучишься. Жалость вот, на работе буду. Однако ты не каждый день играешь, ленишься, что ли. С красотой да ленишься, какая же песня. Я бы с ней и не расставалась. На гвоздик, где постеля, вешала бы. У Клавдии-продавщицы бант на гитаре черненький с белым горохом, для ухажеров приманка. А сама ни-ни чтобы игру вести. Вот какое распределение. И на что я сызмала неталантливая...

— Пошел я, Люба.

— Иди, иди, касатик. Чего тут задремывать.

Странно, что на «ты» с ней, но уж так.

Еще вот мать затаилась. Локти в колени упрет, голову — в ладони. Молчит. Смута в ней, что ли, не подступил.

На сеновале душно, пряно. Ветерок едва задувает. Как ляжешь, будто тугая струна рядом вздохнет. Всякий раз кажется откуда и звук, не разберешь. Но только без повтора, не дает себя поймать. А чуть раскинулся, плывет, затухает звук струны, а перед глазами рыжик, лошадь белая с ромашкой в зубах... Тут и все — спишь.

Девочки из города приехали, целых три. Стройняенькие, две в шляпах соломенных, с корзинками. Поозирались, за невысокий забор покрячали.

— Ра-аф! Ра-аф! Спит, может? — И снова. — Раф-ка! Ра-аф!

Сели на лавочке и ждали два часа. Семечки грызли.

Он появился в четвертом часу, голый по пояс, как гладиатор.

— Где ты ходишь? — обиделись.

— Так. Хо-ожу. А вы зачем приехали?

— На тебя поглядеть, не испугал ли.
— Ну, глядите тогда.
— Что же ты нас не приглашаешь?
— Ах-ха, калитку, что ли, не нашли. Я один дома, угощать нечем.
— Мы не голодные, тебя покормить можем. Как не догадались на веранду зайти? Дурацкая щепетильность. Тут жарко. Загорали. Познакомься, это Клара. Новая подруга.
— Здравься!
— Скажи хоть имя.
— А она не знает, ах-ха: Рафаэль. Да идите вы скорее, чего топчетесь. Вся улица уже знает: барышни приехали, не как-нибудь! Мне сообщили.
— Как?
— У нас тут сигналы.
— А ты далеко был?
— Далек.
— Надо же, сообщили!
— Та вы же на виду расселись, в шляпах. Нет, чтобы к озеру сходить.
— Разойтись с тобой боялись. Ехали все же.
— Ха! Полчас.

Веранду обступили кусты. Гладкая, всегда прохладная сирень. Девочки разложили еду, много свертков. Не притрунились без него, дожидаясь подружки. Вон как зашуршали, глазки блестят. А на Кларе будто гуще тень лежит. Чего только не навезли, удивить старались. Дана посмелее, Лизонька себе на уме. Обе хороши. А вот Клару он видел в первый раз и запомнил — большие темные глаза и высокую, не по возрасту грудь. Из-за этого, кажется, Клара и страдала, смотрела расширенными глазами. У Даны плечи открытые, а Лизонька в накидке, с перстеньком. Дух замирает перед ними, как у просторной воды, открывшейся вдруг.

На даче он их никак не ждал. Адреса не давал, доискались. Дана предприимчивая, прочно на земле стоит. Словарь иностранных слов изучает.

Сами пожаловали, вот и покатались на солнышке, поджидая. Ничего, стерпят, главное — нашли, не заблудились, собака не покусала.

— Как же ты тут живешь? — продолжила разговор Дана. Похоже, она решила вести дачную беседу за всех. Веребочку не отпустит.

— Как все, живу, — сказал он. — Хожу. Лошадь белая на лугах пасется.
— На гитаре играешь?
— А то. Без гитары, как без...

Он не дождался, пусть продолжают сами, как захотят.

— И стихи пишешь?
— Кто их не пишет. А у нас хозяйка Люба говорит стихами, грамоты не надо. Рыжики каждый день таскает. Где и берет тортик?

— В июле-то? Какие грибы, — удивилась Лизонька. — Разыгрываешь?

— Рыжики, — сказал он. — Обо всем я забыл на свете — одни рыжики в глазах да лошадь белая. Живу, и все.

— На танцы ходишь, конечно? — сказала Лизонька, покраснев. Перстеньком закрылась, губами на него подышала, как на холоде.

— Ты что? — изумился он. — В доме отдыха толкучка. Малолетка я для них. Ходят у них там, гогот, повизгивают. А вы, Клара, откуда?

— Я переехала. Родители, в общем. Из Тамбова.

— Тамбовская казначейша, — неудачно сострил он.

— Не обижайте меня, — сказала Клара. Глаза увеличились.

«Она за словами прослышивает свое», — рассудил он. — И не прячется».

Они посмотрели друг на друга. Солнечная мушка зависла над ее плечом. Он представил ее почему-то с рыжиками на коленах, да так ясно увидел, что усмехнулся нелепые. Рыжиков на всех не хватит.

— Ешь, — сказала Дана. — Грызи семечки, и арахис есть.

У Даны была ускользящая змейка улыбки. Джоконда. Волосы гладкие, шоколадные под солнцем, как листья сирени. Ее он побаивался: возьмет сейчас и такое скажет: «Ты почему, Раф, задом наперед ходишь?»

— Клара сама делала печенье, — сказала Лизонька. — Ты, может, нам поиграешь?

— То поешь, то поиграй, — проворчал он.

— Не будь, как старый свекор, — сказала Дана. — Не брюзжи.

— Клара же не слышала, глупенький. На свете надо удивлять.

Лизонька притопнула ножкой, откинулась. Голова ее хорошо кружилась. Кружилась милая головка Лизоньки. «Я бы тобой повелевала, — говорили ее глаза, — ты бы у меня и под дождиком ходил, как по струнке, беденький...»

За гитарой он не пошел, не было печали.

— У Клары родители хотят поделиться. Жилплощадью. Клару вот тоже надо поделить, — вздохнула Лизонька.

— Покажите мне озеро, — вдруг сказала Клара. — Пока они едят, мы посмотрим озеро. Я уже соскучилась по воде.

— Можно подумать, что в Тамбове есть море, — сказала Дана.

Это был шаг! Не ожидали такого от Клары.

— Мне все равно, — отозвался он.

Дана начала жевать лист сирени. А Клара уже отворила калитку.

Он потащился с ней к озеру. Девочки им командовали каждая по-своему, а что поделаешь, как-никак они гости, не обижать же, гости всегда с причудами: у кого больше, у кого меньше. «Так у нее же несчастье, — сделал он открытие, — ее хотят поделить, как яблоко».

— Девочки мне этого не простят. И пусть! — сказала Клара. — Но я не могу, они целый день говорят обо мне. Обсуждают, а я их не просила. Из-за одного неосторожного слова. И к вам вот привезли. Нехорошо-то как.

— А вы приезжайте как-нибудь одна, — сказал он вдруг.

— Приеду, — сказала она.

— Я серьезно. Луга покажу, слепую лошадь.

— Они мне этого не простят. Захватчица, скажут. Я им хотела досадить, — призналась Клара. — Взяла и разозлилась.

— Зачем?

— Больно они уверенные. Не пойдем к озеру. Их маленько надо было наказать, а теперь вернемся.

— Вы приезжайте утром в любой день. Я один, мать на работе, — заспешил он. — Мы сразу уйдем в луга. Вам понравится.

— Не ждите меня, но я постараюсь.

— Тогда я вам на гитаре сыграю, — заманил он.

И тут она взяла его под руку, будто подвернула ногу, он обомлел. Подышал, как на одуванчик.

— Лошадь там пасется одинокая, — сказал он, замирая.

Дана и Лизонька стояли у калитки, собранные для обратной дороги. Они бы пошли следом к озеру, не вернись Клара.

— Ничего себе прокатились в гости, — сказала Дана.

— Лучше бы я в киношку сходила, меня приглашали, — усмехнулась Лизонька. — На веранде в углу паук живет, между прочим.

— Я ж вас не гоною, — растерялся он. — Здесь не разбежишься.

— Прогулялись? — обернулась Дана к Кларе.

— Да.

— Печалиться не будем. В Тамбове, наверное, всегда так поступают.

Клара засмеялась. Она дышала полно, и грудь волновалась. От нее шел какой-то чудный запах горных цветов. Почему «горных», он не стал думать дальше. В конце концов он никому не навязывается — приехали — уехали, мало ли...

— Нас не провожай, — сказала Дана. — Угостились.

— Какой ты, Рафка, несовременный, — сказала Лизонька.

Им не терпится позлорадничать над Кларой, подумал он, но с ней им будет неповадно. Клара может и пешком пойти до города. С нее не убудет. Кто же ее так обидел, чтоб постоянно защищаться? Да она же беспомощная, как поглядеть, нет у нее определенности Даны. Ну, у родителей какая-то распря — и пусть их, чего со взрослыми не случается. Жить прекрасно — видеть, слышать. Надо только не забывать, что по соседству обитает немыслимое множество лиц — камень пригорюнился, травка перешептывается. Раф знает, как ночью собираются тени в сплошной темноте и дышат, отдыхая в молчании: набегались за день кто за кем и утихомирились от усталости...

Он с улыбкой смотрел вокруг. И над всем сияло лицо Клары. Как она удивилась бы рыжикам, засмеялась бы хорошо, накрыв их руками.

«Ну, что же ты, Клара?» — обратился он к ней. — Я не собирался тебя обидеть «тамбовской казначейшей», заговорился. Трещина в тебе образовалась — чем же ее загладить. Если бы я мог помочь. Но ты пока опасайся меня, думаешь, у тебя одной неувязки. Я-то ведь тоже без отца. Не умер он, нет. Они сели с матерью к столу и очень мудро рассудили: не всегда концы можно связать. Разлохматились концы-то. Разные люди, оказалось. Жили, жили, а вышло — перемучили друг друга. Как тут разобраться, с какой линейкой подойти? Туман. Руки перед собой положили на скатерть с цветами и в глаза глубоко посмотрели. Чего тут кричать, гневаться. Оба, свежие после воскресного утра, вдруг задумались.

Красива капля на стекле, даже много капель красивы на стекле, но как невзрачна вода, натекающая на подоконник. Так выразился отец. Я не сразу понял, Клара. Натекло у них. Они меня не прогнали. «Останься, Раф, — сказали. — Сиди и слушай. Секретов не было и нет». Это мать распорядилась так, отец только лицом потемнел. Ему некуда было уходить, он бы сам сбежал. И не возражал, однако. «Ты собери мне книги и по мелочи, что на себе носить. Ты лучше меня знаешь. Через три дня, ровно через три дня я заберу. Должен же я что-то подыскать. Не задалась у нас жизнь, жаль». «Не будем искать правого-виноватого, — сказала мать. — Еще вот он есть, как на нем скажется». Отец оглянулся на меня, я сидел у окна и видел только часть его темного лица: «Я устроюсь, и он может переехать ко мне». «Об этом забудь и думать». «Пользуешься правом?» Тут мне стало жалко отца, он не умел вставать против света, и я вмешался: «Сам погляжу». Мать как ошпарило: «Нет уж, решать буду я». — И я», — заупрямился во мне человек. «Для тебя пока жизнь темный лес», — отрезала мать. «Я не играю в ваши игры, — сказал я. — Свою жизнь решайте как угодно. Наслушался». «Как заговорил! Ка-ак заговорил!» — сорвалась мать... Я оставил их одних. Все-таки надо же было учиться, а не декламировать им Маяковского. Еще услышал спиной: «Старик так думает, а ему шестнадцать лет». А я ростом выше их. У меня кеды сорок второго размера. Нашли мальчика! Ты, Клара, не беспокойся, — продолжал он беседовать с девочкой. — Я тебя в луга возьму, надышишься, небось, а то ты немного закисла. У тебя по-своему, но все одно — узлы».

Клара не отдавалась, была рядом.

Он пошел тихонько к станции с бугра, через рожь пошел. Для чего? Потянуло туда. Завязал концы рубашки на поясе. Пригладил волосы.

Сухо пахло пылью и соломой. Родительские лица потускнели в сердце. Рожь по обе стороны шелестела, хотя ветра и не было. А там, подалее, сбоку желто приподымались подсолнухи от околицы деревни.

У станционного домика посвечивало ведро на срубе колодца. Хозяйка белела в огороде. Коза, волока веревку, подскакала к нему и устала водянистыми глазами. В ведре оставалась вода. Он пригнулся, как смог, и опрокинул ведро на голову тяжелой струей. Фыркнул.

Через пленку воды на бровях и ресницах увидел мать с мужчиной в белой рубашке. Ужаснулся чему-то. Как будто камень упал вниз.

Они не поглядели в сторону колодца. Мать рыла босыми ногами песок, а босоножки качала в руке. И голову клонила набок.

«Ты еще молодая, — сказал тогда отец. — Без поддержки не останешься. Я вижу, я понимаю. А вот он...»

Птица черная вдруг всполошилась над ними, и мать замахала босоножками. Волосы распались. Ее, как и отца, стало жалко — испугалась вороны. Мужчина свободной рукой прислонил к себе мать. Она озиралась, искала ворону где-то позади, а та уже летела низко над рожью и кричала: что уж у нее там случилось, может, птенцы на землю выпали из гнезда?

Мать в голубом платье резко отбрасывала волосы. Переволновалась ни с того ни с сего. Суеверная, что ли. «Невермор!» — возникло, как заклятие. Никогда! Накануне он читал Эдгара По, и в комнате, чудилось, шуршал ворон с одним и тем же гортанным вздохом: «Невермор!»

«Видишь, Клара, какие страсти-мордасти, — снова обратился он к девочке. — Теперь мне надо посидеть на станции, посчитать погромыхвающие вагоны. Может, ты бы и задержалась, не послушалась Даны. Я бы и проводить тебя мог. Васильков насобирал бы... В другой раз, видно. В другой раз...»

Он перебежал рельсы. Постелил на траву рубашку и лег лицом к небу. Ельничек накрыл его тенью. Лес слабо пошумливал. Здесь он частенько отдыхал в береженном деревьями запахе земли, отрешенный и задумчивый. Грохот внезапных составов не утомлял его, а, наоборот, будто тормошил легкостью ветерка. Он бы затруднился ответить, о чем думал, какие воскресал голоса. Все вокруг него жило, перегоривало. Воображение было податливо, как горячий воск свечи. Сегодня, пожалуй, он больше беседовал с Кларой, она молчала в его оживленных мыслях, но не прятала глаз. Наверное, не надо было придумывать ее жизнь, поворачивать так-сяк зеркало. А уж на это-то он был мастер и хозяин, лепил из воска, как вздумается. Дана и Лизонька стояли где-то поодаль, наблюдали словно: Дана снисходительно, с застывшей змейкой улыбкой, Лизонька — дыша на перстень. Обе отстраненные. А Клара сидела близко, до маленькой пуговички он рассмотрел ее, изучая. Теперь он ее не забудет. И сердцу стало жарко.

Он обрадовался накатывающемуся гулу поезда, встряхнулся и приготовился

считать вагоны: если будет чет — Клара тоже о нем слегка вспоминает; если нечет — нечего тратить фантазию, сентиментальничать... Со счета он сбился, потому что Клара будто подошла сзади и оклинула его. Он обернулся и тут сбился со счета, но не подосадовал. Поезд раскидал тишину как попало, сгинул. На тропе у поля ржи было пусто — не голубела мать платьем, не прислонялась к чужому человеку. Зато он увидел голову белой лошади во ржи, не сразу и различил. Она точно всплывала седой гривой. Заблудилась, бедная, на просторе.

— Здравствуй, отец!
— Ты меня нашел! Как же сумел? Правда, я не скрывался, но все же. Знаешь, меня преследует вот это, из Твардовского: «Я знаю, никакой вины... но все же, все же...» Как гвоздик, засело. Удивительная прочность.
— Я позвонил в твой союз.
— Как прозаично, оказывается, нас находят. Никаких «все же». А как было бы необыкновенно искать со свечкой по улице среди бела дня. Чудесно! Я могу сделать глазунью, как посмотришь?
— Ты работал?
— Да. Немного.
— Тогда я пойду лучше.
— Нет, ты не пойдешь. Садись вот сюда.
— Мне тоже еще предстоит...
— Боже мой, ему предстоит! Тебе предстоит жить, вот и вся байка. У меня в голове коровник, то есть мне надо его рассчитать и вычертить, а я, представь себе, пишу стихи и даже задыхаюсь от волнения.
— Отец пишет?! Интересно, что он там сочиняет. Ну батя...
— Ты ведь тоже что-то складываешь... Я не смеюсь, я очень серьезно гляжу. И не сверху вниз. Послушай-ка...

*Не стерпелось, не слюбилось,
бабы снежной не слепилось...
Вот стоит она, убога,
у холодного порога,
похоронная вдова,
льдом покрыта голова...
Свет с окна и тот не греет.
Двое в доме.
Вечерет.*

— Это хорошо, отец.

— Правда? У меня их, знаешь, сколько! А я как-то не придаю значения. Смешно, а я ведь еще молодой, тридцать семь только. Для тебя это много, но поверь мне, чем дальше в лес, тем меньше дров. Это мало, мало. Еще можно успеть.

— Чего успеть?
— Не «чего», а «что». Успеть выговориться. Ладно, я тебе открою. Я писал, когда мне было столько, сколько тебе сейчас. И меня хвалили, но я стеснялся. Понимаешь, какой дурной, себя стеснялся: писать о себе как-то нелепо, хуже того — порочно. Откуда я вычарапал эту мысль, но с ней я сжился. А мама твоя, нет, ты не подумай, я не хочу сказать о ней с сожалением... Хотя, впрочем, я вру — сожаление есть, но дело не в сожалении. Мама твоя подтвердила мою мысль, она сказала, я запомнил слово в слово, так меня это потрясло: «Если ты считаешь себя интересным человеком, не превращай это в забаву для других. Не подбрасывай им куриные лапки, они пресытятся...» Так умно сказала, убежденно. Потрясла меня буквально. Я очень себе неинтересным показался, незначительным, убогим. Вот я и стал архитектором, это же близко. Геометром хотел быть. Здесь философия целая, Раф. Слепший Лобачевский видит пространство. Я тебя заговорил?

— Что ты, что ты! Правда, отец, меня тоже потрясло.
— Как?
— Не «как», а «ты». Ты взял меня и потряс. Я не думал так... о тебе...
— Видишь ли, меня не устраивало глядеть под нос, меня призывало пространство. В него нельзя воткнуть вилку. Но там легко оказаться в дураках. Испугался я, что ли. Заглядывать в бездну так заманчиво. Я и заглядывал, но тайком. Тайком. Но какое же тогда пространство, если тайком и стыдно? Тут родился ты. Я еще выждал, посомневался: а вдруг твоя мама сказала тогда впопыхах? Нет, она подтвердила потом: «Я считаю, на талант надо иметь право». Это она по другому поводу высказалась, но я же ловил, я же поджидал. Вроде той мельницы, которая всякую воду берет на лопасть. Мысль твоей мамы развивалась приблизительно так: «Узда не тяготит коня — но если вдруг две узды? Зачем вторая?» Она определенно угнетала меня: «Ты прирожденный практик, тебе бы грядки засеивать...» Боже мой, она воспитывала меня.

— И ты покорился.
— Ты обнаружил трагедию? Я тебе дам тетрадь, и ты спокойно полистаешь. Но чтобы мать не видела. Там нет о ней плохого, но она всячески ее стремилась обнаружить. Зачем? Кто ее знает. Она выслеживала мои мысли. Я тетрадь прятал. Прятал! Ты подумай, я вырезал половицу и там ее хранил. Однажды пришел, а пол покрасили. Нет, не догадались, я хитро все обмозговал. У меня же мозги геометра. Подожди, ты почему в городе?
— Только до завтра.

— Ну вот, я дам тебе тетрадь на вечер, а утром занесешь. Ты же рано утром поедешь, привычки еще не изменились?
— Да.
— Я лишнего не наговорил? А то я устал думать. Самое страшное, когда тебя неправильно истолковывают. Да, да, истолковывают, как хотят.
— Не волнуйся, отец. Ты только не волнуйся. Может, ты хочешь снова все наладить? Не надо, я прошу тебя.

— Что-нибудь случилось, ты заметил?
— Ты меня не потерял. Я же слышал, ты сказал матери: «Я потерял сына».

— Теряют «что-то», а не «кого-то».
— Мне нравится, как ты смотришь.
— А чья это квартира?
— О-оо, длинная и дикая история. Мой друг уехал в Алжир.
— А почему дикая?
— Там же Сахара и бедуйны. Там живут по корану. Через два года вернется. У него свои перевертыши. Он инженер.

— Тебе повезло. Может, мне переехать? У тебя кто-нибудь есть?
— Переезжай, если считаешь нужным. А вопрос ты задал лишний. Ведь недавно же все. Тут мозги вольные нужны, а у меня идея. У нас еще будет время. Я тебя все-таки покормлю. Ветчина есть. Бутерброд и два яйца не помешают. И кофе, да?

— У тебя хорошо. Книжки... Я же один там, мать на работе. С утра до вечера. Хозяйка Люба рыжики нашла и так обрадовалась, видел бы ты. В лугах лошадь белая ходит, ей некуда деваться. Спит, где хочет. Я тоже думаю, как спасаюсь. Такие думки у меня.

— Что ты сказал? Не надо повторять, не надо, мы же мужчины. Но у меня эта же мысль была. Спасаюсь. Заночевала и не уходит.

Потом пили кофе. В квартире был хаос, замечательный беспорядок, веселый кавардак, и солнце стояло в нем прямыми лучами, изрытыми подвижной пылью.

— Какой коровник я делаю! Господи, зернохранилище под крышу приспособил с мельницей. Мука сразу пойдет в кормоцех. Обладеть можно, как я додумался. И вентиляция у меня будет, как во Дворце бракосочетаний...

Он вдруг открыл отца. Жил с ним бок о бок и ничего не знал о нем. Словно смотрел глазами матери. Отчужденно, издали точно, с бедным чувством превосходства. Как же он сам был беден в своих претензиях! И стыда не знал, вроде перерос отца, так получалось. Снисходил словом свысока, а сам ржавчиной покрывался. А в этой тетради его мысли, как смывые водой камни.

Он раскрыл тетрадь. «Часы бледения». И сразу его ударило током.
«Только добро имеет право быть безжалостным. Зло инородно, даже когда прикидывается цветком на камне».

«Две линии живут в пространстве, но не сомкнутся им, лишь издали манишь друг друга: то — взгляд, как сталь клинка, то — луч надежды легкой... А есть глубинная жизнь корней, узел земли...»

«Мысли высказывали, как дети с криком из-за угла: «Дяденька, там пожар! Там маленький в огне!»

«Земля, как душа в мироздании, не блуждающая, а ищущая. Нет ей ответа, но одинока ли она?»

*«Так движут мышцы под полами,
так ходят голуби во сне,
так на глазах сухое пламя
тихонько скрабывает снег...
И ты вошла. Но шорох раньше,
слепой, на ощупь, по крову,
потом полоскою оранжевой
вдруг вспыхнул скрипами в двери...»*

«Я знаю свой грех: я боюсь произнести свой протест полным, свежим голосом, обрадоваться громким смехом. Я нездоров словно, немощен перед красотой. Она не для меня. Я не заслужил ее. И красота сторонится моей неуверенности. Ей зябко подле меня... Я женщины боюсь. Я солнце потерял».

Он оторвался, увидел неуверенные, перебегающие руки отца. Подняв голову, вздрогнул — перед ним стояла мать. В черном свитере, с медальоном на груди.

— Ты нашел его? Ты ходил к нему? Я тебя ждала там, а ты уехал, не сказав мне. Я перепугалась за тебя. Уехал искать его. Почему ты молчишь? Отвечай, как ты нашел его? Я догадывалась.

— Я тоже, — сказал он.

— Ты о чем?

— Так...

— Откуда эта тетрадь?

Она потянула тетрадь к себе. Но он сказал:

— Не надо трогать. А на даче ты не скучала. Утром я уеду. К чему паника? У меня свидание, я должен идти.

— Так поздно?

— У ворот. Я поздороваюсь и вернусь. С девочкой.

— Оставь тетрадь.

— Нет, — сказал он на ходу.

Какое свидание, какая девочка? Мать вороны испугалась. Как легко он придумал предлог, чтобы убраться. А отец ничего не мог придумать и терпел. Его не хватило даже на плоскую шутку, сказал бы: «Я влюбился, прости, пожалуйста, ста, меня ждут». Мать бы обомлела: как он посмел?

Тетрадь согревалась под рубашкой. Он встал у ворот.

Двор пустой, темный, с кошками, собаками — двор, уставленный деревянными домами, сараюхами. Сохранились в самом центре, как добрый оазис, с чердаками и подвалами. Живешь, как в теплой пазухе. Скоро снесут, так поговаривают. Скоро...

— Клара? Ты почему так поздно ходишь?

— Я знала, ты приехал.

— У нас с тобой, как в кино. Сейчас рояль в кустах обнаружим.

— Я из окна видела. Села есть на кухне, а в окошке ты идешь с тетрадкой. Это часа три назад было. Я удивилась, чего это вдруг следом за нами.

— Надумал.

— А я просто гуляю... А вдруг, подумала, и ты выйдешь.

— К ночи у тебя глаза еще больше.

— Я как сова.

— Дома не ругали?

— Кому ругать? У них свои проблемы. Неужели и у нас так будет? Вечно что-то будем делить, уличать друг друга. У тебя, у меня, у Даны? Скука одна. Я прихожу, а они по разным комнатам. А если б одна комната была? Кто-нибудь из окна выбросился бы. Из Тамбова зачем-то уехали. Не понимаю я.

— Поладят, — сказал он. — Надоест.

— Нет, у них так всегда, а сами уже седые.

— Ты приедешь, Клара? Я думаю о тебе.

— Сегодня увидел и уже думаешь. Я должна успокоиться.

— В лугах ни души нет.

— А ты?

— Я же не обижу тебя.

— Пока, Рафаэль.

— Я буду ждать, Клара.

— А мы с тобой соседи. Действительно в этом что-то есть. День сегодня уж очень большой, когда только кончится.

— Я гляжу, ты заспался нынче. Гляди-ка, пчел налетело, пьют и пьют с самого света. Кондратьич скоро мед снимать будет. У него медо-ок, что взор младенца, прозрачный. Какая прелесть! Сон из ночи ушел. Я, бывало, и при паровозе посплю, прямо у колеса. А нынче нет, темно-темно стало. Мне бы детишек к озеру спускать, а я, дура, паровоз нянчу, баланду скармливаю ему че-орную, ма-ажу его. Ах ты, господи, у других людей заботушка дурная в двери ломит, не знают, куда от дитев деться, словами их кроют бессердечными, а тут... Одного б хватило, не жадная, потом второго б захотела, сыночка, солдата будущего, для

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

спасения. Девочка чтоб и мальчик играли, нешто жалко их на волю пустить. Яблоки несорванными падают, трава, случается, сплошь усыпана, запах в землю уходит. Опять же малина осыпается, забор валится, как пьяный... Купала б их. Заснули, видать, во мне, наружу не просытятся. Прежде хорошая тоска у окон стояла, теперь звездой не скатится. На войне моя любовь погорела, танком ее испососовало. Из того далека голос слышу. Девчоночкой провожала, надо ж. Черненький он был, усами только обозначился. Я ма-алая была, из чего хочешь радость сделаю. За ним приследила, рубаху только и понохала, как цветок редкий. Она у него в полоску была, пуговица у горла стояла. А ему не до меня, у него уже печаль в глазах угнездилась. Чуял, за горой смерть ему филином ухаает. Зовет: без Любы тебя к рукам приберу, пухом обесплю огненным. А теперь оттуда дети кличут. Прежде в теле жили, позванивали, воздуху просили... На горелой траве остались. Жалость к другим ушла. Черненький тот приходит, я с ним разговариваю. Красиво у нас получается. «Ты что же, Люба, гостей не встречаешь? Мы давненько у калитки твоей дождемся». А я как ручей, как ручей: «Проходите, дорогие мои, жданные. Самовар я скоренько спворю. К столу садитесь, почувствуйте себя благодатно. Вино пейте, грибочками рыжиками закусывайте, пока я к ручью сбегая...» Ведерки схватываю, а он меня в сенцах придерживает и целует. Ножек моих нет, скатываюсь в овраг, вода мимо рук льется. Откуда и овраг взялся. У нас-то сплошь бурьяном зарос, углохся. Во сне же — с водичкой родниковой.

Я не выдерживаю, надо мне сказать:

— А родник есть там, Люба. Я сам его разгреб.

Она словно не слышит.

— До сих пор оттуда возвращаюсь с полными ведрами, а в дому-то никого. Не дождалась гости. Вот нескладница-то выпала при снах жить, как при живом воздухе. Может, в снах и слаще, отрываться трудно. Не бедная Люба, не бедная, сполна снами накормленная. Одна на сахарке только пчелка живет...

Со мной ли она беседу ведет? Что я ей — не дерево, конечно, душа все же близкая в саду. Оглянется, не ушел ли.

— Люба! — кричат с улицы. — Кондратыч велит с банкой идти.

Мед за версту слышно. Банка, на забор надета, бликами солнца одета. Не спешит хозяйка Люба, руки моет, ополаскивает их, как брызгами себя окружает. Рукомойник со звонами, слушать его приятно.

— С медом станешь чай пить — ничего тебе не сделается.

— И так можно.

— Что в дуга не пошел?

— На гитаре буду играть.

— Желание появилось?

— Вроде.

— Я разом обернусь. Без меня за гитару не берись.

И побежала вдоль забора.

Потом мы пьем чай на веранде. Люба у самовара, как матреха загадочная, вся в ожидании, вкушающая медок. А с другого угла на лавке вверх струнами гитара красуется.

— Ждешь ли кого?

— Может, и жду.

— Имя не скажешь?

— Не скажу пока.

— Красивая ли?

— С какой стороны глядеть, — отвечаю ее уклончивыми словами.

— Хорошо, когда пополам солнце с луной перемешано. На весах будто ночь и день. Всего тогда хватит. К ночи чтобы душа успокаивалась, а днем на огне была. Коня подковать — железо покалить надо. Родители знатные?

— Ух ты, откуда мне знать. Я такое слово забыл.

— А знатность в крови.

Мед она захватывает особой ложечкой, с наперсток. Чашка перед ней с цветами, в блюдце не наливает, пьет по-городскому. Брошка на груди — паук с золотыми ногами: «В лавке купила, сама себе подарок поднесла».

Я выкладываю сигареты на стол, пока Люба медом наслаждается. Она тут же останавливает ложку.

— Не видела раньше, хотя запах улавливала.

— А я не всегда.

— Как же так, к чему баловаться? Яд, говорят, да и чадно.

— Ладно, Люба, покурю я, не маленький.

— Вот и хвастовство. Мужиком хочешь казаться.

Дымок протягивается ленивой полосой. Рука моя чуть на отлете. Красиво у нас с Любой на веранде. Зелень сирени крадется ветками. А в малине полнехонько, зыбко от пчел. Самовар пламенный подсвечивает хозяйке. Я немного тяну, не беру гитару. Улавливаю нетерпение Любы, как она рукой перемещает по столу,

темные трещины ползут от запястья — мазут ли вьелся, земля ли запеклась навсегда. Она примолкает, плечи стоят недвижно. Она сейчас похожа на лесной цветок, который вырос в густой прохладе где-нибудь под сосной — иголки под стеблем. Кожа шеи тоже морщин набрала, смуглая шея. Цепочка ли, бусы ли ей ни к чему были бы. Кофта на ней ливляла, но еще с шерстяной дымкой над плечами. Красивая Люба в задумчивости.

Идет она, тянется в пустоту, как будто за моей спиной кого высматривает на дальнем холме. Не подает ли голос кто...

Тогда я берусь за гитару, перебираю ее беглой ошупью.

Задетые струны отзываются, как упрашивают, сливают звуки помаленьку. У Любы круги под глазами, не голубоваты, а словно цвета земли, под снега собравшейся, — подрагивают круги легонько, над ними глаза, туманом повитые, не моргают. Там — снег, даль, вода, замирающая перед заморозком. Все это вмещают просветленные глаза Любы.

Она, не дожидаясь моего взгляда, начинает, уверенная, что я подыграю, я поддержку. У нас одно начало с Любой, один вздох глубокий.

*Там на горюшке
месяц тихо светит.
Где ты, мой Егорушка?
Кто же мне ответит?
Куст к груди крадется
прямо через полошко,
вот меня коснется —
то не ты ль, Егорушка?*

И задерживается лицом приподнятым, не откликнется ли кто. Молодеет, щеку обмахивает ладонью.

Я просто так пересчитываю струны. На воздухе небольшой голос гитары таит, как снежок первый.

— Теперь ты, — просит Люба.

И я пою про стриженных мальчиков.

*И женщины глядят из-под руки,
вы знаете, куда они глядят...*

Час так сидим и поем. Люба могла бы и до самого вечера, но спохватывается, деловито одергивает кофту.

— Надоела тебе. Ах, Рафа, Рафа, какую же ты радость в руках держишь, ведомо ли тебе? Дай бог тебе любви нескончаемой. Барышню не забудь показать мне. Я бы с ней побеседовала. С матерью что-то не говорите много, не случилось ли чего, а? И дома сидишь, нужна, значит. Меня как прикует, каменю. Погуляй сходи до озера и не заметишь, как сойдет печаль. Яблочки скоро пойдут, то-то жизнь начнется.

А ближе к вечеру весть пришла темная: Беглянку зашибло поездом. Так звали слепую лошадь. Я не пошел к насыпи, куда она забрела. Передо мной над рожью все плыла и плыла ее голова с седой гривой.

В луга он уходил, но тягостное предчувствие не отпускало. То отец стоял на глади озера с тетрадь в руках, испуганный в тишине, то мать шла по траве в голубом платье, то Клара присаживалась у копейки сена, и всегда позади нее маячили Дана с Лизонькой, пересмеивались.

Хозяйка Люба отменила выходные дни — кто-то заболел в депо, а паровозы, говорила она, и без того старые, ржавчиной покроеются.

Если бы пошел дождь, освобождение наступило бы хоть ненадолго, но небо было пустынно, оставшаяся без покоса трава задышалась.

Он приносил в дом цветы. Раньше от него разве дождешься, а тут по деревне шел и память боялся.

Украсил веранду. Мать сказала только:

— Ты меня удивляешь.

Но он пропустил это мимо. Жесткими стали ее слова, она не могла простить. Холодно передергивала плечами.

— Ну, цветы принес. — думал он. — Что же она не радуется, как чужая, ходит. А-а, не ей они, наверное, так рассудила. И простить не может, что к отцу наведется. Скорей бы в школу. Где Клара будет учиться?

Три дня прошло. Он все слонялся от озера до озера. Птицы перепархивали над головой, облака неизвестно куда текли и текли, равнодушные к земной жизни.

А когда он возвратился, откинул калитку, перебросив цветы с руки на руку, сердце стукнуло и остановилось, а потом опять звучно ударило.

На веранде были люди. Посмотрели на него, как не заметили.

Хозяйка Люба лежала на принесенном из пристроя топчане, укрытая по лицу шубейкой. Лицо выбелилось.

— Что с ней? — спросил он.

— Маховиком задело. Ничего. Почти сама дошла. Во ржи упала.

Соседка его узнала, а остальные люди не хотели видеть: с цветами гуляет, молодец выискался. Он тоже застыдился и бросил цветы с веранды, как ветошь. Незаметно бросил.

Люба разговаривала опять напевно:

— Я в пару не видела, а пристукнуло нешибко. Нет, нешибко, а широко-око только, приобняло будто во всю спину силком и откинуло. Я ж ле-огкая, если б помягче была, устояла бы. Устояла бы точно. А во ржи у меня позвонок рухнул, я услышала. Хрищик какой потерял. Услыхала, однако, вот ка-ак. Подымусь, у меня жилы кре-епкие. Скоря помощь-то ничего худого не увидела, а? Ну во-от... А-аа, Рафа пришел. Музыкант это мой, люди. Справный человек. Он мне сыграет, я и подымусь.

Тут еще машина зашумела у дома.

— Никак кто приехал? — приподняла голову Люба. — Не по мою ли душу? Так то Хадича, мать мово музыканта, — с каким-то разочарованием сразу стихла. — С мужчиной на рессорах. Вот концы-то сходятся, — прибавила загадочно. — Спина распылалась. Вокруг рожь плещется.

Он ничего не чувствовал, не оборачивался — окаменел, как сказала бы хозяйка Люба.

«Не хватало только Кларе еще открыть калитку, — горько усмехнулся. — С рыжиками...»

Отец вычерчивал коровник точными линиями. Белая бумага переливалась и высвечивала на острое лицо. Параллельные, замкнутые в пространстве, не пересекались. Он заканчивал коровник, чистенький, с большими воротами, просторный, как Дворец бракосочетаний.

И тогда раздался звонок.

ВЛАДИМИР ЯНУСОВ

Автор предлагаемого читателям очерка знает авиацию не понаслышке. Первый раз Владимир Казаков поднялся в небо, когда ему не было еще шестнадцати лет. Вот что вспоминает сам Владимир Борисович о том полете: «Когда меня, после долгих просьб, взяли помощником аэронавта на воздушный шар, мы поднялись всего лишь на триста метров, но меня, крепко вцепившегося в плетенку гондолы, потрясла глубина и безмерность неба, хотелось кричать и прыгать, и я бы не постеснялся пуститься в пляс, но, оказываясь, от восхищения может подкатить комок к горлу и наступить временный паралич...»

В марте 1943 года, как только ему исполнилось семнадцать, Владимир Казаков принял военную присягу. Планерист-десантник, пилот авиации специального применения, летчик-испытатель, вертолетчик — пятнадцать лет он отдал военной авиации и столько же Аэрофлоту.

В 1973 году Казаков совершил последнюю посадку, чтобы перейти на профессиональную писательскую работу как член Союза писателей СССР. К тому времени он уже был автором ряда рассказов и нескольких собственных книжек.

Естественно, что герои его произведений — люди, как и он сам, беззаветно влюбленные в авиацию, в небо. И тем не менее Владимир Казаков не принимает образов летчиков, оторвавшихся от земли, идеализированных до неправдоподобия. «У настоящих пилотов не отнимешь зов неба, но он начинается всегда на земле», — любит повторять Владимир Борисович.

Книги саратовского писателя Владимира Казакова переведены на многие языки народов нашей страны и зарубежных стран. Он удостоен звания лауреата Всесоюзного литературного конкурса имени А. Фадеева.

1. НА НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСЕ

Октябрь 1941 года. В штаб 243-го штурмового авиаполка пригласили военного техника II ранга Янусова. Принял его незнакомый полковой комиссар, но в комнате находились командир части Воробьев и его заместитель.

— Карту читать умеете? — спросил Янусова комиссар.

— Да.

— Вот это что? А вот это? — спрашивал, тыча карандашом в разные точки расстеленной на столе карты, комиссар.

И когда Янусов точно распознал топографические знаки, сказал:

— Отлично, воентехник! Вам задание. Есть приказ Верховного главнокомандующего уничтожить перед отступлением всю авиационную технику, оставшуюся в зоне между нашими арьергардными войсками и немецким авангардом, то есть на пока нейтральной полосе. Прежде всего это касается новейшей техники. Вот здесь, — комиссар начал ставить точки на карте, — стоит подбитый ЯК-1, здесь СБ, вот у этой рожицы поврежденный в бою ИЛ-2... Их нужно сжечь, взорвать! Берите грузовик с взрывчаткой и выполняйте задание.

— Есть!

— Мне сказали, что вы умеете и машину водить? Знаете все типы бомбовых взрывателей?

— Да.

— Поезжайте! К сожалению, помощников дать не можем...

Вадим Янусов уничтожил в разных местах четыре самолета. К предпоследнему — ИЛ-2 — пришлось добираться пешком и нести на себе взрывчатку, так как автомашина к месту не прошла.

На большой поляне-аэродроме он увидел целый, но

беспомощный, с вышедшим из строя двигателем штурмовик. Левый баллон шасси пробит, полуопущенное крыло склонилось в сторону леса. «Не сумели дотащить до укрытия,— подумал Янусов.— Капониры недалеко!»

ИЛ-2 жечь бесполезно, бронированная конструкция все равно останется и с нее враги могут снять копию— значит, только взрывать!

Неожиданно рядом с Янусовым разорвалась мина. Вскинув голову, осматрившись, военный примеренно в полтора километрах увидел пешеходов немцев. Именно оттуда по нему и самолету бил миномет.

Еще взрыв. Обожгло правую руку, и средний палец повис на кусочке кожи. Янусов, стиснув зубы от боли, пытался оторвать его кусачками, но немцы приближались, и он, оставив это занятие, поспешил к самолету.

Под крыльями штурмовика висели фугасные авиабомбы. Янусов, хорошо знающий систему сброса, вытащил из кармана длинную бечеву, привязал ее к тросу системы и, размотав на всю возможную длину, укрылся в соседнем капонире. Дернул бечеву. Бомбы упали с держателей, но не взорвались. В слешке военный забыл про ветрянки, навинченные на рыльца бомб и предохраняющие их от взрыва, да и упали они плашмя, не успев из-за малого расстояния между крылом и землей развернуться взрывателями вниз.

Времени оставалось в обрез. Тогда Янусов вернулся к самолету, свинтил с одной из бомб крыльчатку. Установил на тарели взрывателя максимальное замедление взрыва— 22 секунды и изо всей силы ударил пассатижами по взрывателю.

После удара в бомбе что-то зашипело.

Едва Янусов, добежав до капонира, упал в него, раздался чудовищный детонирующий взрыв!

Хотя военный уже лежал в глубоком укрытии, ему все равно показалось, что тело его расплющилось. Он уже не чувствовал, как комья земли, обломки самолета и ветви вырванного с корнем дерева засыпали его.

Сколько времени прошло с момента взрыва, Янусов не помнил, но понял, что жив, услышав голоса немецких солдат. Они доносились глухо, будто сквозь вату.

У огромной воронки, оставшейся от места, где стоял ИЛ-2, солдаты пробыли недолго.

Янусов выкарабкался из-под обломков, и когда поднял голову над обвалившимся бруствером капонира, лишь сучья дерева прикрывали его.

И тут он услышал звук авиационного мотора. Поднял голову. Два фашистских «мессера» заходили на аэродром, спокойно и уверенно, как на свой. Один сел на дальнем конце поля, второй остановился метрах в двадцати от капонира, где лежал Янусов. «Вот и отодвинулась нейтральная полоса»,— с грустью подумал он. Было видно, как, не выключив мотора, из кабины вылез весь затянутый в черную кожу немец и подошел к капоту. Открыл какой-то лючок, стал в нем копаться. Чутьем механика Янусов распознал, что он регулирует карбюратор.

Пилот второго «мессера», выключив двигатель, ушел в лес.

Вынув из кобуры наган, Янусов стал прицеливаться в немца, регулирующего подачу смеси. Мушка прыгала перед глазами. Не слушалась правая рука с оторванным пальцем, и держать оружие пришлось левой.

На выстрел немец никак не среагировал, из-за шумов мотора он не услышал выстрела, пуля прошла далеко от него.

Тогда Янусов, обдирая лицо о жесткие, обгоревшие ветки дерева, вылез из разрушенного капонира и побежал к «мессеру».

Они встретились.

Между ними только крыло.

Немец оцепенел, увидев перед собой человека с окровавленным лицом, черного от земли и копоти. Этого мига хватило Янусову, и он несколько раз выстрелил в упор. Немец, подогнув колени, сполз под колеса самолета...

Янусов залез в кабину «мессершмитта». Все было незнакомо. Но сектор газа летчик или техник найдет сразу в любой крылатой машине. Нашел его и Янусов. «Лучше разобьюсь на взлете, чем в плен!»—И он решительно подал сектор газа вперед.

Самолет побежал. Каждую кочку и рытвинку чувствовал большим телом новоявленного летчика.

«Мессершмитт» оторвался от земли. Стал набирать высоту. Управлял им Янусов скорее интуитивно, чем обдуманно. Он был не только авиатехником, но и спортсменом. На заре советского планеризма он летал и парил на безмоторных аппаратах в Коктебеле. И ему казалось, что летит он сейчас на пилотажном А-9, только откуда-то у него появился мотор.

Компаса в кабине чужого самолета Янусов не видел, да он и не искал его. В полубабушкин сориентировался по солнцу. Оставив желтый диск за спиной, на высоте 200—300 метров пошел на восток.

Ему казалось, что летит он очень долго и совсем не туда. Была отчаянная мысль отжать ручку от себя и

на пикировании врезаться в землю. Мысль пропала, когда увидел под самолетом знакомое шоссе. Восстановил ориентировку и повернул нос «мессера» на свой аэродром.

И тут перед винтом взметнулись два юрких краснозвездных истребителя. Где-то рядом прошла разноцветная трасса пуль. Может быть, были и другие атаки, но Янусов их не видел: колпак на «мессере» был сорван, в кабине гудел ветер, кровь из раны на руке военный лилась, унося последние силы.

Но вот и свой аэродром. Белый посадочный знак «Т» посреди поля. Янусов пошел к этому знаку, даже не определив, как он лежит. С мотором садиться не умел и выключил его, разыскав лапку магнето. Теперь он летел как на планере. Это было более привычно.

Он разогнал истребитель до свиста воздуха в крыльях— так рекомендовали летать планеристам, чтобы не потерять скорость и не свалиться в штопор.

Уже проходил на высоте нескольких метров над посадочным знаком. Янусов понял, что «промазывает». Летя по ветру, «мессер» никак не хотел приземляться. Впереди уже лес— могучие сосны. Чтобы не столкнуться с ними, Янусов потянул ручку управления по диагонали на себя— влево и выжал до отказа ногой правую педаль. Так когда-то делал он на планере перевороты. И «мессер» начал лениво крениться. Он боднул землю крылом, потом мотором. Янусова выбросило из кабины.

Таким образом военный II ранга Вадим Николаевич Янусов, однажды выехав со своего аэродрома на автомашине, вернулся туда же на «мессершмитте-109».

Он до сих пор не считает это героическим поступком, убеждая, что действовал в соответствии с обстоятельствами. Но на всякий случай в барабане его нагана оставался патрон...

2. ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАМЯТНИКА

Вадим Янусов... И по сей день загадочный, малоизвестный для многих человек. Кажется, постоянно совершает нелогичные, невыгодные для себя лично поступки.

Как изобретатель и рационализатор военной техники мог бы сделать блистательную карьеру в армии. Но демобилизовался!

Став инженером-конструктором на Вологодском станкозаводе и приобретая там уважение, через некоторое время подал заявление с просьбой перевести его слесарем.

Пожилый, солидный человек, он постоянно возится с мальчишками. Что-то с ними рисует, просчитывает, делает металлические заготовки. Все заработанные деньги тратит на какие-то «безделушки».

Неожиданно он увольняется с завода и едет в Москву на встречу с друзьями-планеристами. Там он задумывает какую-то «операцию», уговаривая товарищей собраться в сентябре в Коктебеле. Уговорил человек сорок. Притом сообщил, что по прибытии в Крым их будет ждать обелиск и поставит его он сам, лично. Многие это обещание всерьез не приняли, посчитав за пустое бахвальство. Но надо было лучше знать Янусова.

На следующий день, за час до отхода поезда на Феодосию, Янусов уже был на Курском вокзале. В его руках маленький чемоданчик и мешок из-под картошки с «железкой» весом 97 килограммов! Из-за этого драгоценного для него груза он заранее приехал на вокзал, нашел свою платформу, рассчитал, где остановится его вагон. Но поезда все не было.

И вдруг объявляют, что его поезд подан на другую платформу.

Потрясенный сообщением Янусов озирается вокруг: носильщиков с тележками нет. Их много, когда они не нужны. Янусов хватается «центнер» в мешке и, пробиваясь сквозь толпы вокзального люда, несет искать свой вагон. Но поезд уже лягушкой сцепками. Пришлось забросить стокилограммовый мешок в первую открытую дверь.

Только под Тулой Янусов отдышался и перебрался на свое законное спальное место.

В Крыму Янусов несколько дней жил у знакомых в поселке Планерское. Потом устроился слесарем в тракторную бригаду, переехал в общежитие.

В первый же день работы, в обеденный перерыв, Янусов нарезал болт. Не для трактора— для обелиска. В воскресенье начал долбить в каменистом грунте горы Клементьева яму под фундамент будущего постамент. Вечерами пилил, точил металлические детали.

Неожиданно пришла мысль и решение: установить не один, а два памятника! Пробный— на территории турбазы «Приморье».

Понадобилась труба пяти-шести метров длиной и диаметром 200—250 миллиметров. Где ее взять?

Янусов начал бродить по окрестностям поселка Планерское, день ото дня увеличивая расстояния

своих «путешествий». В начале июля недалеко от развилки дорог на Феодосию и Орджоникидзе, в 7 километрах от турбазы «Приморье», увидел брошенные строителями водопровода трубы. Облюбовал одну. В первую ночь откатил трубу на 300 метров. До места назначения осталось 6 километров 700 метров! Неплохо бы нанять автомашину, но лишних денег в кармане не было.

К середине июля труба подкатилась к воротам турбазы «Приморье».

Очередь за котлованом. Где его рыть? Решил— на центральной клумбе. Предварительно попросил «добро» у директора турбазы. Вскоре яма на клумбе скрыла землекопа уже с головой. Когда глубина ямы дошла до нормы, Янусов подкатил к ней трубу и попытался столкнуть ее конец в яму. К нему пришли на помощь несколько парней с твердыми бицепсами. Шутя, они быстро поставили трубу, а Янусов укрепил ее вертикально временными расчалками. Потом он поехал на растворный узел. За собственную двадцатку купил там цементного раствора и приехал в Планерское, залил им вырытый котлован. Теперь труба стояла «как штык».

Уходили первые дни августа. Скоро, 18-го, День авиации. Янусов торопится. Снимает с пыльного чердака одного из домов турбазы крылья и фюзеляж металлического планера, который завез для музея около 4 лет назад, стыкует их. Достает из заветного мешка шарнирный узел, тот самый, весом в 97 килограммов, который вез из Вологды, и присоединяет его к нижней части фюзеляжа.

Теперь нужен подъемный кран, чтобы водрузить планер на трубу.

17 августа Янусов ловит автокран, договаривается с шофером о цене.

И вот с большими предосторожностями за крюк прицеплен легкий крылатый аппарат, отслуживший свой ресурс в небе. В его пилотской кабине Янусов. Они возносятся на высоту трубы-столба. Плавно входит стыковочный шарнирный узел в ствол трубы. Янусов, перегнувшись из кабины, четырьмя болтами крепит соединение...

Трос слабнет. Планер не падает. Раздается команда: «Отдать гак!» Стрела крана уходит в сторону, а планер вместе со счастливым Янусовым медленно поворачивается на шарнире под легким дуновением ветра.

Собирается толпа любопытных. Они смотрят, как седой пожилой человек вылезает из кабины на спину планера, замирает строго по центру фюзеляжа, потом легонько, как циркач на проволоке, перемещается по направлению к хвосту.

Обелиск держится прочно!

Янусов прыгает на землю. Ушибается, но боли не чувствует, торжество переполняет его. Столько лет мечтал, готовился— и вот сделал!

К нему подходит шофер автокрана. В его руках «красенькая», которую он накануне получил от Янусова. Тот сразу не понял: «Ах, десятка тебе мало, крохобор!» Но шофер объясняет:

— Я думал, ты левак какой! А ты не себе делаешь. Да ты не знаешь, какой ты есть человек. Не обижай меня— возьми свои деньги назад.

Не находя ответа, Янусов еле сдерживает волнение.

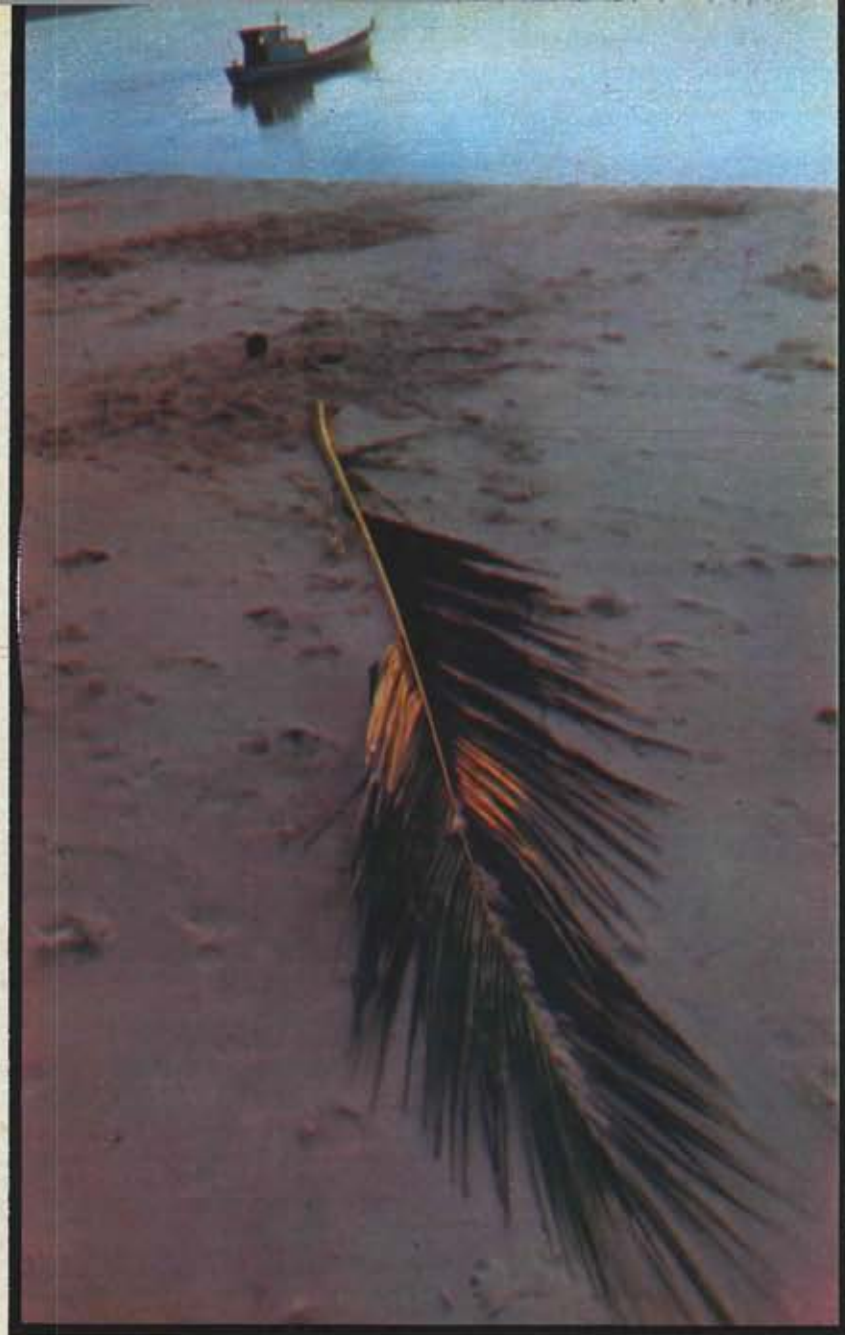
— Поедем ко мне в Щербаковку,— приглашает шофер.— А? Закусим. Со своими познакомлю. Обратный привезу на «Волге».

Вот так Вадим Николаевич Янусов, «непонятный» человек, по собственной инициативе и на свои средства установил в Крыму на турбазе «Приморье» памятник героям-планеристам— цельнометаллический рекордный планер «Антонов-11». Во все проспекты и книги о Коктебеле вошли описания и фотографии этого памятника, выпущены значки с его изображением, но мало кто знает, кем он был поставлен и как.

А 26 августа на горе Клементьева разворачивался носом по ветру другой серебристый планер— А-13, установленный на каменном постаменте. Его видно с любого места коктебелевской земли. Он тоже для людей, как память об отважных советских планеристах, свивших в 30-е годы свое гнездо на Горе и давших отечественной авиации сотни отличных летчиков, десятки талантливых конструкторов, в числе которых Сергей Королев, Олег Антонов, Сергей Анохин...

...18 июля 1978 года автор этого очерка вместе с генеральным конструктором знаменитых «Анов» — Олегом Константиновичем Антоновым были «в гостях» у Янусова на горе Клементьева, куда из Вологды он привез интернатских ребят, чтобы научить их летать.

Мы увидели на Горе его красный планер «АнЯ» (Антонов-Янусов), построенный собственными руками и руками его мальчишек, любимых в небо. Мы видели, как освещенная солнцем пурпурная «АнЯ» поднималась над Горой и управлял ею шестидесятилетний, но вечно молодой Вадим Янусов, неутомимый изобретатель, летчик и романтик...

тографии Евтушенко — это своеобразный визуальный эквивалент его поэзии. Те же проблемы, ситуации, характеры, привязанности. Та же интонация. Тот же взгляд на вещи, то же мироощущение. Иначе, наверное, и быть не может.

«В поэзии я всегда был больше фотографом, чем живописцем», — считает Евтушенко. И в фотографии его **ПЕРСПЕКТИВА.**

АНГЛИЯ СТАРАЯ И МОЛОДАЯ.

привлекает не подражание живописи, а она сама — чистая и неприукрашенная. Это не значит, конечно, что автора совсем не интересуют изобразительные качества его работ. Напротив, многие снимки Евтушенко отличаются изощренной композицией, тонкое цветовое решение, точно выбранный формальный прием. Особенно ему удается съемка сверхширокоугольной оптикой, которая смещает пропорции и масштабы. На одной из его фотографий пустая бутылка из-под кока-колы приобрела гомерические размеры и

ОБЪЕКТИВ ПОЭТА

Фото
Евгения
ЕВТУШЕНКО

Страшно представить, сколько фотокамер щелкают ежесекундно на нашей планете. Миллионы щелчков, и миллионы раз время останавливается навсегда в глубине черной коробочки со стекляннным глазом. Снимают рабочие, врачи, учителя, артисты, космонавты — снимают все. Правда, известных поэтов среди фотолюбителей было мало. Этот пробел восполнил Евгений Евтушенко.

...На его выставке в Москве я услышал брошенную кем-то реплику: «Нельзя всюду успеть. Лучше бы он писал стихи...»

Вероятно, стоит отличать суетное желание «всюду успеть» от благородного стремления реализовать свой творческий потенциал с максимальной полнотой.

Фотографировать Евтушенко никогда толком не учился. В этом его слабость. И в этом его сила. Он просто перешагнул период ученичества. Поэтому его снимки совершенно лишены профессиональных штампов и ошеломляюще разнокалиберны. Есть среди них кадры банальные, легковесные, никакие. Но, к счастью, таких немного. Лучшие его работы так же выразительны, как и лучшие его стихи. **ФО-**

РАСПРОДАЖА.

УЛЫБКА АЗИИ.

НА КАТОК.

**ПОД ФЛАГАМИ
ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.**

тается нащупать тот стержень, который объединяет людей, таких непохожих и таких единых в своем стремлении к счастью. В его зарубежных фотографиях, представляемых сегодня читателям «Смены», мало экзотики. Зато много поводов для раздумий, подчас невеселых. Его фотографии точны. Их отличает то, что вообще отличает по-настоящему хорошую фотографию.— абсолютная подлинность. Добиться этого нелегко.

На первый взгляд фотография кажется легким делом. Но перешагнуть барьер, отделяющий достоверность протокола от особой, взволнованной подлинности, неизмеримо трудно. Известный французский фотограф Анри Картье-Брессон сказал, что для этого нужно «поставить на одну линию прицела голову, глаз и сердце».

Однажды Евтушенко процитировал Пастернака — «всесильный бог деталей» — и сказал, что это больше всего подходит к фотонискусству. Видеть мир четче, повисить, говоря фотографическим языком, «разрешающую способность» своего мироощущения — это так важно для каждого из нас. А для поэта — вдвойне. Так что пусть муза поэзии не слишком ревнует Евгения Евтушенко к музе фотографии.

Эту музу зовут прекрасным именем Жизнь.

Сергей ВЕТРОВ

выглядит нагло-монументально на фоне дряхлого римского Колизея. Так технический прием обретает символику.

И все-таки поиски формы в его фотографическом творчестве — вещь второстепенная.

«Объектив в неравнодушных руках не может быть холодно объективным» — этими словами Евтушенко сам определил наиболее привлекательную сторону своих работ: неравнодушие.

Кого бы он ни снимал — ближайших родственников и друзей, или влюбленных на сибирском полустанке, или

крестьянина где-то в Юго-Восточной Азии, — всюду ощущается заинтересованность автора в судьбах своих героев. Его снимки могут быть неприглаженными, взъерошенными, сыроватыми, но никогда не бывают равнодушными. Впрочем, их неприглаженность — это тоже достоинство, особенно сейчас, когда все мы устали от некоторого избытка фотографий гладеньких и натужно-благополучных.

Географический диапазон его снимков необычайно широк, ведь их автор побывал в 67 странах мира. Но сквозь туристскую сумятицу Евтушенко пы-

АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

БЕЗ ПОМОЩИ КОСМИЧЕСКИХ ПРИШЕЛЬЦЕВ

Огромный каменный монолит прямоугольной формы весом около 32 тонн был обнаружен возле небольшого населенного пункта Бужон, неподалеку от города Пуатье (Франция). Находка вызвала большой интерес археологов.

Ученые предположили, что речь идет о священном камне, на котором совершали свои ритуальные обряды племена, населявшие эти места несколько тысячелетий назад. Такие своеобразные алтари, правда гораздо меньших размеров, встречались в Западной Европе и раньше. Ажиотаж вокруг каменного монолита достиг кульминации, когда геологи сообщили, что он был добыт не в местном карьере, а другом, находящемся на расстоянии 250 километров от Бужона. Специалисты недоуменно развели руками: как можно транспортировать глыбу в 32 тонны весом на такое расстояние, когда люди еще не знали колеса? В прессе замелькали предположения о «пришельцах из космоса»...

Французский исследователь Жан-Пьер Адам решил развязать gordiev узел и приступил к детальному изучению аналогичных явлений, встречающихся в мировой практике. После анализа накопленного материала он заявил, что огромная глыба была отделена в карьере при помощи деревянных клиньев, сбиваемых в естественные трещины, а поверхностная обработка велась кремневыми орудиями. После забивки клиньев по всему контуру монолита их смачивали водой. Расширяясь, деревянные клинья разрывали породу до полного отделения монолита. По мнению французского ученого, люди каменного века использовали для транспортировки отколотой глыбы круглые бревна, обмозанные глиной.

Сторонники «внеземного» происхождения археологической находки в Бужоне предложили пари. Его смысл заключался в следующем: могли или не могли передать такую машину на расстоянии в 250 километров первобытные люди? Жан-Пьер Адам и режиссер телевизионных фильмов Робер Кларк решили провести эксперимент. По их призыву 300 добровольцев из Бужона взялись участвовать в подтверждении исторической истины. Вначале каменный монолит был приподнят с помощью деревянных ваг. Под ним уложили круглые бревна, а затем 170 человек, взявшись за пеньковые веревки, начали тянуть его вперед. Одновременно 30 человек быстро укладывали откатывающиеся назад бревна перед монолитом. Эксперимент завершился полным успехом.

Пари выиграли два убежденных в своей правоте исследователя. Но в конечном счете больше всего выиграла наука. Ученые и специалисты располагают теперь фильмом, во всех деталях показывающим приемы и возможности людей далекого прошлого.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

ОБЕЗЬЯНЫ НА АЛЯСКЕ?

Группа археологов из Гарвардского университета заинтересовалась изображением обезьяны, найденным на территории одного из индейских племен в северозападной части США. Это изображение, датированное XIX веком, представляет собой ритуальную маску. Хотя в настоящее время в этом районе нет ни больших, ни малых обезьян, однако легенды этого племени и двух соседних племен упоминают о некогда жившей в горах громадной обезьяне, которая искала в горном потоке ракушки и ела их.

Как же она выглядела? Ее общее описание совпадает с описанием таинственного человекообразного существа, которое индейцы называют «саскуотч». Сведения о неуловимом «саскуотче» время от времени появляются в печати. Некоторые ученые склонны считать «саскуотча» разновидностью знаменитого «снежного человека», до сих пор обитающего, как полагают, в труднодоступных районах. Может ли обезьянья маска, обнаруженная в индейском племени, служить свидетельством того, что таинственный «саскуотч» действительно до недавнего времени существовал или даже еще существует? Ответа на этот вопрос пока нет...

«СЪЯНС Э ВИ», ФРАНЦИЯ

Когда каждый метр на счету

Амстердамский аэропорт «Шипхол» представляет собой оригинальный символ отчаянной нужды в земельной площади, которую испытывает Голландия. Там даже промежуток между взлетно-посадочными дорожками сданы в аренду для посадки овощей...

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

Тоска по голубой крови

Все известно, что Италия является республикой, она закончила с монархией в результате референдума, проведенного 2 июня 1946 года. Но, сколь ни удивительно, кое-кто по-прежнему считает эту страну королевством. Ведь если последний итальянский король Умберто Второй никогда от престола не отрекся, то он, следовательно, имеет законное право награждения дворянскими, графскими и прочими титулами и званиями! При этом никакого значения не имеет, что он правил подданными всего 27 дней. И бывший монарх, обитающий ныне на своей вилле в Португалии, продолжает раздавать титулы.

Кого же он награждает? Прежде всего разного калибра бизнесменов, для которых благородный титул является предметом престижности и в которых, разумеется, не забывают щедро отблагодарить за него экс-король. Так были причислены к лику представителей «голубой крови» владелец фирмы по производству веревки, оптовый поставщик колбасных изделий и т. д. Конечно, старые «истинные» аристократы смотрят на салонизацию свысока и не признают их, но в таком признании никто особенно и не нуждается.

Желающие получить соот-

ветствующий титул не обязательно должны обращаться к регистру его бывшего королевского величества — есть и другой путь. После войны в Италии образовался целый ряд больших и малых организаций, занимающихся вопросами геральдики. Некоторые из них за умеренное вознаграждение в полмиллиона лир отыскивают желающих в архивных документах какой-либо знено, соединяющее их с королевским или иным знатым родом. Результатом является получение красиво оформленного на пергаменте генеалогического древа.

Хозяин одного из таких геральдических бюро, находящегося во Флоренции, говорит: «К нам поступает в год около тысячи заявок. Заказчиками являются промышленники, торговцы, дамы и господа из богатых слоев общества, чаще всего — итальянцы, живущие в США. Они ни секунды не колеблются в готовности раскошелиться, лишь бы только продемонстрировать «безродным» американцам, как далеко в прошлое уходит их родословная и каких благородных предков они имеют»...

«ПАРАЛЛЕЛИ»,
БОЛГАРИЯ

«Колодец Нерона»

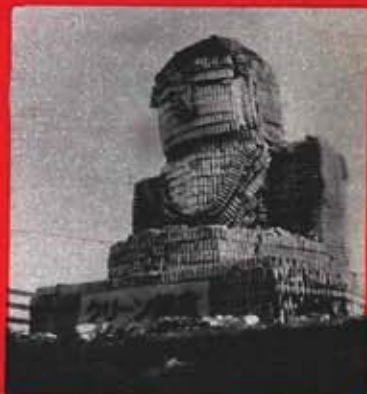
После многовекового «простоя» снова ожил древнейший колодец Рима — так называемый «колодец Нерона», который расположен на территории Ватикана. Он был построен в I веке новой эры и своим именем обязан тому, что находился у подножия холма, где располагались сады римского императора Нерона. По свидетельству современников, Нерон, страдавший манией величия, «прославился» тем, что в 64 году поджег Рим. Большая часть Вечного города сгорела. Сады же уцелели, уцелел и находившийся в них «цирк Нерона». После трагического пожара в нем были казнены многие последователи возникшей в те времена новой религии — христианства, которых обвинили в поджоге Рима.

Что касается колодца, то, по предположению археологов, из него брали воду для водных феерий, которые устраивали в цирке для утех императора и его придворных. Реставрировать колодец было непросто — он находится на восьмиметровой глубине, под проходящим рядом современным шоссе.

ЕСТЬ И ТАКОЙ БУДДА...

На пляже в Камакуре (неподалеку от Токио) появилась необычная статуя Будды. Соорудил ее один отдыхающий. В течение некоторого времени он собирал разбросанные повсюду пустые жестянки из-под напитков и затем, рассортировав их, соорудил копию находящегося неподалеку старинного (1243 года) изваяния Будды.

«Т-81», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

«УНИТА», ИТАЛИЯ

Алкоголь по карточкам

В Гренландии власти ввели карточную систему на все спиртные напитки, в том числе и на пиво, как меру борьбы с возрастающим алкоголизмом. На каждого взрослого человека выдается 72 талона в месяц на покупку спиртных напитков из следующего расчета: за банку пива требуется отдать один талон, за бутылку вина — 6 талонов и 24 талона — за бутылку виски, коньяка и других крепких спиртных напитков. Рассчитывают, что это решение снизит угрожающий рост алкоголизма в стране.

«ПАРЕЙД», США

ГРАБИТЕЛЮ ДЕВЯТЬ ЛЕТ

В знаменитую книгу рекордов Гинесса включен новый рекорд. В один из банков Нью-Йорка вошел мальчик, которому, как оказалось впоследствии, незадолго до этого исполнилось девять лет. Подойдя к кассе, он достал из школьной сумки пистолет 45-го калибра, направил его на кассира и негромко произнес: «Не двигайтесь с места! А ну-ка, живо сюда деньги!» Никто не успел опомниться, как мальчишка, схватив подошедшие ему кассиром 118 долларов, исчез. Два дня спустя он явился в ближайший полицейский участок и заявил, что сдастся.

С того дня история самого юного в мире грабителя не сходит со страниц печати. Газета «Нью-Йорк пост» ласкательно назвала его «бэби-бандитом» и направила своего специального корреспондента для подготовки серии репортажей из зала суда над несовершеннолетними. Прочие газеты последовали этому примеру и тоже послали в суд своих репортеров (их набралось около сорока). Все они обязались называть девятилетнего обвиняемого только по имени — Роберт, не упоминая нигде его фамилию.

Защитил Роберта известный адвокат Мал Закс, который убедительно доказал, что его подзащитный является жертвой средств массовой информации и прежде всего телевидения. Именно таким путем Роберт получил четкие практические инструкции о том, как ограбить банк. Закс потребовал, чтобы судебное разбирательство этого дела происходило при открытых дверях.

Но тут произошло нечто неожиданное: одна из крупнейших телевизионных компаний Эн-би-си, выдвинула против Закса встречный иск, заявив, что телевидение не имеет к делу ни малейшего отношения. Главный юрист Эн-би-си Флойд Абрамс в длинной речи пытался доказать, что род преступности в стране ни в какой мере нельзя связывать с детективными сюжетами телевизионных фильмов, сценами насилия, убийств и т. д. Абрамс обвинил Закса в том, что тот искусно использовал этот случай для саморекламы с целью привлечения новой клиентуры.

В результате всего этого судебный процесс пришлось отложить для «расследования дополнительных обстоятельств». Это означает, что телекомпания Эн-би-си удалось отвлечь внимание широкой публики от самого существа дела.

«ШТЕРН», ФРГ

ДЕТИ УЛИЦЫ — ГАМИНЭС

Кто такие «гаминэс»? В Боготе, столице Колумбии, так называют детей, которым дом заменила улица. Их возраст — от двух лет и старше. Ночуют они в картонных коробках на тротуарах или попросту на траве в парках и скверах. Целыми днями бродят по городу, попрошайничают, воруют.

«Гаминэс» — сущее наказание для полиции, служб по охране общественного порядка и, разумеется, городских властей, которые ежегодно предназначают крупные суммы из муниципальной кассы на то, чтобы избавиться наконец от этой проблемы. Власти устраивают облавы, пойманных детей распределяют по специальным домам общественного надзора. Однако оттуда «гаминэс», как правило, убегают и возвращаются на улицу.

Откуда они берутся? Сколько их? По данным боготской газеты «Тьемпо», публикующей ежедневно целые столбы сообщений о том, что, где, у кого «гаминэс» украли или кого избили, их около 7 тысяч. Эта проблема беспокоит общественность уже тридцать лет — с тех пор, как Богота стала Меккой для жителей маленьких деревенок и городков, которые в поисках лучшей доли — работы и заработка — покидают насиженные места. Ежедневно в Боготу прибывают тысячи отверженных. Понятно, что все они пополняют ряды бездомных. А так как многим родителям или матерям-одиночкам нечем кормить детей, они позволяют им попрошайничать.

На улицах маленькие бродяги живут не поодиночке, а группами. Те, кто постарше, организуют довольно четкую «работающую» воровские банды или компании попрошайек, неуловимые для полиции и часто используемые для более крупных преступных дел взрослыми уголовниками. Поскольку в Колумбии нет никаких ограничений при приеме несовершеннолетних на временные работы, связанные с обслуживанием, или в частные мастерские, то, вступая из детского возраста в подростковый, «гаминэс» превращаются в самую эксплуатируемую в стране рабочую силу. В Боготе и других крупных городах Колумбии на временных работах занято свыше трех миллионов детей в возрасте до 14 лет, которые получают за свой изнурительный труд мизерное вознаграждение.

Герман Кастро Кайседо, режиссер колумбийского телевидения, снимавший фильм о «гаминэс», заявляет: ознакомься с условиями, в которых живут бездомные малыши, он больше не удивляется сообщениям полиции, что там-то и там-то были найдены дети, разорванные собаками или крысами, — ему самому довелось присутствовать при такого рода находках.

«ВИДНОКРЭНГИ», ПОЛЬША

НЕОБЫЧНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Английских ученых живо интересует необычная пара живущих в Лондоне близнецов, за которыми они ведут наблюдение с момента

рождения. Сестры Келли и Карли Смит родились от смешанного брака, их мать Пат — типичная ирландка со светлой кожей, белокурыми волосами и голубыми глазами, а отец Тони — негр. Чернобелые двойняшки — явление необычное. Келли точная копия матери, а Карли — отца. У детей от смешанных браков, как правило, всегда доминируют свойства отца. Некоторые ученые предсказывали, что через год-два кожа белой Келли потемнеет. Однако сестры отпраздновали уже в третий раз день рождения, но цвет кожи Келли по-прежнему белый, а Карли шоколадный.

ТАЙМС, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ВЕЛОСИПЕДНАЯ АМЕРИКА

Растущие цены на бензин, усилия по защите окружающей среды, стремление к двигательной активности, которой столь недостает современному человеку, — все эти факторы приводят к тому, что старый добрый велосипед завоевывает все большую популярность.

Особенно удивителен этот процесс в США, где автомобиль (и непременно максимально возможной мощности) до последнего времени являлся фактором социального престижа и непременным атрибутом пресловутого «американского образа жизни». Количество проданных велосипедов в стране сегодня превышает количество

проданных автомобилей, и все большее число американцев пользуется двумя колесами для поездок на работу. Подсчитано, что любители велосипедной езды экономят стране 300 миллионов галлонов бензина в год. То, что еще лет десять назад казалось причудой, теперь стало одной из черт современного быта. Энтузиасты велосипеда утверждают, что на коротких расстояниях в условиях города этот вид транспорта неизменно оказывается быстрее автомобиля, вынужденного простоять в транспортных пробках и заторах.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ», ВЕНГРИЯ

Язык, состоящий из цифр

Индиец К. Р. Гопалакришна посвятил 15 лет своей жизни созданию нового искусственного языка, который назвал «Абсама». В отличие от всех других существующих языков, включая искусственные, слова нового языка состоят не из букв, а из цифр. Первый двуязычный словарь уже составлен: речь идет об абсама — английском слове, который содержит 2500 слов. По мнению автора, этот новый язык незаме-

ним в качестве международного, особенно когда собеседники — люди глухи; он удобен для электронно-вычислительных машин и является также «идеальным средством для возможных контактов с внеземными цивилизациями». Более тысячи человек подписались на журнал, на страницах которого будут обсуждаться проблемы вновь созданного языка.

«НБИ», ГДР

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении

СМОТРИТЕ.

Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ
Стихи Николая ДОБРОНРАВОВА

ДА РАЗВЕ СЕРДЦЕ ПОЗАБУДЕТ

Над спортивной ареной капризное солнце...
И удача не каждому будет светить...
Вы на бой провожаете ваших питомцев.
Этот взгляд никогда мы не сможем забыть...

ПРИПЕВ:
Да разве сердце позабудет
Того, кто хочет нам добра,
Того, кто нас выводит в люди,
Кто нас выводит в мастера.

В этом зале вы нам не читали морали,
Просто место нам всем в вашем сердце нашлось.
Просто в ваших глазах мы порою читали
И улыбку, и гнев, и безвыходность слез...

ПРИПЕВ.

Все отдав до конца, трудный день отработав,
Вы о завтрашнем дне начинали мечтать.
Вы — конструктор побед, Королев наших взлетов.
Мы вам верим и, значит, должны побеждать!

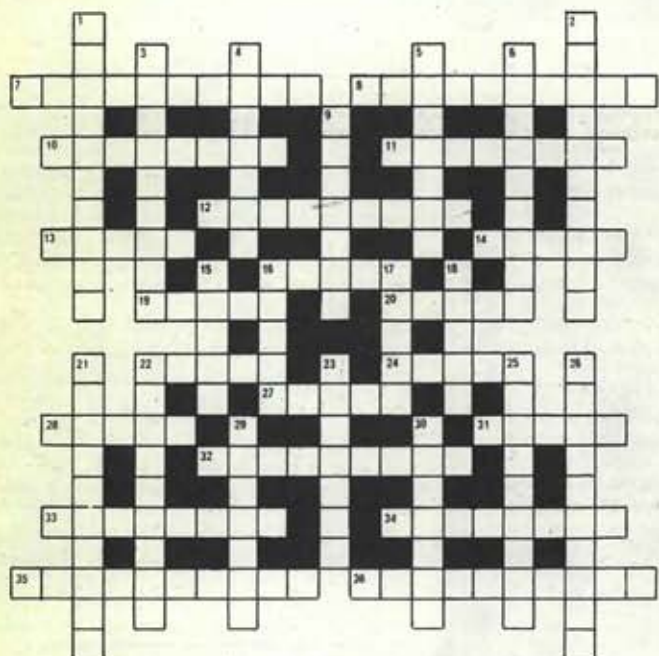
ПРИПЕВ.

Мы уйдем, чемпионы и просто спортсмены...
Вам с другими придется с нуля начинать.
Вы таланту и мужеству знаете цену.
Пусть другие научатся вас понимать...

ПРИПЕВ:
Да разве сердце позабудет
Того, кто хочет нам добра,
Того, кто нас выводит в люди,
Кто нас выводит в мастера.

КРОССВОРД

Составила М. ФИГНЕР,
Москва

По горизонтали:

7. Материк. 8. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Женитьба». 10. Комедийное музыкально-театральное представление. 11. Электромагнитное устройство для нагрева. 12. Животное семейства свиней, обитающее на Малайском архипелаге. 13. Хвойное вечнозеленое дерево. 14. Щит, стойка для экспонатов, газет. 16. Объединение предприятий одной отрасли. 19. Бальный танец. 20. Пьеса А. П. Штейна. 22. Декоративная ткань с шелковой основой. 24. Отрицательный полюс электрического аккумулятора. 27. Антилопа. 28. Пьеса М. Горького. 31. Эстонский актер, народный артист СССР. 32. Бурая водоросль, морская капуста. 33. Областной центр в РСФСР. 34. Жанр древнерусской литературы. 35. Бурильный инструмент. 36. Город в Ленинградской области.

По вертикали:

1. Раздел оптики. 2. Раздел астрономии. 3. Один из руководителей вуза. 4. Действующее лицо оперы Т. Н. Хренникова «В бурю». 5. Порт в Польше. 6. Ударный музыкальный инструмент. 9. Басня И. А. Крылова. 15. Вещество, используемое как закрепитель аромата духов. 16. Река в Киргизии и Казахстане. 17. Опера Д. Пуччини. 18. Малая планета. 21. Гигиенические ароматичные изделия. 22. Пьеса Д. Б. Шоу. 23. Песня на слова М. А. Светлова. 25. Город на севере Индии. 26. Композитор и дирижер, создатель классических произведений армянской симфонической и оперной музыки. 29. Футляр для предохранения светочувствительных материалов в фотографии. 30. Американский писатель, автор романа «Джунгли».

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 15**

По горизонтали:

5. Филигрань. 8. «Разлом». 9. Павлов. 12. Анод. 13. Устрица. 15. Опал. 16. Ротатор. 17. «Куранты». 18. Морoshка. 20. Голавль. 24. Лист. 25. Новелла. 26. Анна. 27. «Корсар». 29. Гамбия. 31. Целлюлоза.

По вертикали:

1. Риад. 2. Диаметр. 3. Триптих. 4. Снов. 6. Чандра. 7. «Ворона». 10. Антология. 11. Кантилена. 13. Уточкин. 14. Ахунова. 19. Остров. 21. Анализ. 22. Кварели. 23. Флигель. 28. Стен. 30. «Муза».

Писать о работах Юрия Трусевича сложно. Сложно потому, что его творчество многопланово и многогранно: живописные полотна, сценографические работы, графические листы.

Наверное, и сам Юрий не предполагал, что после окончания художественно-графического факультета Московского государственного педагогического института судьба дарует ему такую сложную и прекрасную жизнь.

В поисках своего творческого «я» молодой художник приходит на Центральное телевидение. Здесь в работе над декорациями переплелись пути традиционного театрального изобразительного искусства с достижениями дня сегодняшнего.

Театральные декорации... При работе над ними Юрий меньше всего думает о рационализме. Решение сложных сценических задач идет у него от оригинальности замысла. Он ищет и находит новое в поэтическом строе спектакля, творит, выдумывая новое, и в конструкции декораций, и в живописи, и в использовании современных материалов.

Самым любимым и дорогим для сердца и рук Юрия стало участие в телепередаче «От всей души». Эта передача — новое в искусстве сценографа, ее необходимо делать именно от всей души, отдавая ей все силы, всего себя. «От всей души» — это поездки по стране. Трудно перечислить города, куда приводила судьба Юрия Трусевича. И все эти поездки, конечно, немислимы без встреч с новыми людьми, впечатлениями, результатом которых у любого художника является рождение новых работ.

Стремление быть там, где интереснее, где ты нужнее, двигало Юрием Трусевичем и когда он отправился в творческую командировку в Якутию,

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

БУРОВАЯ В ТЮМЕНИ.

на трассу БАМа. Из этой поездки он привез эскизы своих будущих больших полотен, и у художника появилось чувство сопричастности к тому большому делу, которое творится руками советских людей.

Пейзажи Якутии... Это не просто пейзажи, не только красота окружающей нас природы. Это природа плюс деятельность в ней человека; вот тяжелый вертолет завис над озером, на берегу которого, словно отдыхающие мамонты, столпились мощные грузовики. Вокруг низкорослые березки, кустарник, мятая трава. Вроде бы и скуповат пейзаж, но как много говорит он нам — людям двадцатого века: «Человек, береги природу!»

Поездка в Якутию явилась переломным моментом в творчестве художника, она настолько обогатила его, дала такой обильный материал, что даже после ее завершения из-под кисти живописца вышло много интересных работ: лирическая «Концерт на БАМе», мягкотональная «Поселок Мурьшкары», отражающая героико-сегодняшних дней «Нюрэнгринский разрез». Автор в них точно передает дух стройки века, ее черты, которые с годами, несомненно, станут легендарными.

Интерес к неповторимым особенностям природы ясно проявляется в портретах, принадлежащих кисти Трусевича. К ним у художника особый подход. Здесь довольно часто задумчивая грусть сочетается с драматизмом образов. Порой, когда долго и внимательно смотришь на его портреты, кажется, что звучит с полотна мелодия тихой прозрачно-холодной московской осени — те же спокойные неброские цвета, те же грустное, задумчивое настроение живописи.

Юрий пишет портреты красиво и искренне, не впадая в красивость и сентиментальность. При этом возвышает образы, но они не теряют своей типичности и принадлежности к нашему времени.

Творчество Юрия Трусевича по сути своей направлено на защиту всего, что есть живого, изначально доброго в человеке, против всех попыток нивелировки творчества. Отсюда, очевидно, и тяга его как художника к овладению возможно большим разнообразием изобразительных жанров, желание вобрать в себя всю их сложность и богатство.

Геннадий СТЕПАШЕНКО

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ТЕЛЕСПЕКТАКЛЮ «СОЛО ДЛЯ ЧАСОВ С БОЕМ».

ВЕЧЕР В ШУРУШКАРАХ.

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ТЕЛЕПОСТАНОВКЕ «ВЕНЕЦИАНСКИЕ ЗАРИСОВКИ». СЮЖЕТ ИЗ ЮНОСТИ.

